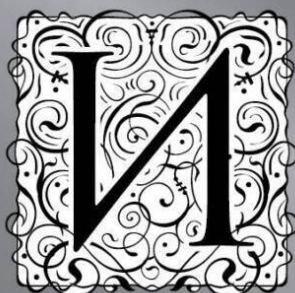

РЕБЕККА
КУАНТ

СОКРЫТАЯ
ИСТОРИЯ

fanzon

Fanzon. Ребекка Куанг

Ребекка Куанг

Вавилон. Сокрытая история

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Куанг Р.

Вавилон. Сокрытая история / Р. Куанг — «Эксмо»,
2022 — (Fanzon. Ребекка Куанг)

ISBN 978-5-04-191658-9

Лауреат премии «Небьюла». Номинант премии «Локус». Книга года по версии книжной сети Barnes & Noble и Blackwell's. Книжный Топ-100 по версии Time. Новый роман от создательницы трилогии «Опиумная война». Роман, являющийся тематическим ответом на «Тайную историю», с добавкой «Джонатана Стренджа и мистера Норрелла», в котором рассматриваются использование языка и искусства перевода в качестве доминирующего оружия Британской империи и студенческие революции как акт сопротивления власти. Traduttore, traditore. Акт перевода – это всегда акт предательства. 1828 год. После погубившей Кантону холеры осиротевший Робин Свифт попадает в Лондон к загадочному профессору Ловеллу. В течение многих лет он изучает латынь, древнегреческий и китайские языки, готовясь к поступлению в престижный Королевский институт переводов Оксфордского университета, известный также как Вавилон. Его башня и его студенты – мировой центр перевода и, что важнее, магии. Искусства проявления потерянных при переводе смыслов, с помощью зачарованных серебряных слитков. Именно эта магия сделала Британскую империю непобедимой, а исследования Вавилона в области иностранных языков служат внешней политики Империи. Для Робина Оксфорд – это утопия, посвященная стремлению к знаниям. Но знания подчиняются власти, и, будучи китайцем по происхождению, Робин понимает, что служить Вавилону означает предать собственную родину. По ходу обучения молодой человек оказывается перед выбором между интересами Вавилона и тайного общества «Гермес», которое стремится остановить имперскую экспансию. Когда Великобритания развязывает захватническую войну с Китаем ради серебра и опиума, Робину приходится принять решение... Можно ли изменить могущественные институты власти изнутри, без лишних жертв, или революция всегда требует насилия? «Великолепно. Одна из самых блестящих, актуальных книг, которую

я имела удовольствие читать. Роман является не просто фантастической альтернативной историей, а исследованием, рассматривающим колониальную историю и промышленную революцию, переворачивая и встряхивая их». – Шеннон А. Чакраборти «Блестящее и пугающее исследование насилия, этимологии, колониализма и их взаимосвязи. Роман “Вавилон” столь же глубок, сколь и трогателен». – Алексис Хендерсон, автор книги «Год ведьмовства» «Ребекка Куанг написала шедевр. Благодаря тщательному исследованию и глубокому погружению в лингвистику и политику языка и перевода она смогла создать историю, которая является отчасти посланием своих противоречивых чувств академической среде, отчасти язвительным обвинением колониальной политики, и все это является пламенной революцией». – Ребекка Роанхорс «“Вавилон” – это шедевр. Потрясающее исследование идентичности, принадлежности, цены империи и революции, а также истинной силы языка. Куанг написала книгу, которую ждал весь мир». – Пен Шепард «Настоящая магия романа Куанг заключается в его способности быть одновременно научным, но и неизменно доброжелательным к читателю, заставляя чувствовать язык текста на страницах столь же чарующим и мощным, как и чудеса, которые можно достичь с помощью серебра». – Oxford Review of Books «Удивительное сочетание эрудиции и эмоций. Я никогда не видел ничего подобного в литературе». – Точи Онибучи «Если вы планируете прочитать только одну книгу в этом году, то возьмите “Вавилон”. Благодаря невероятно правдоподобной альтернативной истории Куанг раскрыла правду об империализме в нашем мире. Глубина знаний писательницы в области истории и лингвистики поражает воображение. Эта книга – шедевр во всех смыслах этого слова, настоящая привилегия для чтения». – Джесси К. Сутанто

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-191658-9

© Куанг Р., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Заметки автора об исторической Англии и, в частности, об Оксфордском университете	7
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	20
Глава 3	38
Глава 4	53
Часть II	68
Глава 5	68
Глава 6	76
Глава 7	87
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Ребекка Куанг
Вавилон, или Необходимость насилия:
сокрытая история революции
оксфордских переводчиков

R. F. Kuang

BABEL: AN ARCANE HISTORY

Copyright © 2022 by R.F. Kuang

Публикуется с разрешения автора и её литературных агентов – Liza Dawson Associates,
США, при участии Агентства Александра Корженевского, Россия

Cover illustration by Nicolas Delort

© Н. Рокачевская, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Беннету,

воплощению света и радости

Заметки автора об исторической Англии и, в частности, об Оксфордском университете

Проблема романа об Оксфорде в том, что каждый, кто там учился, будет тщательно изучать текст, чтобы определить, совпадает ли ваше описание Оксфорда с воспоминаниями читателя об этом месте. Совсем плохо, если вы – американский писатель, ведь американцы вообще ничего не знают. Скажу в свою защиту следующее.

«Вавилон» – это художественное произведение, и речь в нем идет о фантастической версии Оксфорда 1830-х годов, чья история изменена серебряных дел мастерами (об этом я расскажу уже очень скоро). И все же я пыталась описывать жизнь викторианского Оксфорда как можно правдивее, в соответствии с историческими летописями, и вводить выдуманные элементы, только когда это необходимо для сюжета. Для описания Оксфорда начала XIX века я полагалась на интереснейшую книгу Джеймса Мура «Исторический справочник и путеводитель по Оксфорду» (1878 г.), а также на «The History of the University of Oxford» под редакцией М. Брока и М. Кертойса, тома VI и VII (1997 и 2000 гг. соответственно).

Для изучения языка и общей картины жизни (например, оксфордского сленга начала XIX века, который сильно отличается от современного оксфордского сленга)¹ я использовала такие источники, как «A History of the Colleges, Halls, and Public Buildings Attached to the University of Oxford, Including the Lives of the Founders» Алекса Чалмерса (1810 г.), «Recollections of Oxford» Дж. Кокса (1868 г.), «Reminiscences: Chiefly of Oriel College and the Oxford Movement» (1882 г.) Томаса Мозли и «Reminiscences of Oxford» У. Таквелла (1908 г.). Поскольку художественная литература также может многое рассказать о жизни, по крайней мере о том, какой ее воспринимали современники, я также использовала детали из таких романов, как «The Adventures of Mr. Verdant Green» Катберта Бида (1857 г.), «Том Браун в Оксфорде» Томаса Хьюза (1861 г.) и «Пенденнис» Уильяма Теккерея (1850 г.). Во всем остальном я полагалась на собственные воспоминания и воображение.

Тем, кто знаком с Оксфордом и готов воскликнуть: «Нет, все совсем не так!», объясню некоторые нюансы. Дискуссионное общество Оксфордского университета² было создано лишь в 1856 году, так что в этом романе упоминается его предшественник, появившийся в 1823 году. Мое любимое кафе «Кладовые и сад» не существовало до 2003 года, но я провела в нем столько времени (и съела так много сдобных булочек), что не могла лишиться Робина и компанию этого удовольствия. Насколько мне известно, в Оксфорде нет паба «Крученный корень».

На Винчестер-роуд нет магазина «Тейлорз», хотя я очень люблю «Тейлорз» на Хай-стрит. Памятник оксфордским мученикам действительно существует, но его строительство было окончено только в 1843 году, через три года после завершения этого романа. Я немного сдвинула дату возведения памятника ради забавной отсылки. Коронация королевы Виктории состоялась в июне 1838-го, а не 1839 года. Железнодорожная линия Оксфорд – Паддингтон была проложена только в 1844 году, но здесь она построена на несколько лет раньше по двум причинам: во-первых, потому что это имеет смысл, учитывая альтернативную историю; а во-вторых, потому что мне нужно было быстрее доставить моих героев в Лондон.

Я позволила себе много художественных вольностей при описании благотворительного бала, который гораздо больше похож на современный майский благотворительный бал в Оксбридже, чем на викторианское светское мероприятие. Например, я знаю, что устрицы были

¹ Например, живя в Оксфорде, я никогда не слышала, чтобы Хай-стрит называли просто «Хай», однако Дж. Кокс утверждает обратное.

² Студенческое сообщество дебатов в Оксфорде. Является одним из старейших студенческих сообществ Великобритании и одним из самых престижных частных студенческих сообществ в мире.

основным продуктом питания викторианской бедноты, но решила сделать их деликатесом из-за моего первого впечатления от майского бала 2019 года в колледже Магдалины в Кембридже – груды устриц со льдом. Я не взяла с собой сумочку и жонглировала телефоном, бокалом шампанского и устрицами в одной руке, в результате чего пролила шампанское на красивые туфли одного пожилого мужчины.

Некоторых читателей может озадачить место размещения Королевского института перевода, также известного как Вавилон. Это потому, что я искажила географию, дабы найти для него место. Представьте зеленый островок между Бодлианской библиотекой, Шелдонским театром и Камерой Рэдклиффа. Увеличьте его и поставьте Вавилон прямо в центре.

Если вы обнаружите другие несоответствия, помните, что эта книга – художественный вымысел.

Часть I

Глава 1

Que siempre la lengua fue compañera del imperio; y de tal manera lo siguió, que juntamente comenzaron, crecieron y florecieron, y después junta fue la caída de entrambos.

Язык был неизменным спутником империи, они зарождались вместе, вместе развивались и процветали, их крушение тоже произошло одновременно.

Антонио де Небриха. Грамматика испанского языка

К тому времени как профессор Ричард Ловелл нашел путь по узким переулкам до нужного адреса, уже слегка выцветшего в его блокноте, в доме остался в живых только мальчик.

Воздух был спертым, а пол – скользким. У кровати стоял наполненный до краев кувшин с водой. Поначалу мальчик слишком боялся, что его вырвет, и не пил, а потом обессилел настолько, что не мог поднять кувшин. Мальчик был еще в сознании, хотя погрузился в туман полузабытья. И он знал, что скоро глубоко уснет и уже не проснется. Неделю назад это случилось с его бабушкой и дедушкой, на следующий день – с тетей и дядей, а еще через день – с англичанкой, мисс Бетти.

Утром скончалась его мать. Он лежал рядом с телом, глядя, как ее кожа синееет и багровеет. Последним она произнесла имя сына – два слога, прошептанные совсем без дыхания. Потом ее лицо стало безжизненным и перекосилось. Язык вывалился изо рта. Мальчик попытался закрыть ее потускневшие глаза, но веки постоянно поднимались обратно.

Когда профессор Ловелл постучал, никто не ответил. Никто не вскрикнул от удивления, когда он пинком вышиб дверь – она была заперта, потому что воры, пользуясь чумой, полностью обчистили соседские дома, и хотя в их доме было мало ценного, мальчик с матерью хотели получить несколько часов покоя, пока их не заберет болезнь. Мальчик слышал шум, но ему было все равно.

К тому времени он уже хотел только умереть.

Профессор Ловелл поднялся по лестнице, пересек комнату и долго стоял около мальчика. Мертвую женщину в кровати он не заметил (или решил не замечать). Мальчик тихо лежал в его тени, гадая, не собирается ли этот высокий бледный человек в черном вырвать его душу.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил профессор Ловелл.

Мальчику было слишком тяжело дышать, и он не смог ответить.

Профессор Ловелл опустился на колени у кровати. Затем вытащил из нагрудного кармана тонкую серебряную пластину и положил на обнаженную грудь мальчика. Тот вздрогнул – металл обжигал как лед.

– Triacle, – произнес профессор Ловелл по-французски. И добавил по-английски: – Исцеление.

Пластина засияла бледным белым светом, и непонятно откуда донесся странный звук – не то звон, не то пение. Мальчик взвыл и свернулся калачиком на боку, озадаченно облизывая губы.

– Смирись, – пробормотал профессор Ловелл. – Проглоти этот вкус.

Текли секунды. Дыхание мальчика успокоилось. Он открыл глаза. Теперь он мог лучше рассмотреть профессора Ловелла, его светло-серые, как сланец, глаза и нос с горбинкой – из тех, что называют «ингоуби», то есть орлиный, такие бывают лишь у чужеземцев.

– А сейчас как ты себя чувствуешь? – спросил профессор Ловелл.

Мальчик снова сделал глубокий вдох. А потом ответил на удивительно неплохом английском:

– Сладость... На вкус так сладко...

– Хорошо. Значит, получилось. – Профессор Ловелл спрятал серебряную пластину обратно в карман. – Кто-нибудь еще выжил?

– Нет, – прошептал мальчик. – Только я.

– Ты хотел бы что-нибудь отсюда забрать?

Мальчик некоторое время молчал. На щеку его матери села муха и поползла к носу. Мальчик хотел смахнуть ее, но не нашел сил, чтобы поднять руку.

– Тело я забрать не могу, – сказал профессор Ловелл. – Только не туда, куда мы отправляемся.

Мальчик долго не сводил взгляда с матери.

– Мои книги, – наконец сказал он. – Под кроватью.

Профессор Ловелл нагнулся и вытащил из-под кровати четыре толстых тома. Книги на английском с потрепанными от частого использования корешками, некоторые страницы настолько истерлись, что буквы были уже едва различимы. Профессор пролистал их, невольно заулыбавшись, и положил в сумку. Затем он просунул руки под хрупкое тельце мальчика и вынес его из дома.

В 1829 году болезнь, позже названная азиатской холерой, начала свое путешествие из Калькутты, пересекла Бенгальский залив, сначала оказавшись в Сиаме, затем в Маниле, и, наконец, прибыла на берега Китая на торговых судах, и истощенные моряки с запавшими глазами испражнялись прямо в Жемчужную реку, загрязняя воду, в которой тысячи людей стирали белье, мылись, плавали и пили. Болезнь накрыла Кантон, как приливная волна, быстро распространившись от доков в жилые районы дальше от берега. Квартал, в котором жил мальчик, был заражен в течение нескольких недель, целые семьи погибали в своих домах, не дождавшись помощи. Когда профессор Ловелл вынес мальчика из закоулков Кантона, все остальные на улице уже умерли.

Мальчик узнал все это, когда очнулся в чистой и светлой комнате на английской фактории, накрытый одеялами, мягче и белее которых в жизни не видал. Уже одно это слегка его успокоило. Ему было ужасно жарко, а язык казался плотным и шершавым камнем. Мальчик как будто парил над собственным телом. Всякий раз, когда профессор начинал говорить, в висках мальчика стреляла боль, сопровождаемая красными вспышками перед глазами.

– Тебе очень повезло, – сказал профессор Ловелл. – Болезнь убивает почти всех, к кому прикасается.

Мальчик заворуженно уставился на вытянутое лицо и светло-серые глаза чужестранца. Если чуть отвести взгляд, тот казался гигантской птицей. Вороном. Нет, хищной птицей. Зловещей и сильной.

– Тебе понятно, что я говорю?

Мальчик облилиз потрескавшиеся губы и пробормотал что-то в ответ.

Профессор Ловелл покачал головой.

– По-английски. Говори по-английски.

Горло у мальчика горело. Он закашлялся.

– Я знаю, ты говоришь по-английски. – Голос профессора Ловелла звучал как предупреждение. – Так давай, говори.

– Моя мама, – выдохнул мальчик. – Вы забыли мою маму.

Профессор Ловелл не ответил. Вскоре он встал и перед уходом отряхнул колени, хотя вряд ли за несколько минут на них могла собраться какая-то пыль.

На другое утро мальчик сумел выпить миску похлебки, и его не стошнило. А на следующее уже стоял, не испытывая сильного головокружения, хотя коленки так сильно дрожали, что пришлось схватиться за изголовье кровати, иначе он упал бы. Жар спал, вернулся аппетит. Когда мальчик снова проснулся, уже ближе к вечеру, то обнаружил вместо миски тарелку с двумя толстыми ломтями хлеба и куском ростбифа. Мальчик так проголодался, что ел руками.

Днем он в основном погружался в лишенную снов дремоту, которая регулярно прерывалась появлением жизнерадостной и пухленькой миссис Пайпер: она вытирала ему лоб прохладной влажной тряпицей и говорила по-английски с таким странным акцентом, что мальчику несколько раз пришлось просить ее повторить.

Когда он попросил об этом в первый раз, она хихикнула:

– Боже ж мой, да ты небось отродясь не встречал шотландца.

– Шотландца? А кто это?

– Не волнуйся. – Она похлопала его по щеке. – Ты очень скоро узнаешь, что такое Великобритания.

В тот вечер миссис Пайпер принесла ему ужин, снова хлеб с мясом, а также новости о том, что профессор хочет видеть его у себя в кабинете.

– Это наверху. Вторая дверь справа. Поешь сначала, он никуда не денется.

Мальчик быстро поел и оделся с помощью миссис Пайпер. Он не знал, откуда взялась одежда – европейская, но на удивление отлично сидящая на его тощей невысокой фигуре. Он был слишком слаб, чтобы о чем-то расспрашивать.

Поднимаясь по лестнице, он дрожал, не то от усталости, не то от предвкушения, кто знает. Дверь в кабинет профессора была закрыта. Мальчик помедлил, чтобы перевести дыхание, и постучал.

– Входите, – отозвался профессор.

Деревянная дверь оказалась тяжелой. Мальчику пришлось навалиться на нее, чтобы открыть. Внутри в ноздри ударил густой мускусный запах книг. Они громоздились повсюду – одни были аккуратно расставлены на полках, другие без разбора свалены шаткими пирамидами в разных местах, некоторые просто валялись на полу и на столах, беспорядочно расставленных в тускло освещенном лабиринте.

– Сюда, – позвал его профессор, почти невидимый за книжными шкафами. Мальчик осторожно пробрался к нему, боясь из-за одного неверного движения уронить какую-нибудь пирамиду.

– Не робей. – Профессор сидел за большим столом, заваленным книгами, бумагой и конвертами. Профессор жестом велел мальчику сесть напротив. – Тебе не позволяли много читать, да? Но ты ведь хорошо говоришь по-английски?

– Я читал кое-что. – Мальчик с опаской сел, стараясь не задеть книги – путевые заметки Ричарда Хаклита, сваленные у его ног. – У нас было мало книг. И мне приходилось перечитывать имеющиеся.

Для человека, никогда в жизни не покидавшего Кантон, мальчик прекрасно владел английским. Он говорил лишь с легким акцентом. И все благодаря англичанке, мисс Элизабет Слейт, которую мальчик называл мисс Бетти: она жила с ними, сколько он помнил. Он никогда толком не понимал, что она делает у них дома, ведь его семья уж точно не обладала достатком, позволяющим нанимать прислугу, тем более иностранную, однако кто-то, видимо, платил ей жалованье, потому что она не ушла, даже когда началась эпидемия. Она сносно говорила на кантонском и могла без проблем перемещаться по городу, но с мальчиком общалась только по-английски. Ее единственные обязанности, похоже, заключались в заботе о нем, и мальчик начал свободно говорить по-английски благодаря разговорам с ней, а позже с английскими моряками в порту.

Читал он даже лучше, чем говорил. С тех пор как ему исполнилось четыре года, он дважды в год получал большие посылки с английскими книгами. В качестве обратного адреса стоял дом в Хампстеде, в ближайшем пригороде Лондона, и это место, похоже, было незнакомо мисс Бетти, как, разумеется, и мальчику. Тем не менее они с мисс Бетти, бывало, сидели при свечах, тщательно водя пальцами по каждому слову, которое произносили вслух. Став постарше, мальчик целыми днями просматривал истрепанные страницы. Но десятка книг не хватало на полгода: мальчик перечитывал каждую столько раз, что к прибытию новой посылки успевал почти заучить наизусть.

Теперь он понял, хотя и не вполне представляя себе общую картину, что посылки, вероятно, присылал профессор.

– Но мне очень нравится читать, – робко произнес он. А потом решил, что нужно еще кое-что добавить: – Да, я хорошо говорю по-английски.

– Прекрасно. – Профессор Ловелл взял с полки за своей спиной книгу и подвинул ее через стол. – Полагаю, эту ты не читал?

Мальчик посмотрел на заглавие. «Исследование о природе и причинах богатства народов» Адама Смита. Он покачал головой.

– Увы, не читал.

– Ничего страшного. – Профессор открыл книгу посередине и ткнул пальцем. – Прочти вслух. Вот отсюда.

Мальчик нервно сглотнул, откашлялся и начал читать. Книга была угрожающе толстой, шрифт – мелким, а текст оказался сложнее, чем в легкомысленных приключенческих романах, которые мальчик читал с мисс Бетти. Он запинался на незнакомых словах, о значении и произношении которых мог только догадываться.

– Спе... специальные выгоды, которые всякая колони... колонизирующая страна извлекает из принадлежащих ей колоний, бывают двух родов: во-первых, это те обычные выгоды, которые всякое государство извле... кает? – Он откашлялся. – Извлекает от подчиненных ему вла... владений³.

– Достаточно.

Мальчик понятия не имел, о чем он только что прочел.

– Сэр, что...

– Все хорошо, – сказал профессор. – Я и не рассчитывал, что ты разбираешься в международной экономике. Ты хорошо справился. – Он отложил книгу, покопался в ящике стола и достал оттуда серебряную пластину. – Помнишь это?

Мальчик уставился на пластину широко открытыми глазами, боясь до нее дотронуться.

Он уже видел такие пластины. В Кантоне они встречались нечасто, но все о них знали. Иньфулу – серебряные талисманы. Их прикрепляли на носы кораблей, на бортиках паланкинов, подвешивали над дверями складов в квартале иностранцев. Мальчик так и не понял, зачем они нужны, а дома никто не объяснил. Бабушка называла их «заклинаниями богатеев», металлическими амулетами, несущими благословение богов. Мать считала, что в них заперты демоны, которых можно вызвать, чтобы они исполнили волю хозяина. Пластины нервировали даже мисс Бетти, которая всегда с громким презрением отзывалась о туземных китайских суевериях и постоянно распекала его мать за то, что та внимает голодным духам. «Это колдовство, – говорила она. – Порождение дьявола, вот что это такое».

Поэтому мальчик не знал, что делать с иньфулу, он помнил только, что одна такая пластинка несколько дней назад спасла ему жизнь.

³ В седьмой главе четвертого тома Адам Смит выступает против колониализма на том основании, что защита колоний оттягивает ресурсы, а экономические преимущества монопольной колониальной торговли – это иллюзия. Он пишет: «От владения колониями Великобритании не получает ничего, кроме убытков». В то время это не было распространенной точкой зрения.

– Ну, давай, – сказал профессор Ловелл, протягивая ему пластину. – Посмотри на нее. Она не кусается.

Мальчик поколебался, но все же взял ее обеими руками. Пластина была гладкой и холодной на ощупь, но в остальном совершенно обычной. Если в ней и томился демон, то очень хорошо спрятался.

– Можешь прочитать, что там написано?

Мальчик присмотрелся и заметил надпись: крохотные слова, аккуратно выгравированные с обеих сторон пластины. На одной стороне – английские буквы, на другой – китайские иероглифы.

– Да.

– Прочитай вслух. Сначала по-китайски, потом по-английски. Говори четко и ясно.

Мальчик узнал иероглифы, хотя написаны они были странно, как будто кто-то скопировал их черточка за черточкой, не понимая значения. #####.

– Хулунь тунь цзао, – медленно прочел он, стараясь четко произносить каждый слог. Потом переключился на английский: – Принимать, не раздумывая.

Пластина загудела.

Его язык тут же раздулся, перекрыв гортань. Задыхаясь, мальчик судорожно глотнул воздуха. Пластина упала к нему на колени и энергично завибрировала, заплясала как одержимая. Рот наполнился приторной сладостью. Похоже на финики, подумал мальчик как в тумане, и перед глазами начало чернеть. Мягкие, сладкие финики, спелые до тошноты. Он тонул в них. Горло полностью закупорилось, он не мог дышать...

– Вот. – Профессор Ловелл наклонился и забрал пластину с коленей мальчика.

Тот сразу же снова смог дышать нормально и повалился на стол, хватая ртом воздух.

– Любопытно, – сказал профессор Ловелл. – Никогда не видел такой сильный эффект. Какой вкус ты ощущал во рту?

– Хунцзао. – По щекам мальчика потекли слезы. Он поспешно переключился на английский: – Финики.

– Хорошо. Очень хорошо. – Профессор Ловелл долго смотрел на него, а потом опять сунул пластину в ящик стола. – Даже превосходно.

Мальчик вытер с лица слезы, хлюпая носом. Профессор Ловелл откинулся на спинку кресла, дожидаясь, пока мальчик придет в себя.

– Через два дня, – наконец сказал он, – мы с миссис Пайпер покинем эту страну и отправимся в город под названием Лондон, в страну под названием Англия. Не сомневаюсь, ты слышал о них.

Мальчик неуверенно кивнул. Лондон был для него как Лилипутия – далекий и воображаемый, фантастическое место, где никто и близко на него не похож, не говорит и не одевается, как он.

– Предлагаю тебе поехать с нами. Ты будешь жить в моем поместье, я предоставлю тебе комнату и содержание, пока ты не подрастешь и не сможешь сам зарабатывать на жизнь. Взамен ты будешь обучаться по разработанной мной программе. В основном языкам – латыни, греческому и, разумеется, мандаринскому. Жить ты будешь в комфорте и достатке и получишь наилучшее образование. Я прошу от тебя лишь усердия в обучении.

Профессор Ловелл сомкнул руки словно в молитве. Мальчика смутил его тон, совершенно лишенный эмоций. Непонятно было, хочет ли профессор Ловелл видеть его в Лондоне, предложение выглядело скорее сделкой, чем усыновлением.

– Настоятельно советую тебе принять мое предложение, – продолжил профессор Ловелл. – Твоя мать и дедушка с бабушкой умерли, отец неизвестен, а другой родни у тебя нет. Останешься здесь, и у тебя не будет ни пенни за душой. Ты познаешь лишь нищету, болезни и голод. Если повезет, найдешь работу в порту, но ты еще мал, так что несколько лет будешь

жить на подавание или воровать. А если доживешь до зрелого возраста, то сможешь рассчитывать лишь на тяжелую долю моряка.

Мальчик заворуженно смотрел на лицо профессора, пока тот говорил. Не то чтобы мальчик никогда прежде не встречал англичанина. Он видел множество моряков в порту, со всем разнообразием белых лиц: от широких и румяных до истощенных, землистого цвета или бледных и суровых. Но лицо профессора представляло собой загадку другого рода. На нем имелись все обычные человеческие черты – глаза, губы, нос, зубы, все совершенно нормальные и здоровые. Говорил он тихо и без интонаций, но все равно вполне по-человечески. Однако тон его голоса и лицо были совершенно лишены эмоций. Просто чистая доска. Мальчик никак не мог догадаться, что на самом деле чувствует профессор. Описывая раннюю и неизбежную смерть мальчика, профессор как будто перечислял ингредиенты для рагу.

– Но почему? – спросил мальчик.

– Что почему?

– Почему вы хотите, чтобы я поехал с вами?

Профессор кивнул на ящик, в котором лежала серебряная пластина.

– Потому что у тебя получается.

Лишь тогда мальчик понял, что это было испытание.

– Вот условия моего попечительства. – Профессор Ловелл подвинул по столу двухстраничный документ. Мальчик взглянул на него, но быстро бросил попытки читать плотные завитки почти неразборчивого почерка. – Они вполне просты, но прочитай документ, прежде чем подписывать. Сумеешь сделать это перед тем, как лечь в постель?

Мальчик был слишком потрясен и лишь кивнул.

– Очень хорошо, – объявил профессор Ловелл. – И еще кое-что. Мне пришло в голову, что тебе нужно имя.

– У меня есть имя, – ответил мальчик. – Меня зовут...

– Нет, оно не подойдет. Его не сможет произнести ни один англичанин. А мисс Слейт не дала тебе имя?

Вообще-то, дала. Когда мальчику исполнилось четыре года, она настояла, что ему нужно такое имя, чтобы англичане воспринимали его всерьез, хотя никогда не уточняла, какие такие англичане. Они выбрали имя наугад из детской книжки стихов, и мальчику понравилось перекатывать на языке твердые и округлые слоги, поэтому он не стал жаловаться. Но больше никто в доме не называл его так, и вскоре мисс Бетти тоже перестала. Мальчику пришлось задуматься, прежде чем он вспомнил.

– Робин⁴.

Профессор Ловелл на мгновение замолчал. Выражение его лица смутило мальчика: брови нахмурены, словно в гневе, но уголок губ приподнят, будто от удовольствия.

– А как насчет фамилии?

– У меня есть фамилия.

– Той, которая подойдет для Лондона. Выбери любую по вкусу.

Мальчик удивленно заморгал.

– Выбрать... фамилию?

Фамилии не меняют из прихоти. Они ведь указывают на род, которому ты принадлежишь.

– Англичане постоянно выдумывают новые, – сказал профессор Ловелл. – Постоянные фамилии сохраняются только в тех семьях, которые обладают титулами, а у тебя титула нет. Тебе нужен просто инструмент, чтобы представляться другим. Подойдет любая фамилия.

– А вашу я могу взять? Ловелл?

⁴ «Кто убил птичку» – детская считалочка, в которой звери обсуждают смерть зарянки (robin).

– О нет, тогда все решат, что я твой отец.

– А, ну да.

Глаза мальчика в отчаянии шарили по комнате в поисках подходящего слова или звука. И остановились на знакомой книге, стоящей на полке над головой профессора Ловелла, – «Путешествие Гулливера». Чужестранец на чужбине, которому приходится учить местные языки, чтобы выжить. Теперь мальчик понимал чувства Гулливера.

– Свифт? – осмелился предложить он. – Если только...

К его удивлению, профессор Ловелл засмеялся. Так странно было слышать смех из этих суровых губ, он звучал слишком резко, почти жестоко, и мальчик невольно съежился.

– Очень хорошо. Робин Свифт, так тому и быть. Приятно познакомиться, мистер Свифт.

Он встал и протянул руку через стол. Мальчик видел в порту, как иностранные моряки приветствуют друг друга, и знал, что делать. Он взял эту крупную, сухую и неприятно холодную ладонь в свою. И потряс ее.

Два дня спустя профессор Ловелл, миссис Пайпер и мальчик, недавно нареченный Робин Свифтом, отплыли в Лондон. К тому времени благодаря постельному режиму, диете из горячего молока и сытной стряпни миссис Пайпер Робин достаточно окреп, чтобы передвигаться самостоятельно. Он тащил тяжелый сундук с книгами по трапу, стараясь не отставать от профессора.

Кантонская гавань, ворота, через которые Китай встречался с остальным миром, была целой вселенной разных языков. В соленом воздухе плыли громкие и быстрые португальские, французские, голландские, шведские, датские, английские и китайские слова, смешиваясь в удивительно понятный для всех пиджин, хотя лишь немногие свободно на нем говорили. Робин хорошо знал этот язык. Первое представление об иностранных языках он получил, бегая по причалам: он часто переводил морякам в обмен на монетку или улыбку. Но никогда не думал, что сможет проследить лингвистические фрагменты этого языка до их источников.

Они прошли по набережной, чтобы сесть на «Графиню Харкорт», судно Ост-Индской компании, которое в каждом рейсе брало на борт несколько пассажиров. В тот день море бурлило и шумело. Робин ежился от резкого морского ветра, который жестоко трепал его пальто. Хотелось побыстрее оказаться на судне, в каюте – там, где есть стены, – но посадка почему-то задерживалась. Профессор Ловелл отошел в сторону, чтобы разобраться, в чем дело. Робин последовал за ним. Наверху, у трапа, моряк распекал пассажира, и утренний холод пронзали отрывистые английские гласные.

– Не понимаешь, что я говорю, да? Нихао?⁵ А? А?

Объектом этого гнева был китайский рабочий, сгорбившийся под весом ранца, висящего на его плече. Если рабочий и ответил, Робин этого не слышал.

– Не понимает ни слова, – посетовал моряк и повернулся к остальным пассажирам. – Может кто-нибудь сказать парню, что он не может подняться на борт?

– Ох, бедолага. – Миссис Пайпер потянула профессора Ловелла за руку. – Вы можете перевести?

– Я не говорю на кантонском диалекте, – отозвался профессор. – Робин, давай ты.

Робин колебался, внезапно испугавшись.

– Ну же.

Профессор Ловелл подтолкнул его вверх по трапу.

Робин заковылял вперед. И моряк, и рабочий обернулись и посмотрели на него. Моряк выглядел слегка раздраженным, а рабочий явно воодушевился, как будто сразу же признал в Робине союзника, единственного китайца поблизости.

⁵ Приветствие на китайском.

– В чем дело? – спросил Робин на кантонском.

– Он меня не пускает, – поспешно ответил рабочий. – Но у меня контракт на этом судне, до самого Лондона, вот, смотри, тут написано.

Он сунул Робину сложенный лист бумаги.

Робин развернул его. Документ был написан по-английски и выглядел как контракт ласкара, а именно – обязательство выплатить жалованье за рейс от Кантона до Лондона. Робин повидал много подобных контрактов, в последние годы они стали нередки: после возникновения трудностей с работоторговлей возрос спрос на китайских работников. Робин уже переводил такие контракты: китайских моряков нанимали на суда, идущие в Португалию, Индию и Вест-Индию.

Робину показалось, что бумаги в полном порядке.

– В чем проблема? – спросил он.

– Что он говорит? – поинтересовался моряк. – Скажи ему, что этот контракт не годится. Мне не нужны на судне китайцы. Когда я в последний раз плавал с китайцем, судно кишело вшами. Не хочу рисковать, беря на борт людей, которые не желают мыться. А этот и слово «мыться» не поймет, хоть прямо в ухо кричи. Эй! Мальчик! Ты понял, что я сказал?

– Да-да. – Робин быстро переключился обратно на английский. – Да, я просто... Погодите минутку, я лишь пытаюсь...

Но что тут скажешь?

Ничего не понимающий китаец бросил на Робина умоляющий взгляд. Его лицо было морщинистым, загорелым и обветренным, так что он выглядел на все шестьдесят, хотя, скорее всего, ему было чуть больше тридцати. Ласкары быстро стареют от тяжелой работы. Робин тысячу раз видел похожие лица в порту. Некоторые ласкары бросали ему конфеты, другие узнавали его и приветствовали по имени. Это лицо было как будто родным. Но никогда еще ни один взрослый не смотрел на него так беспомощно.

От чувства вины внутри у него все сжалось. На языке собирались слова, жестокие и ужасные, но он был не в силах соединить их в предложение.

– Робин. – Профессор Ловелл подошел к нему и схватил за плечо так крепко, что стало больно. – Переведи, пожалуйста.

Теперь все зависит от него, внезапно понял Робин. Ему выбирать. Лишь он один может определить истину, потому что только он способен разговаривать с обеими сторонами.

Но что сказать? Он видел, как в моряке вскипает раздражение. Видел нарастающее нетерпение других пассажиров в очереди. Они устали, замерзли и не понимали, почему до сих пор не могут подняться на борт. Он ощущал, как палец профессора Ловелла проделал вмятину в его ключице, и тут ему пришла в голову мысль настолько пугающая, что задрожали колени. А вдруг, если он начнет доставлять неудобства, его тоже оставят на берегу и «Графиня Харкорт» отплывет без него?

– Ваш контракт здесь не годится, – промямлил он. – Попробуйте сесть на другое судно. Ласкар негодуяюще ахнул.

– Ты его прочел? Там говорится: Лондон, Ост-Индская компания, это судно, «Графиня...»

Робин покачал головой.

– Он не годится, – произнес он и повторил, словно это придаст словам больший вес: – Он не годится, попробуйте сесть на другое судно.

– И что с ним не так? – спросил ласкар.

– Он просто не годится, – с трудом произнес Робин.

Ласкар уставился на него с открытым ртом. По обветренному лицу промелькнула тысяча эмоций: негодование, разочарование и, наконец, смирение. Робин опасался, что ласкар начнет спорить, даже драться, но вскоре стало ясно, что для этого человека такое обращение не внове.

Это уже случалось. Ласкар развернулся и побрел вниз по трапу, расталкивая пассажиров. Через несколько минут он скрылся из вида.

У Робина закружилась голова. Он сбежал вниз по трапу к миссис Пайпер.

– Я замерз.

– Да ты дрожишь, бедняжка.

Она тут же превратилась в курицу-наседку, закутывая его своей шалью, и сказала несколько резких слов профессору Ловеллу. Тот вздохнул, кивая, а потом они протолкались в начало очереди, откуда быстро разошлись по своим каютам, пока носильщик собирал багаж и трусил за ними.

Через час «Графиня Харкорт» вышла из гавани.

Робин устроился на койке, завернувшись в толстое одеяло, и с радостью остался бы там на весь день, но миссис Пайпер позвала его на палубу: посмотреть на удаляющийся берег. Когда Кантон скрылся с горизонта, у Робина заныло в груди, а потом он ощутил щемящую пустоту, словно из тела выдернули крючком сердце. До сих пор он не осознавал, что теперь не ступит на родную землю многие годы, а то и никогда. Он не понимал, что с этим делать. Слово «потеря» казалось неадекватным. Потеря означает отсутствие чего-то, но не охватывает всей громадности этого отрыва, как будто у Робина выдернули якорь, лишив всего, что он когда-либо знал.

Он долго смотрел на океан, не обращая внимания на ветер и глядя на воображаемый берег, давно исчезнувший вдали.

Первые несколько дней плавания он спал. Он до сих пор еще приходил в себя, и миссис Пайпер настояла на ежедневных оздоровительных прогулках, но поначалу он мог ходить только несколько минут, а потом снова ложился в постель. К счастью, он был избавлен от тошноты морской болезни: проведя детство в порту и на реке, он привык к качке. Когда он достаточно окреп, чтобы проводить вечера на палубе, то полюбил сидеть у фальшборта, наблюдая, как бесконечные волны меняют цвет вместе с небом, и ощущая на лице морские брызги.

Время от времени профессор Ловелл заговаривал с ним, и они вместе прогуливались по палубе. Робин быстро понял, что профессор – человек педантичный и немногословный. Он сообщал информацию, когда считал, что Робину она необходима, но в других случаях оставлял вопросы без ответа.

Он рассказал Робину, что в Англии они поселятся в его поместье в Хампстеде. Но не сказал, есть ли у него там семья. Он подтвердил, что все эти годы платил мисс Бетти, но не объяснил почему. Он признался, что был знаком с матерью Робина и поэтому знал их адрес, но не уточнил природу их отношений и как они познакомились. В тот единственный раз, когда профессор упомянул знакомство с семьей Робина, он спросил, каким образом они переехали в эту лачугу на берегу реки.

– Когда-то твоя семья вела процветающую торговлю, – сказал профессор. – До переезда на юг у них было поместье в Пекине. Так что же случилось? Азартные игры? Видимо, это был брат, да?

Несколько месяцев назад Робин плюнул бы в лицо любому, кто так плохо отзывается о его семье. Но здесь, в одиночестве посреди океана, без родных и средств к существованию, он просто не мог найти в себе гнев. В нем не осталось огня. Он был напуган и устал.

В любом случае все это соответствовало рассказам о былом семейном богатстве, которое полностью растворилось в течение нескольких лет после его рождения. Мать частенько и с горечью на это сетовала. Робин только смутно знал подробности, но история была похожа на многие печальные семейные истории в Китае эпохи Цин: стареющий патриарх, распутный сын, порочные и злокозненные друзья и беспомощная дочь, на которой по какой-то загадочной причине никто не хотел жениться. Когда-то, по словам родни, Робин спал в лакированной

колыбели. Когда-то у них был десяток слуг и повар, который готовил деликатесы, привезенные с севера. Когда-то они жили в поместье, где могли бы разместиться пять семей и по саду разгуливали павлины. Но Робин всегда знал только хибару у реки.

– Мама говорила, что дядя промотал состояние в опиумных притонах, – сказал Робин. – Поместье забрали кредиторы, и нам пришлось переехать. Когда мне было три года, дядя пропал, остались только мы, тетушки и дедушка с бабушкой. И мисс Бетти.

Профессор Ловелл неопределенно загудел, выражая сочувствие.

– Как печально.

Не считая этих разговоров, профессор проводил большую часть дня в своей каюте. Робин видел его только эпизодически в кают-компании за ужином, но чаще миссис Пайпер собирала тарелку с галетами и вяленой свининой и относила в каюту.

– Он трудится над переводами, – объяснила она Робину. – Видишь ли, он всегда берет в плавание книги и рукописи, любит начать перевод еще до того, как доберется до Лондона. Там у него дел невпроворот, он ведь важная персона, член Королевского азиатского общества, знаешь ли, и говорит, что только в путешествиях по морю может побыть в тишине и покое. В Макао он купил несколько словарей с рифмами, чудесные книжки, но не позволяет мне к ним прикасаться, слишком уж у них хрупкие страницы.

Робин с удивлением узнал, что они побывали в Макао. Он не слышал ни о какой поездке в Макао и по наивности считал, что профессор Ловелл приехал в Китай только ради него.

– И долго вы там жили? В смысле в Макао?

– Две недели с хвостиком. Вышло дольше двух недель из-за задержки на таможне. Они не хотели впускать иностранку, мне пришлось переодеться и изображать дядю профессора, можешь себе такое представить?

Две недели.

Две недели назад мать Робина еще была жива.

– Все хорошо, дорогой? – Миссис Пайпер потрепала его по голове. – Ты что-то побледнел.

Робин кивнул и проглотил слова, которые не следовало произносить.

Он не имел права возмущаться. Профессор Ловелл столько всего обещал ему, хотя ничего не был должен. Робин еще не вполне понимал правила того мира, в который ему предстояло влиться, но знал, что ему стоит быть благодарным. Почтительным. Не стоит злить благодетеля.

– Может быть, я сам отнесу профессору тарелку? – спросил он.

– Спасибо, мой хороший. Это так мило с твоей стороны. Ступай, а после встретимся на палубе и посмотрим на закат.

Время словно растворилось. Вставало и заходило солнце, но без какой-либо привычной рутины – не нужно было ходить за водой или бегать с мелкими поручениями – дни казались одинаковыми, в любой час. Робин спал, перечитывал старые книги и гулял по палубе. Время от времени он болтал с другими пассажирами, которым, казалось, всегда приятно было услышать почти идеальный лондонский выговор из уст китайчонка. Помня слова профессора Ловелла, он старался говорить и думать исключительно на английском. Когда вдруг появлялись мысли на китайском, он их отбрасывал.

От воспоминаний он тоже отмахивался. Забыть жизнь в Кантоне оказалось так легко – мать, дедушку с бабушкой, десять лет жизни в порту, – быть может, потому, что переход был таким резким, а разрыв таким окончательным. Робин оставил позади все, что знал. Ему не за что было уцепиться, не к чему возвращаться. Теперь его мир состоял из профессора Ловелла, миссис Пайпер и далекой страны по ту сторону океана. Он похоронил прошлую жизнь, не потому что она была ужасна, просто только так он мог выжить. Робин натянул английский акцент, как новое пальто, всячески стараясь приспособиться к нему, и за несколько недель

привык его носить. Вскоре никто уже не просил его сказать несколько слов по-китайски ради забавы. Через несколько недель никто уже и не помнил, что он китаец.

Однажды утром миссис Пайпер разбудила его очень рано. Робин возмущенно засопел, но она настояла.

– Пойдем, милый, такое нельзя пропустить. – Зевая, он надел куртку. Выйдя на палубу, в холодное утро, укутанное таким густым туманом, что едва можно было различить нос судна, он еще потирал глаза. Но когда туман немного рассеялся, на горизонте показались темно-серые силуэты. Так Робин впервые увидел Лондон – Серебряный город, сердце Британской империи, в то время крупнейший и богатейший город в мире.

Глава 2

*Огромный город, что судьбу моей страны решает,
Как и судьбы мира.
Уильям Вордсворт. Прелюдия*

Лондон был мрачным и серым, но тут же взрывался цветом; шумным, бурлящим жизнью, но жутковато тихим, населенным призраками и кладбищами. Пока «Графиня Харкорт» плыла вглубь страны по Темзе, к порту в быющем сердце столицы, Робин заметил, что Лондон, подобно Кантону, – город противоречий и толп, как и любой город, служащий гаванью для всего мира.

Но, в отличие от Кантона, сердце Лондона билось, как отлаженный механизм. По всему городу гудело серебро. Оно мерцало на колесах кебов и колясок, на лошадиных подковах, сверкало под окнами и над дверями зданий, было закопано под улицами и скрыто в стрелках тикающих часов в башнях, выставлялось напоказ в витринах магазинов, а вывески гордо превозносили магические свойства хлеба, ботинок или всяких безделушек. Жизненная сила Лондона обладала резким и звонким тембром, совершенно не похожим на потрескивания шаткого бамбука, которыми был наполнен Кантон. Звук здесь был искусственным, металлическим – будто у ножа, скрипящего по стальному точилу; чудовищный промышленный лабиринт, как у Уильяма Блейка: «жестокый труд / Бесчисленных колес, вращающих одно другое / Тиранами-зубцами»⁶.

Лондон собрал львиную долю серебряной руды и языков со всего мира, и в результате город стал крупнее, тяжелее, быстрее и ярче, чем позволяла природа. Лондон был прожорлив, разжирел на своей добыче и все равно голодал. Лондон был одновременно невообразимо богат и удручающе беден. Прекрасный, уродливый, разросшийся, тесный, рыгающий, чихающий, добродетельный, лицемерный, посеребрённый, Лондон был близок к расплате, ибо настанет тот день, когда город либо пожрет себя изнутри, либо выплеснется наружу в поисках новых деликатесов, труда, капитала и культуры, которыми можно питаться.

Но чаша весов пока еще не опрокинулась, и вечный пир пока продолжался. Когда Робин, профессор Ловелл и миссис Пайпер ступили на берег в лондонском порту, суматоха колониальной торговли достигла апогея. Корабли с мачтами и реями, инкрустированными серебром, помогающим плыть быстрее, стояли в ожидании, когда их трюмы опустошат от чая, хлопка и табака перед следующим плаванием в Индию, Вест-Индию, Африку, на Дальний Восток. Они развозили британские товары по всему миру. И возвращались с полными трюмами серебра.

Уже тысячу лет серебряные пластины использовали в Лондоне, да и по всему свету, но со времен расцвета Испанской империи ни одно место в мире так не зависело от силы серебра и не обладало подобными запасами. Серебро, обрамляющее каналы, очищало воду даже в такой огромной реке, как Темза. Серебро в сточных канавах маскировало вонь дождя, слякоти и отбросов ароматом невидимых роз. Серебро в часовых башнях позволяло колоколам отбивать ритм, слышимый на много миль вокруг, и перезвон сливался в одну нестройную мелодию по всему городу и пригородам.

Серебро имелось и в двухколесных кебах, которые нанял профессор Ловелл, после того как они прошли таможеню: один – для пассажиров, а другой – для багажа. Когда они уселись, тесно прижавшись друг к другу в крохотном экипаже, профессор Ловелл указал на серебряную пластину, вмонтированную в пол кеба.

– Можешь прочитать, что там написано? – попросил он.

Робин наклонился и прищурился.

⁶ Уильям Блейк «Иерусалим», 1804 г., пер. Д. Смирнова-Садовского.

– Скорость... и спес?

– Spes, – уточнил профессор Ловелл. – Это латынь. От этого слова произошло английское speed, скорость, и оно означает нечто среднее между надеждой, удачей, успехом и достижением цели. Так экипажи ездят чуть быстрее и безопаснее.

Робин нахмурился и коснулся пластины пальцем. Она казалась такой маленькой, такой незначительной, а производила огромный эффект.

– Но как? – И он тут же задал второй, более насущный вопрос: – А я могу...

– В свое время. – Профессор Ловелл похлопал его по плечу. – Но да, Робин Свифт. Ты будешь одним из немногих ученых в мире, владеющих секретами серебра. Вот для чего я и привез тебя сюда.

Через два часа кеб доставил их в деревню под названием Хампстед, расположенную в нескольких милях от Лондона, профессор Ловелл владел там четырехэтажным домом из красного кирпича и белой штукатурки, окруженным обширным садом из аккуратно постриженных кустов.

– Твоя комната на самом верху, – сказал профессор Робину, открывая дверь. – Вверх по лестнице и направо.

Внутри было темно и промозгло. Миссис Пайпер пошла отдергивать шторы, а Робин затащил свой сундук по спиральной лестнице и дальше по коридору, как ему сказали. В его комнате было мало мебели – только письменный стол, кровать и стул, а еще книжный шкаф в углу, уставленный столькими книгами, что его лелеемая коллекция выглядела на их фоне жалко.

Робин с любопытством приблизился. Неужели эти книги собрали специально для него? Это казалось маловероятным, хотя многие названия звучали привлекательно – только на верхней полке стояло несколько новых романов Свифта и Дефо, его любимых авторов. Обнаружились там и «Путешествия Гулливера». Он взял книгу с полки. Она была потрепанной, некоторые страницы засаленные, с загнутыми уголками, а другие с пятнами от чая или кофе.

Робин смущенно поставил книгу на место. Видимо, в этой комнате кто-то жил до него. Другой мальчик, наверное, его ровесник, который так же сильно любил Джонатана Свифта и читал «Приключения Гулливера» столько раз, что чернила в верхнем правом углу, где палец переворачивал страницы, слегка выцвели.

Кто это мог быть? У профессора Ловелла вроде бы не было детей.

– Робин! – взревела миссис Пайпер снизу. – Тебя ждут на улице.

Робин поспешил вниз по лестнице. Профессор Ловелл ждал его у двери, нетерпеливо глядя на карманные часы.

– Комната подошла? – поинтересовался он. – Там есть все, что тебе нужно?

Робин энергично кивнул.

– Еще бы.

– Хорошо. – Профессор Ловелл мотнул головой на ожидающий кеб. – Садись, нужно сделать из тебя англичанина.

Он говорил в буквальном смысле. Остаток дня профессор Ловелл водил Робина по разным специалистам, приобщавшим его к цивилизованному обществу. Они посетили доктора, который взвесил и осмотрел его и неохотно объявил годным для жизни на острове. «Ни тропических болезней, ни блох, благодарение Богу. Немного мелковат для своего возраста, но, если кормить его ягненком и пюре, быстро наверстает. А теперь давайте сделаем прививку от оспы. Подними-ка рукав, будь любезен. Благодарю. Больно не будет. Считай до трех». Они зашли к цирюльнику, и тот подстриг непослушные, доходящие до подбородка пряди Робина совсем коротко, над ушами. Затем навели шляпника, сапожника и, наконец, портного, который

измерил Робина с ног до головы и показал несколько рулонов ткани, а утомленный избытком впечатлений Робин выбрал наугад.

Когда солнце уже клонилось к закату, они заглянули в суд, где встретились со стряпчим, и тот составил несколько документов, согласно которым Робин становился законным гражданином Великобритании, а его опекуном назначался профессор Ричард Линтон Ловелл.

Профессор Ловелл написал свое имя с размашистым завитком. Потом к столу стряпчего подошел Робин. Стол был слишком высок для него, и клерк подвинул скамейку, на которую он мог встать.

– Я думал, что уже все подписал, – сказал Робин, глядя на документ.

Текст очень напоминал соглашение об опекунстве, которое профессор Ловелл дал ему в Кантоне.

– Здесь определяются условия наших с тобой отношений, – пояснил профессор. – Так ты станешь англичанином.

Робин просмотрел закорючки текста: опекун, сирота, несовершеннолетний, попечительство.

– Вы меня усыновляете?

– Я стану твоим опекуном. Это не то же самое.

«Почему?» – чуть не спросил он. От этого вопроса зависело что-то важное, хотя Робин был еще слишком мал, чтобы как следует разобраться. Повисла напряженная пауза. Стряпчий почесал нос. Профессор Ловелл откашлялся. Но время шло, а он так и не заговорил. Профессор Ловелл не считал нужным что-либо объяснять, а Робин уже знал – настаивать не стоит. Он подписал.

К тому времени как они вернулись в Хампстед, солнце уже давно село. Робин спросил, может ли пойти спать, но профессор Ловелл позвал его в столовую.

– Ты же не хочешь расстроить миссис Пайпер, она весь день провела на кухне. Хотя бы положи немного на тарелку.

Миссис Пайпер счастливо воссоединилась с родной кухней. Стол, нелепо огромный для двоих, был уставлен молочниками, белыми булочками, жареной морковью и картофелем, соусами, а в серебряной супнице была, по всей видимости, целая курица. Робин с утра ничего не ел и должен был бы умирать от голода, но так устал, что при виде всей этой снеди его затошнило.

Он посмотрел на картину, висящую позади стола. Она сразу бросалась в глаза. На ней был изображен прекрасный город в сумерках, но, как понял Робин, не Лондон. Какой-то более величественный. Более древний.

– Ах да, – сказал профессор Ловелл, проследив за его взглядом. – Это Оксфорд.

Оксфорд. Робин слышал это название, но не помнил где. Он попытался разобрать название по частям, как поступал со всеми неизвестными английскими словами.

– Там... торгуют скотом?⁷ Это рынок?

– Это университет. Там собираются величайшие умы страны, чтобы исследовать, изучать и обучать. Это чудесное место, Робин.

Профессор указал на большое здание с куполом, находящееся в центре картины.

– Это Рэдклиффская библиотека. А это, – показал он на башню позади нее, самое высокое здание на картине, – Королевский институт перевода. Именно там я преподаю и провожу большую часть года, когда не живу в Лондоне.

– Как красиво, – сказал Робин.

⁷ Ох (англ.) – вол; ford – брод.

– О да, – произнес профессор Ловелл с нехарактерной теплотой. – Это самое прекрасное место на свете.

Он раскинул руки, словно вообразил перед собой Оксфорд.

– Представь город ученых, исследующих самые чудесные и завораживающие явления. Науки. Математика. Языки. Литература. Представь здания и здания, наполненные книгами, в каждом больше книг, чем ты видел за всю жизнь. Представь тихое, уединенное и спокойное место для размышлений. – Он вздохнул. – Лондон – отвратительная клоака. Здесь ничего невозможно делать – слишком шумно, город требует все твоё внимание. Можно сбежать в места вроде Хампстеда, но вопящее нутро города притягивает обратно, нравится тебе это или нет. А Оксфорд предоставляет все необходимые для работы инструменты: пищу, одежду, книги, чай и покой. Это средоточие всех современных знаний и изобретений цивилизованного мира. И если ты будешь успешно там учиться, однажды тебе повезет назвать его домом.

Единственным подходящим ответом на эту речь могло быть только благоговейное молчание. Профессор Ловелл с замиранием сердца смотрел на картину. Робину хотелось бы преисполниться таким же восторгом, но он не мог не коситься на самого профессора. Нежность и страстное томление в его взгляде поразили Робина. До сих пор за все время знакомства профессор Ловелл ни к чему не выказывал такую привязанность.

Обучение Робина началось на следующий день.

После завтрака профессор Ловелл велел Робину умыться и через десять минут вернуться в гостиную. Там уже дожидался дородный, улыбчивый джентльмен по имени мистер Фелтон (окончил колледж Ориел с самыми высокими оценками, между прочим), и, разумеется, под его руководством Робин освоит латынь на оксфордском уровне. Мальчик начал немного позже своих сверстников, но, если будет усердно учиться, это можно легко исправить.

Утро началось с заучивания базовой лексики – *agricola, terra, aqua*, – и это оказалось крайне утомительным, хотя впоследствии показалось легким по сравнению с последующими головокружительными объяснениями склонений и спряжений. Робина никогда не учили основам грамматики: на английском он говорил правильно по наитию и поэтому, занимаясь латынью, изучал основы языка как такового. Существительное, глагол, подлежащее, сказуемое, дополнение; именительный, родительный, винительный падежи... В течение следующих трех часов он впитал обескураживающее количество сведений и к окончанию урока забыл половину, но получил чувство языка и узнал все слова, обозначающие то, как с ним можно обращаться.

– Не беспокойся, приятель. – К счастью, мистер Фелтон был терпелив и явно сочувствовал Робину из-за жестокой пытки, которой подвергался его разум. – Когда мы закончим с основами, будет веселее. Подожди, когда мы доберемся до Цицерона. – Он посмотрел на записи Робина. – Но тебе следует быть тщательнее с орфографией.

Робин не увидел никаких ошибок.

– В каком смысле?

– Ты забыл почти все диакритические знаки.

Робин подавил недовольный вздох: он проголодался и хотел поскорее закончить и пообедать.

– Ах, эти...

Мистер Фелтон забарабанил по столу пальцами.

– Длина звука имеет значение, Робин Свифт. К примеру, возьмем Библию. В первоначальном тексте на древнееврейском не уточняется, какой запретный плод змей уговорил вкушать Еву. Но в латыни *malum* означает «зло», а *mālum*, – он написал это слово, с силой поставив черту, – означает «яблоко». Отсюда рукой подать до обвинения яблока в первородном грехе. Но, насколько нам известно, настоящей виновницей могла быть хурма.

К обеду мистер Фелтон ушел, вручив Робину список из сотни слов для заучивания к следующему утру. Робин пообедал в гостиной в одиночестве, машинально засовывая в рот ветчину и картофель, и при этом непонимающе взирал на учебник грамматики.

– Еще картошки, милый? – спросила миссис Пайпер.

– Нет, спасибо.

От тяжелой пищи вкупе с крохотным шрифтом в книге его клонило ко сну. Разболелась голова, ему и правда было бы неплохо поспать.

Но не тут-то было. Ровно в два часа пополудни явился худой джентльмен с седыми бакенбардами, представившийся как мистер Честер, и в следующие три часа начал обучать Робина древнегреческому.

Греческий стал упражнением на тему «Как сделать привычное необычным». Алфавит напоминал латинский, но лишь частично, и многие буквы звучали не так, как выглядели: например, «ро» писалась как латинская «р», а «эта» как латинская «h». Как и в латыни, в греческом были спряжения и склонения, но гораздо больше форм, времен и вокализмов, которые приходилось отслеживать. Звучание казалось более далеким от английского, чем в латыни, и Робин прикладывал усилия, чтобы греческие тона не звучали как китайские. Мистер Честер был более суров, чем мистер Фелтон, и раздражался, когда Робин постоянно путал окончания глаголов. К концу дня Робин чувствовал себя настолько потерянным, что мог лишь повторять звуки, которые выплевывал ему в лицо мистер Честер.

Мистер Честер отбыл в пять, также оставив гору материалов для чтения, Робину даже смотреть на этот список было больно. Он отнес тексты к себе в комнату и, спотыкаясь, поскольку голова у него кружилась, спустился в столовую ужинать.

– Как продвигается обучение? – поинтересовался профессор Ловелл.

Робин замялся.

– Хорошо.

Профессор Ловелл изогнул губы в улыбке.

– Слишком много сразу навалилось, да?

Робин вздохнул.

– Немножко чересчур, сэр.

– В этом и прелесть изучения нового языка. Оно выглядит грандиозной задачей. Оно и должно тебя пугать. Только так ты оценишь, как много уже знаешь.

– Но я не понимаю, почему это так сложно, – сказал Робин с внезапным ожесточением. Он ничего не мог с собой поделать: уже с полудня в нем копилось разочарование. – Почему так много правил? Зачем столько разных окончаний? В китайском всего этого нет, у нас нет времен, склонений и спряжений. Китайский гораздо проще...

– Тут ты ошибаешься, – заметил профессор Ловелл. – Каждый язык по-своему сложен. Просто сложность латыни проявляется в форме слова. Морфологическое богатство – это достоинство, а не изъян. Возьмем предложение «Он будет учиться». Та хуэй сюэ. Три слова и в английском, и в китайском. А на латыни всего одно. Disce. Гораздо элегантнее, разве не так?

Робин не был в этом уверен.

Из этой рутины – латыни по утрам и греческого после полудня – состояла жизнь Робина в обозримом будущем. Несмотря на все трудности, он был за это благодарен. Наконец-то он жил по четкому расписанию. Теперь он чувствовал себя не таким неустроенным и растерянным: у него появилась цель, появилось место в жизни, и хотя Робин до сих пор толком не представлял, почему все это свалилось на портового мальчишку из Кантона, он относился к своим обязанностям с усердием и не жаловался.

Дважды в неделю он практиковался с профессором Ловеллом в мандаринском⁸. Поначалу Робин не понимал, в чем смысл. Эти диалоги казались искусственными, ходульными, а главное, ненужными. Он и без того уже свободно говорил на мандаринском, не запинаясь, вспоминая слова или произношение, как в разговорах с мистером Фелтоном на латыни. Зачем отвечать на примитивные вопросы вроде того, понравился ли ему ужин или что он думает о погоде?

Но профессор Ловелл был непреклонен.

– Языки забываются куда проще, чем ты можешь себе представить, – сказал он. – Стоит только перестать жить в китайском мире, и тут же перестанешь думать по-китайски.

– Но мне казалось, вы хотите, чтобы я думал по-английски, – смутился Робин.

– Я хочу, чтобы ты жил как англичанин. Это правда. Но ты все равно должен практиковаться в китайском. Слова и фразы, которые, как тебе кажется, намертво врезались в память, способны исчезнуть в мгновение ока.

Он говорил так, будто это уже случалось.

– Ты с детства овладел прочными основами мандаринского, кантонского и английского. Это большая удача – некоторые взрослые тратят всю жизнь на то, что ты получил с такой легкостью. И даже если им это удастся, они достигают лишь сносного уровня и могут как-то объясняться, если как следует задумаются и вспомнят слова перед тем, как заговорить. Но ничего похожего на родной язык, когда слова приходят сами собой, без задержки и труда. А ты уже освоил самое трудное в обеих языковых системах – акценты и ритм, те несознаваемые нюансы, на изучение которых у взрослых уходит целая вечность, да и то не всегда получается. Тебе следует их сохранить. Нельзя растрачивать природный дар.

– Но я не понимаю, – возразил Робин. – Если мои таланты заключаются в знании китайского, зачем мне понадобились латынь и греческий?

Профессор Ловелл хмыкнул.

– Чтобы понять английский.

– Но я знаю английский.

– Не настолько хорошо, как тебе кажется. Многие люди говорят по-английски, но мало кто по-настоящему его знает, его корни и каркас. А тебе нужно знать его историю, форму – все глубины языка, в особенности если ты собираешься обращаться с ним, как однажды научишься. И тебе нужно в совершенстве владеть китайским. Для этого и нужна практика.

Профессор Ловелл был прав. Робин обнаружил, насколько просто забыть язык, когда-то знакомый, как собственная кожа. В Лондоне, где рядом не было ни одного китайца, по крайней мере в его кругу, родной язык Робина казался нелепым. Слова, произнесенные в этой гостинице, квинтэссенции английской жизни, звучали неестественно. Как выдуманный язык. И Робина порой пугало, как часто его подводит память, а слова, на которых он вырос, звучат совершенно незнакомо.

Ему пришлось тратить больше усилий на китайский, чем на греческий и латынь. Он часами выводил иероглифы, трудясь над каждым штрихом, пока не добился четкости печатного текста. Вспоминал, как звучат разговоры по-китайски и что когда-то ему не приходилось останавливаться, пытаясь вспомнить тон следующего слова, оно просто слетало с языка.

⁸ Поскольку семья Робина переехала на юг не так давно, в детстве он разговаривал как на мандаринском, так и на кантонском диалектах. Но профессор Ловелл заявил, что кантонский ему следует забыть. При дворе императора Цин в Пекине говорят на мандаринском, это язык чиновников и ученых, и поэтому только его нужно принимать во внимание. Эта точка зрения – результат того, что Британская академия полагалась на скудные западные исследования предыдущих лет. Португальско-китайский словарь Маттео Риччи был написан на мандаринском диалекте, который автор изучал при дворе династии Мин; китайские словари Франсиско Варо, Жозефа Премара и Роберта Моррисона также были на мандаринском. В итоге британские китаеведы той эпохи уделяли гораздо больше внимания мандаринскому языку, чем другим диалектам. И потому Робина попросили забыть родной язык.

Но он начал забывать. Это приводило его в ужас. Иногда во время разговорной практики Робин не мог подобрать слово, хотя раньше постоянно его употреблял. А порой даже для собственного слуха его речь звучала как у европейского моряка, пытающегося имитировать китайский, не понимая ни единого слова.

Конечно, он мог все исправить. Просто обязан. С помощью практики, зубрежки, ежедневных сочинений. Это не то же самое, что жить и дышать мандаринским, но довольно близко. Он был еще в том возрасте, когда язык накрепко врезается в память. Но приходилось стараться изо всех сил, чтобы не перестать видеть сны на родном языке.

Как минимум трижды в неделю профессор Ловелл принимал в своей гостиной посетителей. Робин предполагал, что они тоже ученые, потому что гости часто приносили стопки книг или свитки рукописей, над которыми спорили до поздней ночи. Некоторые гости, как выяснилось, говорили по-китайски, и Робин иногда прятался на лестнице, подслушивая странные звуки – как англичане обсуждают тонкости грамматики классического китайского за чаем. «Это просто конечная частица», – настаивал один из них. А другой воскликнул: «Не могут же все они быть конечными частицами!»

Профессор Ловелл, похоже, предпочитал, чтобы Робин не показывался на глаза гостям. Профессор никогда прямым текстом не запрещал ему присутствовать, но сообщал, что к восьми придут мистер Вудбридж и мистер Рэтклифф, что Робин понимал как намек скрыться из виду.

Робина это не возмущало. Хотя, надо признаться, эти разговоры его завораживали: гости часто обсуждали необычные темы, например экспедиции в Вест-Индию, переговоры о производстве индийского хлопка и жестокие бунты на Ближнем Востоке. Однако сами визитеры его пугали: вереница суровых эрудированных мужчин, одетых исключительно в черное, как воронья стая, просто жуть.

Однажды он случайно вторгся в это собрание. Он вышел в сад, совершая рекомендованный доктором ежедневный моцион, и тут услышал, как профессор и его гости громко обсуждают Кантон.

– Напьер – просто идиот, – сказал профессор Ловелл. – Он слишком рано разыграл карты, слишком откровенно. Парламент не готов, а кроме того, Напьер раздражает компрадоров.

– Думаете, тори в любой момент могут вступить в дело? – пробасил собеседник.

– Не исключено. Но придется получить в Кантоне плацдарм получше, если они хотят привести туда корабли.

Робин больше уже не мог сдерживаться и вошел в гостиную.

– И что насчет Кантона?

Все джентльмены разом повернулись к нему. Их было четверо, все очень высокие, и на каждом красовались очки или монокль.

– Что насчет Кантона? – повторил Робин, внезапно встревожившись.

– Потихонечко, – отозвался профессор Ловелл. – Робин, у тебя грязные ботинки, ты повсюду наследил. Сними их и прими ванну.

Но Робин не унимался:

– Король Георг собирается объявить Кантону войну?

– Он не может объявить войну Кантону, Робин. Войну нельзя объявить городу.

– Значит, король Георг хочет вторгнуться в Китай? – напирал Робин.

Джентльмены почему-то засмеялись.

– Если бы это было возможно, – сказал джентльмен басом, – все стало бы гораздо проще, не правда ли?

Джентльмен с большой седой бородой посмотрел на Робина сверху вниз.

– А ты на чьей стороне? На нашей или поддерживаешь родину?

– О боже! – Четвертый господин, чьи бледно-голубые глаза наводили на Робина жуть, наклонился и осмотрел его с головы до пят, словно через огромную невидимую лупу. – Это что, новенький? Да он похож на вас еще больше, чем преды...

Голос профессора Ловелла как стеклом прорезал комнату:

– Хейворд!

– Ну в самом деле, это же просто невероятно, только посмотрите на его глаза. Не цвет, но форма...

– Хейворд.

Робин ошарашенно переводил взгляд с одного на другого.

– Достаточно, – сказал профессор Ловелл. – Ступай, Робин.

Робин промямлил извинения и поспешил вверх по лестнице, забыв о грязной обуви. Сзади до него донеслись обрывки ответа профессора Ловелла:

– Он не в курсе, и не стоит наводить его на мысль... Нет, Хейворд, я не стану...

Но когда Робин оказался в безопасности второго этажа, где мог свеситься через перила и подслушать, не рискуя, что его застукают, они уже сменили тему и обсуждали Афганистан.

Тем вечером Робин встал перед зеркалом и напряженно всматривался в собственное лицо, пока не начал казаться самому себе незнакомцем.

Его тетушки говаривали, что с таким лицом он везде сойдет за своего: его каштановые волосы и карие глаза были гораздо светлее, чем иссиня-черные у остальных членов семьи, и его легко могли принять как за сына португальского моряка, так и за наследника императора Цин. Однако Робин всегда приписывал особенности своей внешности случайному капризу природы, наделившей его чертами, которые могли бы принадлежать представителю любой расы, белой или желтой.

Он никогда не задумывался, что может быть не полнокровным китайцем.

А что, если так и есть? Вдруг его отец белый? Вдруг его отец...

«Посмотрите на его глаза...»

Разве это не безусловное доказательство?

Тогда почему отец не признает Робина сыном? Почему Робин лишь подопечный, а не сын?

Но даже в столь юном возрасте Робин понимал, что кое о чем не принято говорить вслух, только в этом случае жизнь может идти своим чередом. У него были крыша над головой, гарантированное трехразовое питание и столько книг, сколько за всю жизнь не прочитать. Робин знал, что у него нет права требовать большего.

И тогда он принял решение. Он никогда не будет расспрашивать профессора Ловелла, никогда не будет докапываться до истины. Пока профессор Ловелл не объявит его своим сыном, Робин не будет пытаться назвать его отцом. Ложь – еще не ложь, пока она не высказана, произнесенные вопросы не нуждаются в ответах. Их обоих вполне устраивало пребывание в бескрайнем пространстве между правдой и отрицанием.

Он умылся, переоделся и сел за стол, чтобы закончить перевод, заданный на вечер. Теперь они с мистером Фелтоном уже занимались «Агриколой» Тацита.

Auferre trucidare rapere falsis nominibus imperium atque ubi solitudinem faciunt pacem appellant.

Робин проанализировал предложение, заглянул в словарь, убедился, что *auferre* означает именно то, что он думает, и записал перевод⁹.

⁹ Грабеж, кровопролитие и кража – вот что они называют империей, а оставляя после себя пустыню, называют это миром.

В начале октября начался осенний триместр, и профессор Ловелл отбыл в Оксфорд, где собирался провести два месяца. Он жил там все три учебных триместра, приезжая домой лишь во время каникул. Робин радовался этим периодам: хотя его занятия не прерывались, он мог наконец-то выдохнуть и расслабиться, не боясь разочаровать опекуна на каждом шагу.

Это также означало, что профессор Ловелл теперь не дышал Робину в спину и тот мог исследовать город.

Профессор Ловелл не назначил ему никакого содержания, но миссис Пайпер время от времени подкидывала мелочь на проезд, которую он копил, пока не хватило до Ковент-Гардена. Узнав от разносчика газет о конном омнибусе, Робин ездил на нем почти каждые выходные, исколесив сердце Лондона – от Паддингтон-Грин до Банка. Первые несколько поездок в одиночку привели его в ужас; несколько раз он был уверен, что никогда больше не найдет дорогу обратно в Хампстед и обречен на всю оставшуюся жизнь стать бездомным. Но он не прекратил попытки. Он отказался сдаваться на милость Лондона, ведь Кантон тоже был лабиринтом. Робин решил сделать это место своим домом, изучив каждый его дюйм. Постепенно Лондон стал казаться все менее подавляющим, все менее похожим на бурлящую яму с чудовищами, которые могут поглотить его на любом перекрестке, и все более похожим на лабиринт, чьи хитрости и повороты Робин мог предвидеть.

Он читал город. Лондон 1830-х годов был завален печатной продукцией. Газеты и ежеквартальные, еженедельные, ежемесячные журналы, а также книги всех жанров слетали с полок, их бросали на пороги и продавали на каждом углу. Робин рассматривал газетные киоски, где продавались «Таймс», «Стандард» и «Морнинг пост»; читал статьи в научных журналах, таких как «Эдинбург ревью» и «Квотерли ревью», хотя не вполне их понимал; читал грошовые сатирические листки, такие как «Фигаро в Лондоне», мелодраматические псевдоновости вроде красочных криминальных сводок и предсмертных признаний осужденных.

Он развлекался дешевым чтивом, вроде журнала «Волынка». Потом наткнулся на серию «Посмертные записки Пиквикского клуба» некоего Чарльза Диккенса, который писал очень смешно, но, похоже, ненавидел всех, кроме белых. Робин открыл для себя Флит-стрит, сердце лондонской издательской деятельности, где газеты сходили с печатных станков еще горячими. Он возвращался туда снова и снова, приносил домой стопки вчерашних газет, которые ему давали бесплатно из сваленной в углу груды.

Он не понимал и половины прочитанного, даже если мог расшифровать все слова. В текстах было полно политических аллюзий, скрытых шуток, сленга и условностей, которых он не знал. Он пытался поглотить все это, заменив тем самым детство, проведенное вне Лондона, просматривал упоминания о тори, вигах, чартистах и реформаторах и запоминал, что они собой представляют. Он выяснил, что такое «Хлебные законы» и какое отношение они имеют к французу по имени Наполеон. Разобрался, кто такие католики и протестанты и что незначительные религиозные различия между ними (по крайней мере, по его мнению) привели к важным и кровавым последствиям. Он узнал, что быть англичанином – это не то же самое, что быть британцем, хотя ему все еще было трудно сформулировать разницу между этими двумя понятиями.

Он читал город и изучал его язык. Новые слова в английском языке были для Робина игрой, потому что, понимая слово, он всегда узнавал что-то новое об истории или культуре Англии. Он радовался, когда неожиданно выяснялось, что одни слова образовались из других известных ему слов. Hussy составлено из слов house и wife. Holiday – из holy и day. Бедлам произошел, как ни странно, от Вифлеема. Goodbye, как ни удивительно, было сокращенным вариантом God be with you¹⁰. В лондонском Ист-Энде Робин познакомился с рифмованным

¹⁰ Hussy – женщина легкого поведения или шкатулка с принадлежностями для шитья; house – дом, wife – жена. Holiday – каникулы, праздники; holy – святой, day – день. Goodbye – прощай; God be with you – да пребудет с тобой Господь. Бедлам

сленгом кокни, который поначалу представлял собой большую загадку для него, поскольку он не понимал, каким образом Хампстед может означать «зубы»¹¹. Но как только узнал об опущенной рифме, то начал радостно придумывать собственные. Миссис Пайпер не очень понравилось, когда он назвал ужин «трапезой святых»¹².

Еще долго после того, как Робин узнал настоящие значения слов и фраз, которые когда-то сбивали его с толку, у него по-прежнему возникали забавные ассоциации, связанные с ними. Он представлял себе кабинет министров как ряд массивных полок с расставленными на них, словно куклы, мужчинами в модных нарядах. Он считал, что вигов называли так из-за париков, wig, а тори – в честь юной принцессы Виктории. Лондонский квартал Мерилебон для него состоял из мрамора (marble) и кости (bone), район Белгравия был землей колоколов (bell) и могил (grave), а Челси называли в честь ракушек в море (shell и sea). В библиотеке профессора Ловелла была полка с книгами Александра Поупа, и целый год Робин думал, что в его поэме «Похищение локона» говорится о взломе замка¹³.

Он узнал, что фунт стерлингов стоит двадцать шиллингов, а шиллинг – двенадцать пенсов, а с флоринами и фартингами разобрался чуть позже. А еще выяснил, что британцы, как и китайцы, очень разные, ирландцы или валлийцы во многом отличаются от англичан. Миссис Пайпер была родом из Шотландии, а значит, шотландка, и это объясняет, почему ее зычный и раскатистый акцент так отличается от четких и ясных интонаций профессора Ловелла.

Лондон 1830 года никак не мог решить, каким хочет быть. Серебряный город был крупнейшим финансовым центром в мире, стоял на передовом краю промышленности и технологий. Но его прибыль не делилась на всех поровну. Лондон был городом спектаклей в Ковент-Гардене и балов в Мейфэре в той же степени, что и городом шумных трущоб в Сент-Джайлсе.

Лондон был городом реформаторов, где Уильям Уилберфорс и Роберт Уэддерберн призывали к отмене рабства; где беспорядки в Спа-Филдс закончились обвинением лидеров в государственной измене; где последователи Роберта Оуэна пытались втянуть всех и каждого в свои утопические социалистические сообщества (Робин так еще и не выяснил, что такое социализм) и где трактат «В защиту прав женщины» Мэри Уолстонкрафт, опубликованный всего сорок лет назад, вдохновил многих гордых феминисток и суфражисток. Робин обнаружил, что в парламенте, в ратушах и на улицах реформаторы всех мастей борются за душу Лондона, а консервативный правящий класс помещиков при каждой возможности отбивается от перемен.

В то время он еще не понимал сути этой политической борьбы. Робин лишь чувствовал, что лондонцы, да и вся Англия в целом, имеют очень разные мнения о том, кто они и кем хотят быть. И он понимал, что за всем этим стоит серебро. Ведь когда радикалы писали об опасностях индустриализации, а консерваторы опровергали это доказательствами бурного роста экономики; когда любая политическая партия говорила о трущобах, жилье, дорогах, транспорте, сельском хозяйстве и производстве; когда кто-либо вообще говорил о будущем Британии и империи, в газетах, памфлетах, журналах и даже молитвенниках всегда звучало одно слово: серебро, серебро, серебро.

От миссис Пайпер он узнал об английской кухне и об Англии больше, чем мог себе представить. Он довольно долго привыкал к новым вкусам. Живя в Кантоне, Робин никогда не задумывался о еде – каша, булочки на пару, пельмени и овощные блюда, составлявшие его ежедневный рацион, казались ничем не примечательными. Это были основные продукты питания бедняков, далекие от высокой китайской кухни. Теперь Робин с удивлением отметил, как

– психиатрическая больница в Лондоне.

¹¹ Hampstead Heath рифмуется со словом teeth (зубы). На сленге кокни многие слова заменяются на рифмы к ним.

¹² Dinner, sinner – ужин, грешник.

¹³ Rape of the Lock в современном английском можно перевести так же как «Насилие над замком». Поуп употребляет устаревшее значение слова rape – выхватить, отобрать силой; а также менее распространенное значение слова lock – локон.

скушает по этим незамысловатым блюдам. Англичане регулярно использовали только два вкуса – соленый и несоленый – и, похоже, не признавали никаких других. Удивительно, что жители страны, так хорошо зарабатывающей на торговле специями, категорически не желали их применять; за все время своего пребывания в Хампстеде Робин ни разу не попробовал блюда, в котором ощущался бы вкус приправ, не говоря уже об остроте перца.

Он получал больше удовольствия от изучения еды, чем от ее вкуса. Обучение проходило само собой – миссис Пайпер любила поболтать и с удовольствием пускалась в объяснения, пока подавала обед, если Робин проявлял хоть малейший интерес к содержимому тарелки. Робину сказали, что картофель, который нравился ему в любом виде, не следует подавать на приемах в высшем обществе, поскольку считается едой простонародья. Робин узнал, что благодаря серебру в посуде блюда сохраняют тепло на протяжении всей трапезы, но раскрывать эту хитрость гостям невежливо, поэтому серебряные пластины вставляют на дно тарелок.

А еще он обнаружил, что традиция перемены блюд во время ужина пришла из Франции и еще не стала общепринятой нормой лишь из-за враждебности к коротышке Наполеону. Робин узнал, хотя и не совсем понял, тонкие различия между ланчем, бранчем и полуденным обедом. А за любимые миндальные сырники ему следовало благодарить католиков, поскольку запрет на молочные продукты в постные дни вынудил английских поваров изобрести миндальное молоко.

Однажды вечером миссис Пайпер принесла плоский круг: что-то вроде запеченного теста, разделенного на треугольные клинья. Робин отломил один кусочек и осторожно откусил. Тесто было очень толстым и гораздо плотнее, чем пушистые белые булочки, которые его мама готовила на парú каждую неделю. На вкус блюдо оказалось малоприятным и очень тяжелым. Робин жадно глотнул воды, чтобы комок теста упал в желудок, и спросил:

– Что это?

– Баннок, – сообщила миссис Пайпер.

– Сконы, – поправил ее профессор Ловелл.

– Нет, это лепешка...

– Сконы – это куски, – сказал профессор Ловелл. – А все целиком – баннок.

– Нет уж, это баннок, и все куски – тоже баннок. А сконы – это сухие, рассыпчатые булки, которые англичане так любят пихать в рот...

– Полагаю, вы говорите не о сконах собственного приготовления, миссис Пайпер. Их уж никто в здравом уме не назовет сухими.

Миссис Пайпер не купилась на лесть.

– Это баннок. И все куски – баннок. Моя бабушка называла это баннок, мать называла баннок, значит, баннок и есть.

– Но почему... почему это называется баннок? – спросил Робин.

Звучание этого слова вызвало в воображении горных чудовищ, когтистых и рычащих тварей, которые не успокоятся, пока не получат хлеб в качестве жертвоприношения.

– Слово пришло из латыни, – объяснил профессор Ловелл. – Баннок происходит от *panisium*, что значит «печеный хлеб».

Объяснение звучало правдоподобно, даже разочаровывающе очевидно. Робин снова откусил не то баннок, не то скон, и на сей раз ему понравилось, как тяжелый кусок опустился в желудок.

Они с миссис Пайпер быстро стали союзниками в беззаветной любви к сконам. Она делала их на любой вкус: простые, с капелькой топленых сливок и малинового варенья; соленные, с сыром и чесноком; или усеянные кусочками сухофруктов. Робину больше всего нравились обычные – зачем портить то, что, по его мнению, и без того идеально? Он только что узнал о теории идей Платона и был убежден, что сконы – это платоновский идеал хлеба. А топленые сливки миссис Пайпер были изумительными – одновременно легкими, с ореховым

привкусом и освежающими. В некоторых семьях молоко томят на плите почти целый день, чтобы получить верхний слой сливок, однажды рассказала она, но на прошлое Рождество профессор Ловелл принес хитроумное серебряное устройство, которое позволяет отделить сливки за несколько секунд.

Однако профессору Ловеллу простые сконы нравились меньше всего, поэтому к пятичасовому чаю обычно подавали султанские сконы.

– Почему их называют султанскими? – поинтересовался Робин. – Там же нет ничего, кроме изюма.

– Точно не знаю, милый, – ответила миссис Пайпер. – Может, из-за происхождения. «Султанские» звучит по-восточному, правда? Ричард, где растет изюм? В Индии?

– В Малой Азии, – поправил ее профессор Ловелл. – А султанским его называют, потому что он особого качества, бессемянный.

Миссис Пайпер подмигнула Робину.

– Ну вот, теперь ты знаешь. Все дело в семени.

Робин не вполне понял шутку, но ему не нравился султанский изюм в сконах, и когда профессор Ловелл отворачивался, Робин выковыривал изюм, окунал сконы в топленые сливки и отправлял в рот.

Помимо сконов, еще одной большой любовью Робина были романы. Два десятка книг, которые ежегодно доставляли ему в Кантон, были лишь скудной струйкой. Теперь он получил доступ к настоящему водопаду. Робин постоянно что-то читал, но ему приходилось проявлять изобретательность, чтобы втиснуть в свое расписание чтение ради удовольствия: он читал за столом, поглощая блюда миссис Пайпер и не задумываясь, что кладет в рот; читал, гуляя по саду, хотя от этого кружилась голова; он даже пробовал читать в ванной, но ему стало стыдно от мокрых и неровных отпечатков пальцев, оставленных на новом издании «Истории полковника Джека» Дефо, и он отказался от этой затеи.

Больше всего на свете он любил романы. Романы с продолжением Диккенса были смешными и отлично написаны, но какое удовольствие держать в руках законченную историю. Робин читал все, что попадалось под руку. Он наслаждался творчеством Джейн Остин, хотя пришлось консультироваться с миссис Пайпер, чтобы понять описанные Остин социальные условности. Например, где находится Антигуа? И почему сэр Томас Бертрам постоянно туда ездил?¹⁴ Робин поглощал литературу о путешествиях Томаса Хоупа и Джеймса Мориера, благодаря которым познакомился с греками и персами, или, по крайней мере, с приукрашенной версией. Ему очень понравился «Франкенштейн» Мэри Шелли, хотя он не мог сказать того же о стихах ее менее талантливого мужа, которого находил излишне мелодраматичным.

Вернувшись из Оксфорда после первого триместра, профессор Ловелл повел Робина в книжный магазин «Хатчардс» на Пикадилли, прямо напротив универмага «Форнем и Мейсон». Робин остановился у выкрашенной в зеленый цвет двери и замер. Он много раз проходил мимо книжных магазинов во время прогулок по городу, но никогда не думал, что ему разрешат зайти внутрь. У него сложилось впечатление, что книжные магазины предназначены только для богатых взрослых, а его оттакают за уши, если только он посмеет войти.

Увидев, как Робин мнется на пороге, профессор Ловелл улыбнулся.

– Это всего лишь магазин для широкой публики, – сказал он. – Вот когда ты увидишь университетскую библиотеку...

Внутри висел густой дух пыли и типографской краски. Если бы так пах табак, решил Робин, он бы нюхал его каждый день. Он шагнул к ближайшей полке, неуверенно поднял руку к книгам, боясь прикоснуться к ним. Они выглядели такими новенькими – с корешками, которые

¹⁴ Потому что он был рабовладельцем. Сэр Томас Бертрам – персонаж романа Джейн Остин «Мэнсфилд-парк».

еще не успели перегнуть, с гладкими и блестящими страницами. Робин привык к потрепанным книгам с заляпанными страницами, даже его учебникам по латинской и греческой грамматике было несколько десятков лет. А эти сверкающие книги, только что из-под печатного прессы, казались чем-то совершенно иным, ими следовало восхищаться с почтительного расстояния, а не брать в руки и читать.

– Выбери книгу, – попросил профессор Ловелл. – Тебе следует ощутить, каково это – купить свою первую книгу.

Выбрать книгу? Всего одну, среди всех этих сокровищ? Робин не мог отличить одного названия от другого, перед глазами все плыло при одной мысли о том, что нужно пролистать книгу и принять решение. И тут взгляд остановился на заглавии: «Королевская собственность», Фредерик Марриет, с этим автором Робин пока что не был знаком. Но решил, что нечто новое – всегда хорошо.

– Хм. Марриет. Я его не читал, но слышал, что он популярен у мальчиков твоего возраста. – Профессор Ловелл покрутил книгу в руках. – Ну что, значит, эта? Уверен?

Робин кивнул. Он понял, что если сейчас же не примет решения, то никогда отсюда не уйдет. Он был как зашедший в кондитерскую голодающий, ослеплен открывшимися возможностями, но не хотел злоупотреблять терпением профессора.

Уже на улице профессор вручил ему сверток в коричневой бумаге. Робин прижал его к груди, едва сдерживаясь, чтобы не сорвать обертку до возвращения домой. Он пылко поблагодарил профессора Ловелла, остановившись, лишь когда заметил, что тот чувствует себя неловко. Но когда профессор спросил, приятно ли держать в руках новую книгу, Робин с энтузиазмом кивнул, и впервые, насколько он помнил, они улыбнулись друг другу.

Чтобы неспешно насладиться книгой, Робин собирался приберечь «Королевскую собственность» на выходные, когда у него был целый день без занятий. Но уже в четверг понял, что не может удержаться. После ухода мистера Фелтона Робин быстро проглотил бутерброды с сыром, приготовленные миссис Пайпер, и поспешил наверх, где свернулся калачиком в любимом кресле и начал читать.

И тут же зачарованно погрузился в чтение. Роман «Королевская собственность» оказался историей о подвигах на море, о мести, отваге и борьбе, о морских битвах и путешествиях в далекие земли. Робин невольно вспомнил собственное плавание из Кантона и, приправив воспоминания атмосферой романа, вообразил, как сражается с пиратами, строит плоты, получает медали за храбрость и...

Дверь со скрипом отворилась.

– Чем ты занят? – осведомился профессор Ловелл.

Робин поднял голову. Воображаемый образ капитана Королевского флота, бороздящего бурные воды, был настолько ярким, что Робин не сразу вспомнил, где находится.

– Робин, – повторил профессор Ловелл, – чем ты занят?

Внезапно в библиотеке стало ужасно холодно, золотистый послеполуденный свет померк. Робин проследил за взглядом профессора Ловелла – тот смотрел на тикающие над дверью часы. Робин совершенно забыл о времени. Но стрелки наверняка врут, он же не мог просидеть здесь три часа!

– Простите, – сказал он, еще немного огушенный. Он чувствовал себя как путешественник, которого подхватили где-то в Индийском океане и перенесли в этот мрачный и холодный кабинет. – Я не... Я потерял счет времени.

По лицу профессора Ловелла он не мог понять, о чем тот думает. И это пугало Робина. Непроницаемая стена, нечеловеческое хладнокровие пугали гораздо сильнее, чем бурлящая ярость.

– Мистер Честер ждет внизу уже больше часа, – сказал профессор Ловелл. – Я бы не заставил его ждать и десяти минут, но сам только что вернулся.

У Робина все внутри сжалось от чувства вины.

– Мне очень жаль, сэр...

– Что ты читаешь? – прервал его профессор Ловелл.

Робин мгновение поколебался, а затем протянул «Королевскую собственность»¹⁵.

– Ту книгу, которую вы мне купили, сэр. Тут как раз говорится о грандиозном сражении, я просто хотел узнать, что...

– Ты думаешь, имеет какое-то значение, что написано в этой дьявольской книге?

Когда Робин позже вспоминал этот эпизод, он поражался собственной наглости. Наверное, он перепугался и был не в себе, потому что повел себя глупейшим образом – просто закрыл книгу Марриета и направился к двери, будто как ни в чем не бывало торопился на занятия, а проступок такого масштаба можно с легкостью забыть.

В дверях профессор Ловелл замахнулся и врезал Робину по щеке кулаком.

Удар был такой силы, что Робин свалился на пол. От шока он не почувствовал боли, просто загудело в висках, боль пришла позже, через несколько секунд, когда к голове прилила кровь.

Но профессор Ловелл еще не закончил. Когда оглушенный Робин поднялся на колени, профессор схватил стоящую у камина кочергу и с размаху ударил Робина справа по ребрам. А потом еще раз и еще.

Робин перепугался бы сильнее, если бы подозревал профессора Ловелла в склонности к насилию, но избиение оказалось настолько неожиданным, настолько противоречило характеру профессора, что казалось чем-то совершенно невероятным. Робину не пришло в голову умолять, плакать или даже кричать. Даже когда кочерга хрустнула по его ребрам в восьмой, девятый, десятый раз, даже когда он почувствовал вкус крови на губах, все это вызывало у него лишь глубочайшее недоумение. Казалось полной бессмыслицей. Как будто происходило во сне.

Профессор Ловелл не выглядел человеком, подверженным вспышкам беспощадной ярости. Он не кричал, не сверкал глазами, даже щеки у него не порозовели. Как будто каждым твердым и рассчитанным ударом хотел сделать как можно больнее, не причинив при этом необратимых травм. Он не бил Робина по голове, сдерживал силу, чтобы не сломать ему ребра. После его ударов оставались только синяки, которые можно легко скрыть и которые со временем полностью исчезнут.

Он очень хорошо знал, что делает. Похоже, он делал это уже не в первый раз.

После двенадцатого удара он остановился. С такой же аккуратностью профессор Ловелл вернул кочергу на место, вернулся и сел за стол, молча глядя на Робина, пока тот поднимался на колени и вытирал с лица кровь.

После долгого молчания профессор Ловелл заговорил:

– Привезя тебя из Кантона, я четко обозначил свои ожидания.

Из горла Робина наконец-то вырвались рыдания – запоздалая эмоциональная реакция, но он сдержал их, с ужасом воображая, что сделает профессор Ловелл, если он издаст хоть звук.

– Вставай, – холодно произнес профессор Ловелл. – Сядь.

Робин машинально подчинился. Один зуб во рту шатался. Робин пощупал его и вздрогнул, когда на язык потекла соленая струйка крови.

– Посмотри на меня, – велел профессор Ловелл.

¹⁵ Это был первый и последний роман Марриета, прочитанный Робин. Оно и к лучшему. Романы Фредерика Марриета, насыщенные морскими приключениями и подвигами, чем так полюбили английский мальчишкам, в то же время описывали чернокожих как довольных своим положением рабов, а американских индейцев – либо как благородных дикарей, либо как безвольных пьяниц. Китайцы и индийцы описывались как «народы низкорослые и женоподобные».

Робин поднял голову.

– Что ж, у тебя, несомненно, есть одно достоинство, – сказал профессор Ловелл. – Ты не ревешь после порки.

У Робина зачесался нос. Он чувствовал, что вот-вот хлынут слезы, и изо всех сил пытался их сдержать. В его виски как будто впивались шипы. От боли он с трудом дышал, и все же ему казалось, что важнее всего ни намеком не выдать свои муки. Он никогда в жизни еще не чувствовал себя таким ничтожеством. Ему хотелось умереть.

– Я не потерплю лень под своей крышей, – сказал профессор Ловелл. – Перевод – непростое занятие, Робин. Он требует сосредоточенности. Дисциплины. Ты и так уже отстал в латыни и греческом, начав слишком поздно, и всего за шесть лет тебе предстоит догнать сверстников перед поступлением в Оксфорд. Ты не должен бездельничать. Не должен терять время на пустые грезы.

Он вздохнул.

– Я надеялся, опираясь на сообщения мисс Слейт, что ты растешь усердным и трудолюбивым. Но теперь вижу, что ошибся. Лениность и лживость присущи вашему народу. Вот почему Китай – отсталая страна, в то время как его соседи рвутся к прогрессу. Китайцы по природе своей глупы, безвольны и не склонны усердно трудиться. Ты должен бороться с этими наклонностями, Робин. Научись подавлять отраву в крови. Я многое поставил на твою способность с этим справиться. Докажи мне, что достоин, или можешь купить себе билет обратно в Кантон. – Он вздернул голову. – Ты хочешь вернуться в Кантон?

Робин проглотил комок в горле.

– Нет.

Он и правда так думал. Даже после избиения, после утомительных занятий он не мог представить для себя иного будущего. Кантон означал нищету, ничтожность и невежество. Кантон означал болезни. В Кантоне не будет больше книг. А Лондон мог одарить всеми благами, о которых только мечтал Робин. И однажды он поступит в Оксфорд.

– Так решай, Робин. Посвяти всего себя оттачиванию навыков, будь готов пойти на жертвы, которые это повлечет за собой, и обещай, что больше никогда не будешь ставить меня в неловкое положение. Или отправляйся домой на первом же пакетботе. Ты снова окажешься на улице – без семьи, без профессии и без денег. У тебя больше никогда не будет тех возможностей, которые я тебе предлагаю. Ты будешь только мечтать снова увидеть Лондон, а тем более Оксфорд. Ты никогда, никогда больше не прикоснешься к серебряной пластине. – Профессор Ловелл откинулся назад, глядя на Робина холодно и пристально. – Выбирай.

Робин прошептал ответ.

– Громче. По-английски.

– Простите, – захрипел Робин. – Я хочу остаться.

– Хорошо. – Профессор Ловелл встал. – Мистер Честер ждет внизу. Приведи себя в порядок и ступай учиться.

Каким-то чудом Робин выдержал весь урок, хлюпая носом. Он был слишком ошарашен, чтобы сосредоточиться: на лице расцветал огромный синяк, а ребра пульсировали от невидимых повреждений. Мистер Честер благородно не сказал ни слова по поводу этого инцидента. Робин просклонял все глаголы неправильно. Мистер Честер терпеливо поправил его доброжелательным, хотя и слегка нутужным тоном. Опоздание Робина не сократило занятия – они затянулись до позднего ужина, и это были самые длинные три часа в жизни Робина.

На следующее утро профессор Ловелл вел себя так, будто ничего не случилось. Когда Робин спустился к завтраку, профессор спросил, закончил ли он переводы. Робин ответил, что да. Миссис Пайпер принесла на завтрак яйца и ветчину, и они поели в леденящем молчании. Робину было больно жевать, а иногда и глотать, за ночь его лицо еще больше опухло, но, когда

он подавился, миссис Пайпер лишь предложила нарезать ветчину помельче. Они допили чай. Миссис Пайпер унесла тарелки, а Робин пошел за учебниками по латыни, ожидая прибытия мистера Фелтона.

Робину ни разу не пришло в голову сбежать: ни тогда, ни в последующие недели. Другой ребенок испугался бы и уцепился за первую же возможность ускользнуть на улицы Лондона. Другой ребенок, лучше знакомый с добротой и нежностью, понял бы, что подобное безразличие к жестоко избитому одиннадцатилетнему ребенку со стороны миссис Пайпер, мистера Фелтона и мистера Честера пугающе ненормально. Но Робин был так рад вернуться к прежнему душевному равновесию, что не нашел в себе сил даже возмутиться.

В конце концов, это никогда не повторится. Робин об этом позаботится. Следующие шесть лет он учился до изнеможения. Пока перед ним маячила угроза высылки, он из последних сил старался быть образцовым учеником, каким его хотел видеть профессор Ловелл.

Через год, когда Робин овладел фундаментальными основами греческого и латыни и уже мог самостоятельно догадываться о значении слов, языки стали более интересными. Теперь, встречаясь с новым текстом, Робин не столько бродил впотьмах, сколько заполнял пробелы. Выяснение точной грамматики фразы, которая не давала ему покоя, приносило такое же удовлетворение, какое он получал от поставленной на нужную полку книги или от обнаружения пропавшего носка – все фрагменты складывались воедино, и все становилось целым и законченным.

На латыни он прочитал Цицерона, Ливия, Вергилия, Горация, Цезаря и Ювенала, на греческом – Ксенофонта, Гомера, Лисия и Платона. Со временем Робин понял, что ему неплохо даются языки. Он обладал хорошей памятью и быстро схватывал тональность и ритм. Вскоре он достиг такого уровня владения греческим и латынью, которому позавидовал бы любой выпускник Оксфорда. Со временем профессор Ловелл перестал отпускать комментарии относительно его природной склонности к лени и теперь одобрительно кивал, узнавая о новых успехах Робина.

История тем временем шла своим чередом. В 1830 году умер король Георг IV, и его сменил младший брат, Вильгельм IV, склонный к вечным компромиссам, а потому не угодивший никому. В 1831 году Лондон опустошила очередная эпидемия холеры, оставив после себя тридцать тысяч умерших. Основной удар пришелся на бедных и обездоленных; на тех, кто жил в тесноте и скученности и не имел возможности избежать заразных миазмов¹⁶. Но Хампстед холера не затронула – для профессора Ловелла и его друзей в отдаленных поместьях эпидемия была событием, о котором можно вскользь упомянуть, поморщиться, выразив сострадание, и быстро забыть.

В 1833 году произошло знаменательное событие: в Англии и колониях отменили рабство. Отработав шесть лет, бывшие рабы получали свободу. Гости профессора Ловелла восприняли эту новость с легким разочарованием, как проигранный матч по крикету.

– Что ж, мы потеряем Вест-Индию, – посетовал мистер Халлоус. – Ох уж эти аболиционисты с их чертовым морализаторством. Я убежден, что нездоровое желание освободить рабов – не что иное, как стремление британцев ощутить хотя бы культурное превосходство после потери Америки. И какой в этом смысл? Как будто эти бедолаги не находились в таком же рабстве в Африке, под гнетом тиранов, которые ими правили¹⁷.

– Я бы не стал пока ставить крест на Вест-Индии, – отозвался профессор Ловелл. – Там до сих пор законно разрешен принудительный труд...

¹⁶ Когда ежедневные газеты начали писать о растущем количестве смертей, Робин спросил миссис Пайпер, почему врачи просто не пройдут по окрестностям, исцеляя заболевших серебром, как вылечил его профессор Ловелл. «Серебро – дорогое удовольствие», – ответила миссис Пайпер, и больше они к этой теме не возвращались.

¹⁷ Тут мистер Халлоус забывает, что рабство, при котором с рабами обращались как с собственностью, а не как с людьми, – всецело европейское изобретение.

– Но без владения рабами производство становится слишком дорогим.

– Быть может, это и к лучшему – в конце концов, свободные люди трудятся лучше рабов, а рабство на самом деле обходится даже дороже, чем рынок рабочей силы...

– Вы слишком увлекаетесь Смитом. Хобарт и Макквин высказали правильную мысль – просто тайком привести корабль, набитый китайцами¹⁸, и дело в шляпе. Они трудолюбивы и дисциплинированы, уж кому, как не Ричарду, знать...

– Нет, Ричард считает их ленивыми, верно, Ричард?

– Лично я хотел бы, чтобы женщины перестали принимать участие в дебатах против рабства, – вклинился в разговор мистер Рэтклифф. – Они сравнивают себя с африканцами и начинают воображать бог знает что.

– Вот как? – сказал мистер Ловелл. – Неужели миссис Рэтклифф недовольна своим положением?

– Ей хочется думать, будто от освобождения рабов до равно- правия женщин – один шаг. – Мистер Рэтклифф зло хохотнул. – Представляю, что тогда начнется.

И беседа свернула к теме абсурдности женского равно- правия.

Робин решил, что никогда не поймет этих людей. Они говорили о событиях в мире как о гигантской шахматной партии, где страны и люди – фигурки на доске, которые можно передвигать по своему усмотрению.

Но если мир был для них абстрактным объектом, то для него – еще более абстрактным, поскольку Робин не имел никакого отношения к этим вопросам. Он воспринимал эпоху через ограниченный мир поместья профессора Ловелла. Реформы, колониальные восстания, восстания рабов, женское избирательное право и последние парламентские дебаты – все это ничего не значило для Робина. А имели значение только мертвые языки и то, что однажды, причем этот день с каждым годом становился все ближе, он поступит в университет, который знал только по картине на стене, – город знаний, город воодушевляющих шпилей.

Но произошло это без помпы, совершенно обыденно. Однажды мистер Честер, собирая книги, сказал Робину, что получал удовольствие от их занятий и желает удачи в университете. Вот так Робин узнал, что на следующей неделе его отправляют в Оксфорд.

– Ах да, – сказал профессор Ловелл, когда Робин спросил его об этом. – Разве я тебе не сообщил? Я написал в колледж. Тебя там ждут.

Предположительно, нужно было заполнить бумаги, обменяться гарантийными письмами об оплате, но Робин ни в чем этом не участвовал. Профессор Ловелл просто объявил, что он должен отбыть к новому месту жительства двадцать девятого сентября, так что вечером двадцать восьмого следует собрать багаж.

– Ты приедешь за несколько дней до начала триместра. Мы отправимся туда вместе.

Вечером накануне отъезда миссис Пайпер испекла Робину твердое круглое печенье, такое вкусное и рассыпчатое, что таяло во рту.

– Это шотландское песочное печенье, – объяснила она. – Не ешь все сразу, оно очень питательное. Я редко его пеку, потому что Ричард считает, что сахар портит детей, но ты заслужил.

– Песочное печенье, – повторил Робин. – Потому что рассыпается, как песок?

Они постоянно играли в эту игру, начиная с того спора о банноке.

¹⁸ И в самом деле, после освобождения рабов на Гаити британцы пытались привозить рабочих других рас, например китайцев («трезвый, терпеливый, трудолюбивый народ»), в качестве возможной альтернативы рабам-африканцам. В 1806 году на Тринидаде была предпринята попытка основать колонию из двухсот китайских рабочих, привезенных на судне «Фортитюд», чтобы создать «барьер между нами и неграми». Колония развалилась, и большинство рабочих вскоре вернулись в родной Китай. Тем не менее идея замены труда африканцев китайцами оставалась привлекательной для британских предпринимателей и постоянно возрождалась на протяжении всего XIX века.

– Именно. Жир размягчает тесто.

Робин проглотил сладкий жирный комок и запил его молоком.

– Я буду скучать по вашим этимологическим урокам, миссис Пайпер.

К его удивлению, ее глаза покраснели, а голос стал хриплым.

– Напиши, если тебе понадобятся гостинцы, – сказала она. – Я плохо знаю, что происходит в этих колледжах, но еда там просто ужасна.

Глава 3

*Но этого не будет никогда:
Нам остается город лишь один,
Построенный не для алкавших злата,
Не для прозорливых империи волков.*

Клайв Стейплз Льюис. Оксфорд

На следующее утро Робин и профессор Ловелл взяли кеб к станции в центре Лондона, где пересели на дилижанс в Оксфорд. Пока они ждали посадки, Робин ради забавы пытался угадать происхождение слова «дилижанс». Diligence – усердие? Странно.

– Это слово произошло от французского *carrosse de diligence*, то есть «проворный экипаж», – объяснил профессор Ловелл. – А скорость достигается за счет того, что лошадей меняют по пути. Я ненавижу постоянные дворы, поэтому мы будем ехать без остановки примерно десять часов, так что сходи заранее в туалет.

В дилижансе они ехали с девятью другими пассажирами – обеспеченной семьей из четырех человек и группой сутулых джентльменов в поношенных костюмах с залатанными локтями, Робин решил, что это профессора. Робин втиснулся между профессором Ловеллом и одним из потрепанных джентльменов. Для бесед было еще слишком рано. Пока экипаж трясся по мостовой, пассажиры либо дремали, либо просто пялились в окно.

До Робина не сразу дошло, что дама напротив смотрит не на свое вязание, а на него. Когда он посмотрел ей в лицо, она быстро повернулась к профессору Ловеллу и спросила:

– Он азиат?

Профессор Ловелл дернул головой, очнувшись от дремы.

– Прошу прощения?

– Я спрашиваю про вашего мальчика, – сказала дама. – Он из Пекина?

Робин бросил взгляд на профессора Ловелла, и его внезапно разобрало любопытство: что тот ответит?

Но профессор Ловелл лишь покачал головой.

– Из Кантона, – отрезал он. – Это южнее.

– Вот как, – протянула дама, явно разочарованная краткостью ответа.

Профессор Ловелл снова заснул. Дама снова с обескураживающим любопытством оглядела Робина с ног до головы, а потом занялась детьми. Робин хранил молчание. Внезапно у него защемило в груди, хотя он и не мог понять отчего.

Дети тоже пялились на него широко открытыми глазами и разинув рты, это было бы забавно, если бы у Робина не возникло ощущения, будто у него отросла еще одна голова. Через мгновение мальчик потянул мать за рукав, чтобы она наклонилась, и что-то прошептал ей в ухо.

– Ясно. – Она хихикнула и посмотрела на Робина. – Он хочет узнать, хорошо ли ты видишь.

– Что-что?

– Хорошо ли ты видишь, – повторила дама, повысив голос и произнося слова по слогам, как будто Робин плохо слышал. На «Графине Харкорт» он никак не мог понять, почему люди ведут себя с теми, кто не понимает по-английски, словно те глухие. – С такими-то глазами – ты все хорошо видишь? Или как будто через щелочку?

– У меня прекрасное зрение, – тихо ответил Робин.

Мальчик разочарованно отвернулся и начал щипать сестру. Дама как ни в чем не бывало вернулась к вязанию.

Семья сошла в Рединге. Без них Робину стало легче дышать. К тому же он мог вытянуть ноги в проход и дать отдых окостеневшим коленям, и дама больше не бросала на него испуганные, подозрительные взгляды, будто застала, когда он шарил по карманам.

Последние миль десять до Оксфорда они ехали по идиллическим зеленым пастбищам, на которых то тут, то там паслись стада коров. Робин читал путеводитель под названием «Оксфордский университет и его колледжи», но у него разболелась голова, и он начал клевать носом. Некоторые дилижансы снабжались серебряными пластинами, чтобы езда была гладкой, как на коньках по льду, но это была старая модель, и постоянная тряска выматывала. Проснулся Робин, когда колеса загрохотали по брусчатке, он выглянул в окно и обнаружил, что они едут по Хай-стрит и уже приближаются к воротам его нового дома.

Оксфорд состоял из двадцати двух колледжей, и у каждого имелись собственные студенческие общежития, гербы, столовые, обычаи и традиции. Крайст-Черч, Тринити, колледж Святого Иоанна и колледж всех душ были самыми богатыми и обладали самой лучшей территорией.

– Тебе захочется найти здесь друзей, хотя бы для того, чтобы гулять по саду, – сказал профессор Ловелл. – Вустера и Хертфорда лучше избегать. Они бедны и ужасны. – Робин так и не понял, что имеет в виду профессор Ловелл – колледжи или студентов. – И кормят там отвратительно.

Когда они выходили из дилижанса, один из пассажиров сурово покосился на профессора Ловелла.

Робину предстояло жить в Университетском колледже. Путеводитель сообщал, что обычно колледж называют просто универ, и там учатся все студенты, зачисленные в Королевский институт перевода, и выглядит он «сурово и респектабельно, как и положено старейшему университету». Здание и впрямь напоминало готический храм, на гладком белом камне фасада красовались башенки и одинаковые окна.

– Что ж, ты на месте. – Профессор Ловелл сунул руки в карманы. Выглядел он немного смущенным. Теперь, когда они побывали у привратника, где Робин получил ключи, и перетаскивали чемоданы Робина с Хай-стрит на мощный тротуар, стало очевидным, что расставание неизбежно. Профессор Ловелл просто не знал, как к этому подойти. – Что ж, – снова сказал он. – Осталось несколько дней до начала занятий, стоит потратить их на знакомство с городом. У тебя есть карта – да, вот она. Территория небольшая, ты будешь знать ее как свои пять пальцев после нескольких прогулок. Может быть, познакомишься с однокурсниками: они наверняка уже приехали. Моя резиденция находится севернее, в Джерико; я оставил тебе указания в конверте. Миссис Пайпер приедет туда на следующей неделе, и мы будем ждать тебя на обед в субботу через две недели. Миссис Пайпер будет очень рада тебя видеть. – Все это он протараторил, как заученный наизусть текст. Ему как будто трудно было смотреть Робину в глаза. – Ну что, договорились?

– О да, – ответил Робин. – Я тоже буду рад повидаться с миссис Пайпер.

Они уставились друг на друга. Робин чувствовал, что наверняка есть какие-то более подходящие случаю слова, чтобы отметить его взросление, отъезд из дома, поступление в университет. Но сам он таких слов не знал, как, очевидно, и профессор Ловелл.

– Что ж, тогда ладно. – Профессор Ловелл отрывисто кивнул и развернулся в сторону Хай-стрит, словно подтверждая, что его присутствие больше не требуется. – Справишься с багажом?

– Да, сэр.

– Что ж, – опять повторил профессор Ловелл и зашагал по Хай-стрит.

Такие неудачные слова для прощания, предполагающие, что последуют другие. Робин посмотрел вслед профессору, в глубине души ожидая, что тот повернется, но профессор Ловелл сосредоточенно подзывал кеб. Очень странно. Но это Робина не беспокоило. Так всегда было заведено между ними – незаконченные разговоры, невысказанные слова.

Жилье Робина находилось в доме четыре на Мэгпай-лейн¹⁹, зеленом здании посередине узкого кривого переулка, соединяющего Хай-стрит и Мертон-стрит. Кто-то уже стоял у двери, возясь с замком. Наверняка тоже студент-первокурсник – вокруг него на мостовой валялись сундуки и сумки.

Подойдя поближе, Робин понял, что перед ним явно не уроженец Англии. Скорее всего, юноша был откуда-то из Юго-Восточной Азии. У высокого и статного незнакомца были гладкая смуглая кожа и длинные темные ресницы – таких Робин еще не видел. Незнакомец оглядел Робина и остановил вопросительный взгляд на его лице, видимо, так же, как и Робин, пытаясь определить его происхождение.

– Меня зовут Робин, – выпалил Робин. – Робин Свифт.

– Рамиз Рафи Мирза, – гордо произнес тот, протягивая руку. Говорил он с идеальным английским произношением, прямо как профессор Ловелл. – Или просто Рами, если хочешь. А ты... ты ведь тоже будешь учиться в Институте перевода, верно?

– Да, – подтвердил Робин и добавил: – Я из Кантона.

Лицо Рами расслабилось.

– А я из Калькутты.

– Ты новичок?

– В Оксфорде – да, в Англии – нет. Я приплыл в Ливерпуль четыре года назад и все это время проторчал в огромном и скучном поместье в Йоркшире. Мой опекун хотел, чтобы я привык к английскому обществу до поступления в университет.

– Мой тоже, – с энтузиазмом сказал Робин. – И как тебе тут?

– Ужасный климат. – Уголок губ Рами дернулся вверх. – А есть можно только рыбу.

Они оба сверкнули улыбками.

В груди у Робина возникло странное щемящее чувство. Он никогда еще не встречал человека, настолько похожего на него, и не сомневался, что, если покопаться, можно найти еще десяток общих черт. Ему хотелось задать тысячи вопросов, но он не знал, с чего начать. Не сирота ли Рами? Кто его содержит? Как выглядит Калькутта? Возвращался ли он туда? Кто привез его в Оксфорд? Внезапно от тревожного нетерпения язык у Робина окоченел: он не мог подобрать слова, да к тому же еще нужно было найти ключи, а вокруг валялся багаж, отчего переулок выглядел так, словно на него высыпалось содержимое трюма целого корабля, застигнутого ураганом...

– Может... – начал Робин.

А Рами одновременно с ним спросил:

– Может, все-таки откроем дверь?

Оба рассмеялись.

– Давай затащим вещи в дом, – улыбнулся Рами и пнул сундук мыском ботинка. – А потом я достану коробку отличных конфет и мы их отведаем, да?

Их комнаты располагались напротив друг друга – номер шесть и семь. В каждой были большая спальня и гостиная с низким столиком, пустыми книжными полками и кушеткой.

¹⁹ Когда-то Мэгпай-лейн называлась улицей Шлюх – здесь находились бордели. В путеводителе Робина об этом не упоминалось.

Стол и кушетка выглядели неуютными, и Робин с Рами сели, скрестив ноги, на полу в квартире Рами, щурясь друг на друга, как застенчивые дети, и не зная, куда девать руки.

Рами вытащил из своего сундука красочный пакет и положил на пол между ними.

– Прощальный подарок от сэра Хораса Уилсона, моего опекуна. Еще он дал мне бутылку портвейна, но я ее выбросил. Хочешь попробовать? – Рами вскрыл пакет. – Здесь ириски, карамель, арахис, шоколад и разные засахаренные фрукты.

– Бог ты мой... Пожалуй, возьму ириску, благодарю.

Робин уже и не помнил, когда в последний раз общался со сверстником²⁰. И теперь понял, как сильно хотел с кем-нибудь подружиться, хотя и не знал, как это сделать, и мысль о том, что он попытается, но ничего не получится, вселяла ужас. А вдруг Рами сочтет его скучным? Раздражающим? Назойливым?

Он откусил ириску, прожевал и сложил руки на коленях.

– Так что, расскажешь о Калькутте? – попросил он.

Рами заулыбался.

В дальнейшем Робин много раз будет вспоминать тот вечер. Его всегда поражала таинственная алхимия их знакомства – с какой легкостью два не умеющих общаться, воспитанных в строгости незнакомца за считанные минуты превратились в родственные души. Рами выглядел таким же взволнованным, как и Робин. Они все говорили и говорили. Ни одна тема не казалась запретной; и во всем они тут же соглашались друг с другом (сконы лучше без изюма, это точно) либо начинали увлекательную дискуссию (вообще-то Лондон – прекрасный город, а вы, деревенские, просто завидуете. Только не стоит купаться в Темзе).

В какой-то момент они начали декламировать поэзию – прелестные куплеты на урду, которые, по словам Рами, назывались «газель», и поэзию эпохи Тан, которую Робин, откровенно говоря, не любил, но звучала она впечатляюще. А ему так хотелось произвести на Рами впечатление. Его новый друг был таким остроумным, таким начитанным и веселым. У него на все была своя точка зрения, полная сарказма, – на британскую кухню, британские манеры и соперничество между Оксфордом и Кембриджем. «Оксфорд больше Кембриджа, но Кембридж красивее, и вообще, я думаю, его основали, чтобы обучать посредственностей». Он объездил полмира, побывав в Лакхнау, Мадрасе, Лиссабоне, Париже и Мадриде. Он описывал родную Индию как райское место:

– Манго, Птах, – он уже начал называть Робина Птахом, – потрясающе сочные, на этом жалком острове ничего подобного не купишь. Я уже много лет их не ел. Я все бы отдал, чтобы увидеть настоящее бенгальское манго.

– Я читал «Тысячу и одну ночь», – вставил Робин, опьянев от восторга и пытаясь не упасть в грязь лицом.

– Калькутта – это не арабский мир, Птах.

– Я знаю, – вспыхнул Робин. – Я просто хотел сказать...

Но Рами уже распалился.

– Только не говори, что знаешь арабский!

– Не знаю, я читал в переводе.

Рами вздохнул.

– В чем?

Робин попытался вспомнить.

– Джонатана Скотта?

²⁰ Мальчик по имени Генри Литтл приходил к ним в Хампстед со своим отцом, коллегой профессора Ловелла по Королевскому азиатскому обществу. Робин пытался вовлечь его в разговор о сконах, считая эту тему подходящей для начала, но Генри Литтл просто вытянул руки и дернул Робина за веки с такой силой, что тот от неожиданности пнул его по лодыжке. Робина наказали, отправив к себе в комнату, а Генри Литтла – в сад, с тех пор профессор Ловелл не приглашал коллег с детьми.

– Это кошмарный перевод, – взмахнул рукой Рами. – Выкинь его. Во-первых, это даже не прямой перевод – сначала книгу перевели на французский, а только потом на английский. А во-вторых, он и отдаленно не похож на оригинал. Более того, Антуан Галлан, переводчик на французский, постарался офранцузить диалоги и стереть все детали культуры, которые могли бы смутить читателя. Наложниц Харуна ад-Рашида он назвал *dames ses favourites*, то есть фаворитками. Как можно спутать наложниц с фаворитками? А еще он вымарал целые абзацы с эротикой и вставил разъяснения культурных особенностей, где посчитал нужным. Скажи, как можно читать эпическое повествование, когда унылый француз дышит тебе в спину во всех пикантных отрывках?

Говоря это, Рами энергично жестикулировал. Очевидно, он не рассердился, а лишь со всей страстью и красноречием отстаивал истину, которую должен знать весь мир. Робин откинулся назад и смотрел на возбужденное лицо Рами потрясенно и с восхищением.

Робину хотелось расплакаться. Он только сейчас понял, каким чудовищно одиноким был, а теперь больше не одинок, и он не знал, что делать с этим счастьем.

В конце концов они начали клевать носом, не закончив предложения, конфеты были наполовину съедены, а пол в комнате засыпан фантиками. Зевая, они пожелали друг другу спокойной ночи. Робин поплелся к себе, захлопнул дверь и оглядел пустые комнаты. Они станут его домом на ближайшие четыре года – в этой кровати под низким скошенным потолком он будет просыпаться каждое утро, умываться под подтекающим краном над раковиной и горбиться за письменным столом в углу каждый вечер, царапая бумагу при свечах, пока воск не закапает на пол.

Впервые после приезда в Оксфорд Робину пришло в голову, что он должен устроить здесь свою жизнь. Он представил, как это будет. Постепенно на пустых полках начнут появляться книги и безделушки, а новые накрахмаленные сорочки из сундука истреплются и порвутся, представил смену времен года и как ветер стучит в окно, которое не закрывается до конца. А напротив живет Рами.

Не так уж плохо.

Кровать была не застелена, но Робин слишком устал, чтобы возиться с простынями или искать одеяло, и он свернулся на боку, накрывшись сюртуком. А вскоре заснул с улыбкой на губах.

Занятия начинались только третьего октября, а значит, у Робина и Рами осталось целых три дня, чтобы исследовать город.

Три самых счастливых дня в жизни Робина. Ему не нужно было читать или заниматься, не нужно готовиться к сочинениям или докладам. Впервые в жизни он сам распоряжался своим временем и кошельком и сходил с ума от свободы.

Первый день они посвятили магазинам. Они зашли к «Ид и Рейвенскрофт» снять мерку для костюмов, в книжный Торнтон, чтобы купить книги по списку, на лотках Корнмаркет-стрит купили чайники, ложки, постельное белье и аргановы лампы. Приобретя все необходимое для жизни студента, они обнаружили, что осталась еще приличная сумма, которую вполне можно потратить, поскольку они получают ежемесячную стипендию.

И они начали транжирить деньги. Купили несколько кульков с засахаренными орехами и карамелью. Взяли напрокат университетский ялик и всю вторую половину дня пытались лавировать между берегами Черуэлла. Зашли в кофейню на Квинс-лейн, где потратили безумную сумму на разнообразную выпечку, которую ни разу не пробовали. Рами обожал овсяные лепешки.

– В них даже овес становится вкусным, – сказал он, – и я понимаю лошадей.

А Робин предпочитал липкие сладкие булочки, настолько пропитанные сахаром, что от них много часов болели зубы.

В Оксфорде они выделялись как белые вороны. Поначалу это нервировало Робина. В чуть более космополитичном Лондоне на иностранцев так не пялились. Но жителей Оксфорда они постоянно пугали. Рами привлекал больше внимания, чем Робин. Робин выглядел иностранцем только вблизи и при определенном освещении, но чужеродность Рами сразу же бросалась в глаза.

– О да, – сказал он с деланным акцентом, когда булочник спросил, не из Индостана ли он. – У меня там большая семья. Только между нами, но я королевских кровей, четвертый в линии наследования. Какого трона? Ну, местного. Наша политическая система очень запутанная. Но мне захотелось попробовать обычную жизнь, получить настоящее британское образование, видите ли, вот и я покинул свой дворец и приехал сюда.

– Почему ты так говорил? – спросил его Робин, когда они отошли подальше. – И что все это значит, ты и впрямь королевских кровей?

– Любой англичанин при встрече пытается встроить меня в какую-нибудь известную ему историю, – ответил Рами. – Либо я грязный вороватый ласкар, либо слуга какого-нибудь набоба. И я понял, что в Йоркшире проще жить, если они будут думать, будто я принц из империи Великих Моголов.

– А я всегда пытался раствориться среди местных, – признался Робин.

– Для меня это невозможно. Приходится играть роль. В Калькутте нам рассказывали историю про Сейка Дина Магомеда, первого мусульманина из Бенгалии, который разбогател в Англии. Он женился на белой ирландке. И владел в Лондоне собственностью. И знаешь, как у него получилось? Он открыл ресторан, но прогорел, и тогда решил наняться дворецким или камердинером, но ничего не вышло. А потом ему пришла в голову блестящая мысль открыть в Брайтоне парную, где принимают ванны с пеной. – Рами хихикнул. – «Целительный пар! Массаж индийскими маслами! Он излечивает астму и ревматизм, и даже паралич». Конечно, мы знали, что это не так. Но Дину Магомеду нужно было только объявить себя целителем, убедить всех в магических свойствах восточной медицины, и публика начала есть у него с рук. О чем это говорит, Птах? Если о тебе сочиняют рассказы, используй их в своих интересах. Англичане никогда не будут считать меня красавцем, но, если я впишусь в их фантазии, пусть хотя бы думают, будто я принц.

В этом была разница между ними. Приехав в Лондон, Робин пытался не высовываться и ассимилироваться в местное общество, замаскировать свою инаковость. Он думал, что чем незаметнее станет, тем меньше будет привлекать внимания. Но у Рами не было другого выхода, кроме как выделяться, и он решил сверкать. Выделиться по максимуму. Робин находил его потрясающим и даже немного побаивался.

– Мирза и правда означает «принц»? – спросил Робин, услышав, как Рами в третий раз объявил это очередному лавочнику.

– Конечно. Ну, вообще-то, это титул, происходящий от персидского «эмирзаде», но довольно близко к принцу.

– Значит, ты...

– Нет, – отрезал Рами. – Ну, может, когда-то. В общем, это семейное предание. Отец говорит, что мы были аристократами при дворе Моголов, что-то в этом роде. Но то было давно.

– И что случилось?

Рами окинул его долгим взглядом.

– Британцы, Птах. Не тупи.

Тем вечером они потратили огромную сумму на корзину с хлебом, сыром и сладким виноградом, которую взяли в Южный парк на востоке территории колледжа, и устроили пикник. Они нашли тихое местечко у небольшой рощицы, достаточно уединенное, чтобы Рами мог помолиться на закате, и сели на траву, скрестив ноги, отрывали хлеб прямо руками и рас-

спрашивали друг друга о жизни с трепетом мальчишек, которые много лет считали, что никогда не найдут подобного себе.

Рами очень быстро догадался, что профессор Ловелл – отец Робина.

– Как пить дать. Иначе зачем он так уклончив? И откуда еще он мог знать твою маму? Он знает, что ты в курсе, или до сих пор пытается это скрывать?

Робина тревожила его прямота. Он привык обходить стороной эту тему, и ему странно было слышать такие откровения.

– Не знаю. В смысле, все эти подробности.

– Хм. Он похож на тебя?

– Немного, мне кажется. Он преподает здесь восточные языки, ты наверняка с ним еще встретишься.

– Ты никогда его об этом не спрашивал?

– Даже не пытался, – сказал Робин. – Я... Я не знаю, что он ответит. – Нет, это неправда. – То есть вряд ли он вообще ответит.

Они были знакомы всего один день, но Рами уже научился читать выражение лица Робина и благоразумно не стал напирать.

Рами гораздо откровеннее рассказывал о своем прошлом. Первые тринадцать лет жизни он провел в Калькутте, у него было три младшие сестры, а семья прислуживала богатому набобу по имени сэр Хорас Уилсон. Следующие четыре года он жил в Йоркшире, в сельском поместье, пытаясь произвести впечатление на Уилсона чтением на древнегреческом и латыни и стараясь не выцарапать ему глаза от скуки.

– Тебе повезло получить образование в Лондоне, – сказал Рами. – Ты хотя бы мог куда-нибудь сходить на выходные. А я торчал все детство среди холмов и болот, и вокруг никого моложе сорока. Ты когда-нибудь видел короля?

Еще один талант Рами – так резко перескакивать на другую тему, что Робин с трудом за ним поспевал.

– Вильгельма? Нет, он редко появлялся на публике. В особенности в последнее время, когда приняли Фабричный акт и Законы о бедных, после которых реформаторы устроили уличные беспорядки и выходить стало небезопасно.

– Реформаторы... – с тоской повторил Рами. – Повезло тебе. А в Йоркшире самые значительные события – пара свадеб. Иногда курица сбежит из курятника.

– Но я все равно не принимал никакого участия в событиях, – сказал Робин. – Честно говоря, мои дни были довольно монотонными. Бесконечная зубрежка для подготовки к поступлению сюда.

– Но теперь ты здесь.

– Выпьем за это.

Робин со вздохом откинулся назад. Рами протянул ему чашку со смесью сиропа из цветков бузины с водой и медом, которую сделал лично. Они чокнулись и выпили.

С высоты Южного парка они видели весь университет, укутанный золотистым покрывалом заката. В этом свете глаза Рами сверкали, а кожа сияла, как полированная бронза. У Робина появилось дурацкое желание дотронуться, он даже поднял руку, но тут разум вернул ее на место.

Рами посмотрел на него. Черный локон упал ему на глаза. Робину это показалось очаровательным.

– Все нормально?

Робин откинулся на локтях и обратил взгляд на город. Наверное, профессор Ловелл прав. Это самое прекрасное место на земле.

– Все прекрасно, – ответил он. – Просто идеально.

На выходных заселились и другие жильцы дома номер четыре по Мэгпай-лейн. Но они не обучались в Институте перевода. Колин Торнхилл, пылкий будущий юрист, который всегда говорил только о себе, причем длинными абзацами; Билл Джеймсон, приветливый рыжий парень, который учился на хирурга и, похоже, постоянно волновался о ценах на все; а в конце коридора поселились близнецы Эдгар и Эдвард Шарпы, второкурсники, получавшие классическое образование, хотя, как они объявляли на каждом углу, больше хотели «обзавестись нужными знакомствами, пока не вступят в наследство».

Однажды субботним вечером все собрались в прилегающей к кухне общей комнате, чтобы выпить. Когда вошли Робин и Рами, Билл, Колин и Шарпы уже сидели за низким столом. Хотя их пригласили к девяти, пирушка явно шла какое-то время: пол был засыпан пустыми бутылками, а братья Шарпы привалились друг к другу, совершенно пьяные.

Колин разглагольствовал о различиях в студенческих мантиях.

– По одежде можно узнать о человеке все, – с важным видом заявил он. У него был своеобразный, подозрительно подчеркнутый акцент, происхождение которого Робин не мог определить, но звучал он неприятно. – Мантия бакалавра чуть собрана у локтя. Мантия студентов-джентльменов – шелковая, и рукава на завязках. Мантия простых студентов – без рукавов, с завязками у плеча, а служащих можно отличить от студентов, потому что у их мантий нет завязок и на шляпах нет кисточек...

– Боже мой, – сказал Рами и сел. – И он говорит об этом все это время?

– По меньшей мере десять минут, – ответил Билл.

– Но мантия надлежащего покроя имеет наиважнейшее значение, – настаивал Колин. – Именно так мы показываем свой статус, принадлежность к Оксфорду. Носить с мантией обычную твидовую кепку или пользоваться тростью – один из семи смертных грехов. А однажды я слышал о человеке, который, не зная всех правил, сказал портному, что он стипендиат и ему нужна мантия стипендиата, и на следующий день его высмеяли и выгнали из аудитории, когда выяснилось, что он не стипендиат, а обычный студент за плату...

– И какая же у него была мантия? – оборвал его Рами. – Просто хочу знать, правильные ли мантии мы заказали у портного.

– Смотря кто вы, – ответил Колин. – Вы джентльмены или работаете в Оксфорде, чтобы получать стипендию? Я плачу за обучение, но платят не все. Какие у вас финансовые отношения с Оксфордом?

– Понятия не имею, – сказал Рами. – Как думаешь, черные мантии подойдут? Я знаю только одно – мы заказали черные.

Робин фыркнул. Колин выпучил глаза.

– Да, но рукава...

– Да отстаньте от него, – улыбнулся Билл. – Колин слишком озабочен статусом.

– Здесь очень серьезно относятся к мантиям, – торжественно объявил Колин. – Я прочел это в путеводителе. В неподобающем наряде тебя даже не пустят на лекцию. Так вы студенты-джентльмены или работаете в Оксфорде за стипендию?

– Ни то и ни другое. – Эдвард повернулся к Робину. – Вы же балаболы, верно? Я слышал, что все балаболы получают стипендию.

– Балаболы? – повторил Робин. Он впервые услышал это слово.

– Из Института перевода, – нетерпеливо добавил Эдвард. – Вы же оттуда, верно? Иначе таких, как вы, сюда бы не приняли.

– Таких, как мы? – выгнул бровь Рами.

– А кто ты, кстати? – вдруг спросил Эдгар Шарп. Казалось, что он вот-вот заснет, но он сделал над собой усилие и сел прямо, словно пытаясь рассмотреть Рами сквозь туман. – Негр? Турок?

– Я из Калькутты, – огрызнулся Рами. – А значит, индеец, если тебе угодно.

– Хм, – протянул Эдвард.

– «О улицы Лондона, где мусульманин в тюрбане встречает бородатого еврея, курчавого негра и смуглого индуса», – нараспев продекламировал Эдгар.

Его близнец фыркнул и хлебнул портвейна.

Рами в кои-то веки не нашелся с ответом и потрясенно вытаращился на Эдгара.

– Точно, – сказал Билл, потерев ухом. – М-да.

– Это Анна Барбо? – спросил Колин. – Прекрасная поэтесса. Конечно, она не так ловко жонглирует словами, как поэты-мужчины, но моему отцу нравятся ее стихи. Очень романтические.

– А ты китаец, верно? – Эдгар перевел затуманенный взгляд на Робина. – Это правда, что китайцы ломают женщинам ступни бинтами, чтобы они не могли ходить?

– Что?! – фыркнул Колин. – Что за глупость.

– Я читал об этом, – настаивал Эдгар. – Скажи, это считается эротичным? Или просто чтобы они не могли сбежать?

– Ну, я... – Робин понятия не имел, с него начать. – Это делают не повсеместно, у моей мамы не были перевязаны ступни, и в том месте, откуда я родом, многие против...

– Значит, это правда, – проревел Эдгар. – Боже мой! Да вы просто извращенцы.

– А вы правда пьете мочу младенцев в качестве лекарства? – продолжал допытываться Эдвард. – И как ее собирают?

– Может, заткнешься уже и продолжишь капать вином себе на грудь? – резко вставил Рами.

После этого все надежды завести дружбу быстро растаяли. Прозвучало предложение сыграть партию в вист, но братья Шарп не знали правил и были слишком пьяны, чтобы учиться. Билл сослался на головную боль и вскоре ушел. Колин разразился очередной длинной тирадой о запутанном университетском этикете, включая латинское изречение, которое предложил всем выучить наизусть, но никто его не слушал. Братья Шарп в странном порыве раскаяния задали Робину и Рами несколько вежливых, хотя и дурацких вопросов о переводе, но было ясно, что ответы их не интересуют. Если Шарпы искали в Оксфорде ценные знакомства, то явно не нашли их здесь. Через полчаса все разошлись по своим комнатам.

В тот вечер они вроде бы договорились о совместном завтраке дома. Но когда Рами и Робин на следующее утро появились на кухне, то нашли на столе записку:

«Ушли в Иффли, там есть кафе, которое знают Шарпы. Вряд ли вам там понравится. До встречи. К.Т.»

– Полагаю, – сухо произнес Рами, – теперь будем «мы» и «они».

Робина это ничуть не задело.

– Меня вполне устроит и «мы».

Рами улыбнулся.

На третий день они прошлись по жемчужинам университета. В 1836 году Оксфорд переживал эпоху становления, как ненасытное существо питался богатством, породившим его. Колледжи постоянно ремонтировались, выкупали у города новые земли, заменяли средневековые здания более современными и красивыми, строили новые библиотеки для размещения недавно приобретенных собраний. Почти каждое здание в Оксфорде имело название – не по функции или место-положению, а по имени богатого и влиятельного человека, который вдохновил на его создание.

Здесь находился массивный, внушительный музей Эшмола, в котором имелась витрина с диковинами, подаренными Оксфорду Элиасом Эшмоллом, включая голову дронты, черепа бегемотов и трехдюймовый бараний рог, предположительно выросший на голове одной старушки из Чешира по имени Мэри Дэвис; библиотека Рэдклиффа с большим куполом, которая изнутри

почему-то казалась еще больше и грандиознее, чем снаружи; Шелдонский театр, окруженный массивными каменными бюстами, известными как «Головы императоров», все они выглядели так, будто вдруг повстречали горгону Медузу.

А еще здесь была Бодлианская библиотека, подлинное национальное сокровище, хранящая самую большую коллекцию рукописей в Англии («В Кембридже всего сто тысяч наименований, – фыркнул клерк, – а в Эдинбурге всего шестьдесят три тысячи»), и собрание продолжало пополняться под гордым руководством преподобного доктора Балкли Бэндинела. Ежегодный бюджет на закупку книг составлял почти две тысячи фунтов.

Во время первого тура по библиотеке Рами и Робина вышел поприветствовать сам преподобный Бэндинел и проводил в читальный зал для переводчиков.

– Я не могу доверять это библиотекарю, – вздохнул он. – Обычно мы даем дурачкам возможность побродить здесь самостоятельно, а когда заблудятся, они могут спросить, куда идти. Но вы переводчики и способны по-настоящему оценить то, что здесь происходит.

Это был грузный мужчина с запавшими глазами, осунувшимся лицом и постоянно опущенными уголками губ. Но когда он шел по библиотеке, его глаза светились неподдельной радостью.

– Начнем с главного крыла, затем перейдем в зал герцога Хамфри. По пути не стесняйтесь взглянуть – книги нужно трогать, иначе они бесполезны, так что не волнуйтесь. Мы гордимся последними крупными приобретениями. Это собрание карт Ричарда Гофа, подаренное нам в 1809 году, – Британский музей не хотел их брать, можете себе представить? А дар Мэлоуна десять лет тому назад значительно расширил коллекцию шекспировских материалов. Да, и всего два года назад мы получили собрание Фрэнсиса Дуса – это тысяча триста томов на французском и английском языках, хотя, полагаю, ни один из вас не специализируется на французском... Может, арабский? О да, это здесь; основная масса арабских книг Оксфорда находится в Институте, но у меня есть несколько томиков поэзии из Египта и Сирии, которые могут вас заинтересовать...

Из Бодлианской библиотеки они вышли оглушенными и немного напуганными громадным объемом книг, оказавшихся в их распоряжении. Рами сымитировал обвисшие щеки преподобного доктора Бэндинела, но беззлобно; трудно было презирать человека, который так явно обожает копить знания ради самих знаний.

В конце дня главный привратник Биллингс провел для них экскурсию по Университетскому колледжу. Оказалось, что до сих пор они видели лишь небольшой уголок своего нового дома. В колледже, расположенном к востоку от жилых домов на Мэгпай-лейн, имелось два четырехугольных зеленых двора, а его каменные здания напоминали крепостные стены. По пути Биллингс зачитывал список именитых студентов и их биографии, включая дарителей, архитекторов и другие значимые фигуры.

– ...Вон те статуи над входом – это королева Анна и королева Мария, а внутри – Яков II и доктор Рэдклифф... А эти великолепные расписные окна в часовне в 1640 году создал Абрахам ван Линге, да, они очень хорошо сохранились, а Генри Джайлс из Йорка сделал витражи восточного окна... Сейчас не идет служба, так что можем заглянуть внутрь, следуйте за мной.

Внутри часовни Биллингс остановился у памятника с барельефом.

– Полагаю, вы знаете, кто это, раз уж вы студенты-переводчики.

Они знали. Робин и Рами постоянно слышали об этом человеке после приезда в Оксфорд. Барельеф был памятником выпускнику Университетского колледжа и широко признанному гению, который в 1786 году опубликовал основополагающий текст, определяющий протоиндоевропейский язык как язык-предшественник, связывающий латынь, санскрит и греческий. Сейчас этот человек был, пожалуй, самым известным переводчиком на континенте, если не считать его племянника Стерлинга Джонса, недавно окончившего университет.

– Это сэр Уильям Джонс.

Сцена, изображенная на фризе, показалась Робину несколько обескураживающей. Джонс сидел за письменным столом, закинув ногу на ногу, а перед ним покорно, как дети на уроке, сидели три человека, явно индийцы.

– Именно так, – с гордостью произнес Биллингс. – Здесь он переводит свод индусских законов, а перед ним на полу сидят несколько браминов, которые ему помогают. Думаю, только на стенах нашего колледжа изображены индусы. Университетский колледж всегда имел особую связь с колониями²¹. А вот эти головы тигров, как вы знаете, эмблема Бенгалии.

– А почему только он сидит за столом? – спросил Рами. – Почему брамины на полу?

– Ну, наверное, индусам так больше нравится, – ответил Биллингс. – Они любят сидеть, скрестив ноги, так им удобнее.

– Ну надо же, – сказал Рами. – А я и не знал.

Весь субботний вечер они рылись в глубинах бодлианских книжных шкафов. При поступлении им дали список для чтения, но оба, опьяненные внезапной свободой, забросили его до последнего момента. В выходные библиотека закрывалась в восемь вечера. Рами и Робин пришли без четверти восемь, но одного упоминания Института перевода, похоже, оказалось достаточно, потому что, когда Рами объяснил, что им нужно, библиотекарь разрешил им оставаться сколько пожелают. Дверь отпрут для ночного персонала, и они уйдут, когда будет удобно.

К тому времени, когда они отошли из стеллажей, нагрузив сумки тяжелыми книгами, перед глазами у них все плыло от мелкого шрифта, а солнце уже давно село. Луна вместе с уличными фонарями освещала город слабым, потусторонним свечением. Булыжники под ногами казались дорогами, ведущими в другие столетия. Быть может, Оксфорд эпохи Реформации или Оксфорд Средневековья. Они шли в пространстве вне времени, вместе с призраками ученых прошлого.

Дорога обратно в колледж занимала меньше пяти минут, но они сделали крюк по Брод-стрит и окрестностям, чтобы продлить прогулку. Они впервые гуляли так поздно; им хотелось насладиться ночным городом. Шли молча, не решаясь нарушить чары.

Когда они проходили мимо Нового колледжа, от каменных стен эхом отразился взрыв смеха. А свернув на Холивелл-лейн, они увидели группу из шести или семи студентов в черных мантиях. Судя по походке, они возвращались не с лекции, а из паба.

– Как думаешь, Баллиол-колледж? – пробормотал Рами.

Робин фыркнул.

Они поступили в универ всего три дня назад, но уже усвоили местные традиции и стереотипы относительно разных колледжей. Эксетер годился для джентльменов, но не для интеллектуалов; Брасенос славился пьянками и вечеринками. Соседние колледж Королевы и Мертон просто не принимались во внимание. Мальчики из Баллиола, которые платили за обучение в университете больше всех, наряду с Ориелом, были больше известны как транжиры, а не как усердные студенты.

Когда Робин и Рами подошли ближе, студенты посмотрели в их сторону. Робин и Рами кивнули им, и некоторые кивнули в ответ, как принято среди университетских джентльменов.

Улица была широкая, а шли они с противоположной стороны. И спокойно прошли бы мимо, вот только один студент вдруг ткнул пальцем в сторону Рами и выкрикнул:

– Что это? Вы это видели?

Его друзья со смехом оттащили его.

– Да брось, Марк, – сказал один. – Пусть себе идут.

²¹ И это правда. Среди выпускников Университетского колледжа были главный судья Бенгалии (сэр Роберт Чамберс), главный судья Бомбея (сэр Эдвард Уэст) и главный судья Калькутты (сэр Уильям Джонс).

– Нет, погоди, – ответил Марк и вырвался из рук товарищей. Он замер, прищурившись на Рами в пьяной сосредоточенности. Его рука зависла в воздухе, все еще указывая на Рами. – Да вы только посмотрите на него! Видите?

– Пожалуйста, Марк, – сказал тот, что стоял дальше всех. – Не глупи.

Больше никто из них не смеялся.

– Он же индус, – не унимался Марк. – Что здесь делает индус?

– Иногда они приезжают в Оксфорд, – сказал кто-то из его товарищей. – Вспомни тех двух иностранцев на прошлой неделе, персидских султанов, или кто они там были...

– Кажется, припоминаю – те, в тюрбанах...

– Но он в мантии. Эй! – прокричал Марк, обращаясь к Рами. – Как ты достал эту одежду? Его тон стал угрожающим. Атмосфера накалилась, студенческое братство, если и было, испарилось.

– Ты не имеешь права носить мантию, – настаивал Марк. – Сними ее.

Рами шагнул вперед.

Робин схватил его за руку.

– Не надо.

– Эй, я с тобой говорю! – Марк уже пересекал улицу и шел к ним. – В чем дело? Не говоришь по-английски? Сними мантию, ясно тебе? Сними!

Рами явно хотелось подраться – он сжал кулаки и чуть присел, готовясь к броску. Если Марк подойдет ближе, стычка кончится кровью.

И Робин побежал.

Он ненавидел себя за это, чувствовал себя трусом, но не представлял, что еще можно сделать для предотвращения катастрофы. Потому что он знал – ошарашенный, Рами последует за ним. И в самом деле, через несколько секунд он услышал за спиной шаги Рами, его тяжелое дыхание и ругательства, которые он бормотал себе под нос, пока они неслись по Холивелл.

А вслед раздавался смех, опять смех, только теперь уже не порожденный весельем. Студенты Баллиола улюлюкали, как обезьяны; их гогот отражался от кирпичных стен с удлиняющимися тенями. На мгновение Робин испугался, что за ними гонятся, что обидчики следуют по пятам – отовсюду доносились шаги. Но это лишь стучала кровь в ушах. Те студенты их не преследовали: они были слишком пьяны, слишком взбудоражены и, конечно, уже занялись поисками следующего развлечения.

Но Робин все равно не остановился, пока они не добежали до Хай-стрит. Вокруг не было ни души. Только они одни тяжело дышали в темноте.

– Проклятье, – пробормотал Рами. – Проклятье.

– Прости, – сказал Робин.

– Не извиняйся, – отозвался Рами, хотя и не посмотрел Робину в лицо. – Ты поступил правильно.

Робин сомневался, что хоть один из них в это верит.

Теперь они оказались гораздо дальше от дома, но хотя бы вновь вернулись под свет фонарей и могли увидеть приближающуюся беду.

Некоторое время они шли молча. Робин не мог придумать ничего подходящего, все приходившие на ум слова тут же вязли на языке.

– Проклятье, – повторил Рами. Он резко остановился, положив руку на сумку. – Кажется... Погоди. – Он покопался в книгах и снова выругался. – Я потерял свой блокнот.

Внутри у Робина все сжалось.

– На Холивелл?

– В библиотеке. – Рами прижал кончики пальцев к переносице и простонал. – И знаю, где он – в углу стола, я собирался положить его сверху, потому что боялся помять, но так устал, что, видимо, забыл.

– А это не может подождать до завтра? Вряд ли библиотекарь станет его трогать, а если и уберет, мы можем просто спросить...

– Нет, там мои заметки, и я боюсь, что завтра нас попросят их прочесть. Я должен вернуться...

– Я сам его принесу, – поспешил сказать Робин.

Ему казалось правильным, необходимым загладить свою вину.

Рами нахмурился.

– Ты уверен?

В его голосе не было раздражения. Они оба знали то, что Робин не решался высказать вслух: в темноте Робин может сойти за белого, и если он наткнется на тех студентов из Бал-лиола, они не обратят на него внимания.

– Это займет не больше двадцати минут, – поклялся Робин. – А когда вернусь, положу его у твоей двери.

Теперь, когда он остался в одиночестве, Оксфорд приобрел зловещий вид; свет фонарей был уже не теплым, а жутковатым, растягивая и искажая его тень на мостовой. Библиотека была заперта, но ночной смотритель заметил, как Робин машет рукой у окна, и впустил его. К счастью, это был один из прежних служителей, и он без вопросов пропустил Робина в западное крыло. В читальном зале царили крошечная тьма и холод. Все лампы были выключены; Робин видел зал только в лунном свете, струящемся с дальнего конца. Дрожа, он схватил блокнот Рами, сунул его в сумку и поспешил на улицу.

Он успел преодолеть лишь четверть пути, как вдруг услышал шепот.

Ему следовало ускорить шаг, но не то интонации, не то формы слов заставили его остановиться. Лишь когда Робин замер и напряг слух, он понял, что говорят по-китайски. Одно китайское слово, которое произносят снова и снова, все быстрее и быстрее.

– Усин.

Робин осторожно выглянул за угол.

Посреди Холивелл-стрит стояли трое, все молодые и худощавые, одетые в черное два молодых человека и девушка. Они тащили сундук. Видимо, дно раскололось, потому что на мостовую вывалились серебряные пластины.

Все трое посмотрели на приближающегося Робина. Тот, кто яростно шептал по-китайски, стоял к Робину спиной и обернулся последним, когда его товарищи ошеломленно застыли. Он посмотрел Робину в лицо. У Робина бешено заколотилось сердце.

Он как будто смотрел в зеркало.

В свои карие глаза. На свой прямой нос и каштановые волосы, в точности так же падающие на глаза и кое-как зачесанные слева направо.

У молодого человека в руках была серебряная пластина.

Робин тут же понял, что тот хотел сделать. «Усин» на китайском означает «бесформенный, бестелесный, скрытый»²². Ближайший эквивалент на английском – «невидимый». Эти люди, кем бы они ни были, пытались скрыться. Но что-то пошло не так, потому что серебряные пластины не помогали, и при свете фонарей все трое казались полупрозрачными, но уж точно не исчезли.

Двойник Робина бросил на него жалобный взгляд.

– Помоги, – взмолился он. И добавил по-китайски: – Банман²³.

²² # означает отрицание («не», «без»), # – внешний вид, форму. ## означает не просто «невидимый», но и «неосязаемый». Например, поэт Чжан Шуньминь периода империи Сун однажды написал, что #####, #####, то есть поэзия – это бестелесная (усин) живопись, а живопись – это овеществленная поэзия.

²³ ## (bāngmáng) – помогать.

Робин так и не понял, что побудило его действовать – недавний страх перед студентами Баллиола, полная нелепость происходящего или сбивающее с толку лицо его двойника, – но он шагнул вперед и положил ладонь на серебряную пластину. Двойник Робина отдал ее без единого слова.

– Усин, – произнес Робин, вспомнив легенды, которые рассказывала ему мать – о духах и призраках, скрывающихся во тьме. Бесформенных, бестелесных. – Невидимый.

Пластина в его ладони завибрировала. Откуда-то донесся тяжелый вздох.

И все четверо исчезли.

Нет, исчезли – не совсем то слово. Робин не мог подобрать нужное, запутался в переводе, не мог описать это состояние ни на английском, ни на китайском. Они существовали, но не как человеческие существа. Они стали не просто невидимыми сущностями. А вообще перестали быть сущностями. Они были бесформенными. Плыли по воздуху, расширяясь во все стороны, стали самым воздухом, кирпичной стеной, булыжниками мостовой. Робин не чувствовал своего тела, где оно заканчивается и где начинается, он был серебром, камнями, ночью.

В сознании пронесся леденящий страх. «А вдруг я не смогу вернуться?»

Через несколько секунд в конце улицы появился констебль. Робин затаил дыхание, сжав пластину с такой силой, что по руке стрельнула боль.

Прищурившись, констебль уставился прямо на него, но не увидел ничего, кроме темноты.

– Их здесь нет, – выкрикнул он через плечо. – Попробуем поискать в парке...

И побежал дальше.

Робин выронил пластину. Он больше не мог ее держать, просто не чувствовал ее. Свою руку он тоже не чувствовал, просто пытался оттолкнуть от себя серебро.

И у него получилось. Воры снова материализовались в ночи.

– Быстрее, – поторопил второй юноша, блондин. – Засуньте их за пазуху и бросьте сундук.

– Нельзя просто бросить его, – возразила девушка. – Они его найдут.

– Тогда уберите обломки и пошли.

Все трое начали собирать серебряные пластины с мостовой. Робин на мгновение заколебался, не зная, куда девать руки. Но потом наклонился и начал помогать.

Он до сих пор не осознал нелепости ситуации. Но смутно понимал, что происходит что-то противозаконное. Эти люди не могут быть связаны с Оксфордом, Бодлианской библиотекой или Институтом перевода, иначе не шатались бы ночью по улицам, одевшись в черное и скрываясь от полиции.

Самым правильным и очевидным в этой ситуации было бы поднять тревогу.

Но по непонятным причинам ему казалось, что нужно им помочь. Он не пытался понять, а просто действовал. Он словно провалился в сон, играл в пьесе, зная все свои реплики, хотя все остальное было загадкой. Это была иллюзия с собственной внутренней логикой, и по какой-то неизвестной причине Робин не хотел от нее избавляться.

Наконец все серебряные пластины оказались за пазухами и в карманах. Робин отдал ту, которую забрал, своему двойнику. Их пальцы соприкоснулись, и Робин ощутил холодок.

– Пошли, – сказал блондин.

Но никто не пошевелился. Все смотрели на Робина, явно не понимая, как поступить с ним.

– А если он... – начала девушка.

– Нет, – твердо заявил двойник Робина. – Ты же не станешь?

– Конечно нет, – прошептал Робин.

Блондина это не убедило.

– Было бы проще...

– Нет. Не в этот раз. – Двойник оглядел Робина с головы до пят и, очевидно, принял решение.

– Ты ведь переводчик, да?

– Да, – выдохнул Робин. – Я только что поступил.

– «Крученный корень», – сказал двойник. – Найди меня там.

Девушка и блондин переглянулись. Девушка уже открыла рот, явно собираясь возразить, но тут же закрыла его.

– Ну ладно, – сказал блондин. – А теперь пошли.

– Подождите, – в отчаянии взмолился Робин. – Кто... когда...

Но воры уже бросились бежать.

И на удивление резво. Всего через несколько секунд улица опустела. Они не оставили никаких следов, подобрали все пластины до последней и даже унесли сломанный сундук. С таким же успехом они могли быть призраками. Если бы Робин нафантазировал эту встречу, он не заметил бы разницы.

Когда Робин вернулся, Рами еще не спал. Он открыл дверь на первый же стук.

– Спасибо, – сказал он, забирая блокнот.

– Не за что.

Они молча стояли, глядя друг на друга.

Оба очень хорошо понимали, что произошло, и были потрясены внезапным озарением: им здесь не место, несмотря на поступление в Институт перевода, несмотря на мантии и притязания, на улицах находится небезопасно. Они находились в Оксфорде, но не принадлежали ему. Однако груз этого понимания был таким тяжким, таким разрушительным, такой противоположностью тем трем золотым дням, которыми они слепо наслаждались, что ни один из них не мог произнести этого вслух.

Они никогда и не произнесут. Слишком больно даже думать об этом. Куда проще притвориться, жить в иллюзии, пока это возможно.

– Ну что ж, – неловко протянул Робин. – Спокойной ночи.

Рами кивнул и, не говоря ни слова, закрыл дверь.

Глава 4

И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город. Посему дано ему имя: Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли и оттуда рассеял их Господь по всей земле.

Бытие, 11:8–9

Заснуть Робин не мог. В темноте перед глазами стояло лицо его двойника. Может, от усталости и волнения Робин все вообразил? Но уличные фонари сияли так ярко, а черты лица двойника, его страх и паника так крепко врезались в память. Робин знал, что это не выдумка. Он не смотрел в зеркало, где его лицо отражалось в перевернутом виде, как фальшивый образ реальности, нет, он нутром чуял их одинаковость. Лицо того человека в точности повторяло его лицо.

Может, именно поэтому Робин ему и помог? Инстинктивное сочувствие?

Только сейчас он начал взвешивать последствия своих действий. Он что-то украл из университета. Может, это было испытание? Оксфорд славился странными ритуалами. Робин справился или провалил испытание? Или утром в дверь постучат констебли и попросят его уехать?

«Но меня не могут отослать, – думал он. – Ведь я только что приехал». Внезапно все удовольствия Оксфорда – теплая постель, запах новых книг и новая одежда – стали такими незначительными, он сжался от напряжения, потому что теперь думал лишь о том, как скоро всего этого лишится. Он ворочался на пропитанных потом простынях, воображая все новые подробности предстоящего утра – как констебли вытащат его из постели, свяжут ему руки и потащат в тюрьму, а профессор Ловелл сурово попросит Робина никогда больше не приближаться к нему и миссис Пайпер.

В конце концов от истощения его сморил сон. Робин проснулся от настойчивого стука в дверь.

– Чем ты там занят? – спросил Рами. – Ты что, еще даже не умылся?

Робин непонимающе заморгал.

– Что происходит?

– Утро понедельника, придурок. – Рами уже был в черной мантии, а в руке держал шляпу. – Мы должны быть в башне через двадцать минут.

Они успели вовремя, хотя и с трудом, почти бегом пересекли зеленую лужайку перед институтом, и когда в девять утра прозвенел колокол, их мантии еще развевались на ветру.

На лужайке их ожидали два тощих юнца – видимо, вторая половина их курса. Один был белый, другой – чернокожий.

– День добрый, – прощелбетал белый, когда они приблизились. – Вы опоздали.

Робин смотрел разинув рот и пытался восстановить дыхание.

– Вы девушки!

Он был потрясен. Робин и Рами выросли в полной изоляции, вдалеке от девушек своего возраста. Женский пол существовал только в теории, в романах и мимолетных взглядах на улице. Лучшее описание женщин Робин прочитал в трактате миссис Сары Эллис²⁴, где девушки назывались «нежными, мягкими, деликатными и приветливыми». Для Робина девушки были загадочными существами, обладающими если не богатой внутренней жизнью, то некими качествами, превращающими их в потусторонних, непостижимых людей не от мира сего.

²⁴ Известная писательница Сара Стигн Эллис опубликовала несколько книг, включая «Английские жены», «Английские матери» и «Английские дочери», в которых утверждала, что женщины обязаны улучшать общественное устройство добродетельным поведением и поддерживая семейные устои. У Робина не было собственной точки зрения по этому вопросу, он наткнулся на эту книгу случайно.

– Простите... Я хотел сказать, здравствуйте, – выдавил он. – Я не хотел... В общем, ладно. Рами не так стеснялся.

– Почему вы девушки?

Белая девушка окинула его испепеляющим презрительным взглядом, хотя вместо Рами съехался Робин.

– Ну, – протянула она, – полагаю, мы решили быть девушками, потому что мальчикам достаточно половины мозга.

– Университет попросил нас так одеться, чтобы не смущать и не расстраивать юных джентльменов, – объяснила чернокожая девушка. Она говорила на английском со слабым акцентом, похожим на французский, хотя Робин не был уверен. Она приподняла ногу в таких идеально отутюженных брюках, как будто их купили только вчера. – Не все факультеты такие либеральные, как Институт перевода.

– А это неудобно? – спросил Робин, храбро пытаясь доказать отсутствие предрассудков. – В смысле, носить брюки?

– Очень даже удобно, учитывая, что у нас по две ноги и нет хвостов. – Она протянула ему руку. – Виктуар Деграв.

Робин пожал руку.

– Робин Свифт.

Она выгнула брови.

– Свифт? Но ты ведь не...

– Летиция Прайс, – прервала ее белая девушка. – Летти, если угодно. А как тебя зовут?

– Рамиз. – Рами неуверенно протянул руку, словно не знал, стоит ли дотрагиваться до девушек. Летти решила за него и пожала ему руку. Рами смущенно вздрогнул. – Рамиз Мирза. Для друзей Рами.

– Привет, Рамиз. – Летти посмотрела по сторонам. – Значит, похоже, все здесь.

Виктуар вздохнула:

– *Ce sont des idiots*, – сказала она Летти.

– *Je suis tout à fait d'accord*²⁵, – пробормотала Летти в ответ.

И обе захихикали. Робин не знал французского, но понял, что о них сказали гадость, и нашел это отвратительным.

– Вот вы где.

От дальнейшего обмена любезностями их спас высокий и худощавый чернокожий джентльмен, который пожал им руки и представился как Энтони Риббен, аспирант, специализирующийся на французском, испанском и немецком.

– Мой опекун считал себя поэтом-романтиком, – объяснил он. – Он надеялся, что я унаследую его страсть к поэзии, но когда стало очевидным, что у меня еще и талант к языкам, отправил меня сюда.

Он многозначительно умолк, ожидая, что они расскажут о своих языках.

– Урду, арабский и персидский, – сказал Рами.

– Французский и креольский, – сказала Виктуар. – В смысле, гаитянский креольский, если это считается.

– Считается, – бодро отозвался Энтони.

– Французский и немецкий, – сообщила Летти.

– Китайский, – сказал Робин, почему-то чувствуя себя не в своей тарелке. – А еще латынь и греческий.

– Ну, мы все знаем латынь и греческий, – заметила Летти. – Это ведь обязательное требование для поступления.

²⁵ Они идиоты. Совершенно согласна (*фр.*).

Щеки Робина запылали: он этого не знал.

Энтони это явно понравилось.

– Отличная космополитичная группа, верно? Добро пожаловать в Оксфорд! И как вам здесь?

– Замечательно, – ответила Виктуар. – Хотя... Даже не знаю, здесь странно. Как будто не по-настоящему. Такое чувство, словно я в театре и все не дожусь, когда опустится занавес.

– Это ощущение не пройдет. – Энтони пошел к башне, поманив их за собой. – В особенности когда вы войдете в эти двери. Меня попросили до одиннадцати часов показать вам институт, а потом я оставлю вас с профессором Плейфером. Вы впервые здесь?

Они посмотрели на башню. Внушительное восьмиэтажное здание из сверкающего белого камня, построенное в неоклассическом стиле, украшали декоративные колонны и высокие витражные окна. Оно доминировало на Хай-стрит, по сравнению с ним находящиеся по соседству библиотека Рэдклиффа и университетская церковь Святой Девы Марии выглядели довольно жалко. За выходные Рами и Робин проходили мимо него бесчисленное количество раз, восхищаясь им, но всегда издали. Они не осмеливались подойти. Тогда еще нет.

– Великолепно, правда? – довольно вздохнул Энтони. – К этому зрелищу невозможно привыкнуть. Добро пожаловать в ваш дом на следующие четыре года, верите ли вы этому или нет. Мы называем это место Вавилоном.

– Вавилон... – повторил Робин. – Поэтому нас...

– Поэтому нас называют балаболами?²⁶ – Энтони кивнул. – Эта шутка стара как мир. Но каждый сентябрь какой-нибудь первокурсник Биллиола думает, что придумал ее впервые, и мы обречены терпеть это дурацкое прозвище уже несколько десятилетий.

Он стремительно шагнул на ступени. На камне перед дверью была высечена сине-золотая печать – герб Оксфордского университета. «Dominus illuminatio mea», – гласила надпись на нем. «Господь – свет мой». Как только нога Энтони коснулась печати, тяжелая деревянная дверь распахнулась сама собой, открыв залитое золотистым светом ламп внутреннее пространство с лестницами, суесящимися студентами в темных мантиях и бесчисленными книгами.

От потрясения Робин остановился. Из всех чудес Оксфорда Вавилон казался самым немислимым – башня вне времени, видение из грез. Окна с витражами, высокий, внушительный купол – все это как будто забрали с картины, висящей в столовой профессора Ловелла, и перенесли на унылую серую улицу. Свечение в средневековом манускрипте, дверь в сказочную страну. Казалось невероятным, что они будут приходить сюда каждый день на учебу, что у них вообще есть право сюда входить.

И все же Вавилон был прямо перед ними и ждал.

Энтони поманил их с сияющей улыбкой.

– Ну же, входите.

– Бюро переводов всегда были незаменимыми инструментами великих цивилизаций, даже их центрами. В 1527 году Карл V Испанский создал Секретариат переводчиков, сотрудники которого жонглировали более чем десятком языков для управления разными территориями его империи. Королевский институт перевода был основан в Лондоне в начале семнадцатого века, хотя в свой нынешний дом в Оксфорде он переехал только в 1715 году, после окончания войны за испанское наследство, после чего британцы благоразумно решили, что стоит обучать молодых людей языкам колоний, которые испанцы только что потеряли. Да, все это я выучил наизусть, и нет, я этого не писал, но провожу эту экскурсию с первого курса бла-

²⁶ В западноевропейских языках Вавилон произносится как Бабилон. Дело в том, что это название пришло из греческого. В Средние века в Западной Европе было принято передавать греческую β (бета) как «б», а в славянских – как «в».

годаря своему личному обаянию, так что у меня неплохо получается. Проходите сюда, через вестибюль.

Энтони обладал редким талантом говорить без запинки, даже пятясь.

– В Вавилоне восемь этажей, – сказал он. – В Книге Юбилеев утверждается, что древняя Вавилонская башня достигала в высоту больше пяти тысяч локтей, то есть почти две мили, что, разумеется, невозможно, хотя наш Вавилон – самое высокое здание в Оксфорде, а то и во всей Англии, не считая собора Святого Павла. Она почти триста футов высотой, не считая подвала, а значит, в два раза выше библиотеки Рэдклиффа...

Виктуар подняла руку.

– А башня...

– Внутри больше, чем выглядит снаружи? – спросил Энтони. – Именно так.

Поначалу Робин этого не заметил, и теперь это противоречие сбивало его с толку. Снаружи Вавилон был огромным, но все равно не казался настолько высоким, чтобы вместить гигантские книжные полки каждого этажа.

– Это прелестный трюк серебряных дел мастеров, хотя я точно не знаю, какая словесная пара за это отвечает. Так уже было, когда я сюда приехал, мы принимаем это как должное.

Энтони провел их мимо длинных очередей горожан, выстроившихся к окошкам.

– Сейчас мы в вестибюле, здесь ведутся все дела. Местные торговцы заказывают серебряные пластины для своего оборудования, чиновники просят о поддержке городских работ, и все в таком роде. Это единственное место в башне, открытое для всех, хотя с учеными и студентами посетители почти не пересекаются, их обслуживают клерки. – Энтони жестом пригласил их подняться по центральной лестнице. – Сюда.

На втором этаже находилась юридическая кафедра, заполненная учеными с кислыми физиономиями, которые что-то царапали по бумаге и листали толстые замшелые справочники.

– Здесь всегда многолюдно, – сказал Энтони. – Международные договоры, заокеанская торговля и все такое. Шестеренки империи, именно они приводят весь мир в движение. Большинство выпускников Вавилона в итоге оказываются здесь: тут неплохое жалованье и всегда нужны люди. Хотя и бесплатно приходится потрудиться: вся юго-западная секция переводит на европейские языки Кодекс Наполеона²⁷. Но за остальное мы берем немалые суммы. На этом этаже получают самый большой доход для Вавилона, не считая серебряных дел мастеров, разумеется.

– А где серебряные мастерские? – спросила Виктуар.

– На восьмом этаже. На самом верху.

– Потому что там самый лучший вид? – поинтересовалась Летти.

– Из-за огня, – пояснил Энтони. – Если начнется пожар, то лучше, чтобы он был на последнем этаже, тогда все остальные успеют выйти.

Никто так и не понял, шутка это или нет²⁸.

Энтони повел их вверх по лестнице.

– Третий этаж – основная база синхронных переводчиков. – Он жестом обвел почти пустую комнату, в которой было мало следов пребывания людей, не считая нескольких грязных чашек из-под чая, валяющихся на боку, и стопки бумаги на углу стола. – Они почти никогда здесь не бывают, но им нужно место для конфиденциальной подготовки информационных

²⁷ Откровенно говоря, это облагороженное описание юридического отдела. Можно также утверждать, что деятельность переводчиков в юридическом отделе заключалась в манипулировании языком для создания выгодных условий для европейцев. Одним из примеров является предполагаемая продажа земли в Виргинии англичанам вождю Паспехаем «за медь», несмотря на очевидную сложность перевода самого понятия «европейское королевство» или земли как собственности на алгонкинские языки. Юридическое решение этой проблемы свелось к заявлению, что алгонкины были слишком дикими, поэтому у них еще не возникло подобных слов, а значит, появление англичан – благо для них.

²⁸ Он не шутил. Восьмой этаж института перестраивали семь раз с момента возведения здания.

материалов, для этого и выделено помещение. Они сопровождают высокопоставленных лиц и сотрудников иностранных посольств в зарубежных поездках, посещают балы в России, пьют чай с шейхами в Аравии и так далее. Говорят, эти поездки очень выматывают, поэтому Вавилон выпускает не так много таких переводчиков. Обычно это прирожденные полиглоты, овладевшие языками где-то еще – путешествовали с родителями-миссионерами или проводили лето с родственниками-иностранцами. Выпускники Вавилона, как правило, избегают такой карьеры.

– Почему? – спросил Робин. – Мне это кажется интересным.

– Это подходящая профессия, если хочешь путешествовать за чужой счет, – ответил Энтони. – Но ученые по натуре одинокие домоседы. Путешествия кажутся привлекательными, пока не поймешь, что на самом деле тебе хочется остаться дома с чашкой чая и стопкой книг у теплого камина.

– У вас очень смутное представление об ученых, – сказала Виктуар.

– Я знаю это по личному опыту. Вы тоже в свое время поймете. Выпускники, избравшие карьеру устного переводчика, всегда уходят в отставку через пару лет. Даже Стерлинг Джонс, племянник сэра Уильяма, не выдержал больше восьми месяцев, а уж он-то везде путешествовал первым классом. В любом случае устный перевод не считается престижным, потому что в нем важно только одно – донести главную мысль, никого не оскорбив. Невозможно поиграть с тонкостями языка, а это самое интересное.

На четвертом этаже людей было гораздо больше, чем на третьем. Да и в основном все были моложе – всклоченные, с заплатами на рукавах, в отличие от лощенных, прекрасно одетых сотрудников юридической кафедры.

– Литературная кафедра, – объяснил Энтони. – То есть здесь занимаются переводами на английский иностранных романов, рассказов и поэм, реже с английского на иностранные языки. Честно говоря, не особенно престижное занятие, но более желанная стезя, чем устный перевод. Должность на кафедре литературы после выпуска можно считать естественной ступенью к должности профессора Вавилона.

К Энтони подошел молодой человек в мантии выпускника.

– И кстати, кое-кому здесь действительно нравится. Это первокурсники?

– Да, полный курс.

– Не очень-то их много. – Молодой человек дружелюбно помахал им. – Доброе утро. Меня зовут Вималь Шринивасан. Я только что окончил курс и перевожу с санскрита, тамильского, телугу и немецкого²⁹.

– Здесь все представляются, называя свои языки? – спросил Рами.

– Конечно, – ответил Вималь. – Языки определяют, насколько вы интересны. Восточные языки завораживают. Классические скучны. В любом случае добро пожаловать на лучший этаж башни.

Виктуар с большим интересом рассматривала полки с книгами.

– Так, значит, вы можете заполучить любую книгу, изданную за границей?

– Большинство из них, – ответил Вималь.

– И французские? Как только они выходят?

– Да, алчная девушка, – беззлобно сказал он. – Наш бюджет на покупку книг почти бездонен, а библиотекари любят собирать полную коллекцию книг. Хотя мы не можем перевести все, что сюда поступает, просто не хватает рук. Значительную часть времени до сих пор отнимают переводы древних текстов.

²⁹ Значительную часть основных западных исследований по санскриту сделали немецкие романтики, такие как Гердер, Шлегель и Бопп. Не все их монографии были переведены на английский язык, поэтому большинству студентов, изучавших в Вавилоне санскрит, приходилось также изучать немецкий.

– Вот почему это единственная кафедра, у которой каждый год возникает дефицит средств, – сказал Энтони.

– Мы здесь помогаем лучше понимать человеческую природу, и прибыль не главное, – фыркнул Вималь. – Мы постоянно делаем новые переводы классиков и по сравнению с прошлым столетием улучшили знания некоторых языков, поэтому классики будут становиться все более доступными. Я сейчас работаю над улучшенной латинской версией «Бхагавадгиты»...

– И неважно, что Шлегель только что выпустил свой вариант, – поддел его Энтони.

– Больше десяти лет назад, – отмахнулся Вималь. – К тому же «Бхагавадгита» Шлегеля просто ужасна, он сам говорил, что не разобрался в философии, лежащей в ее основе. И это заметно, потому что он использует семь разных слов для обозначения йоги...

– В общем, – сказал Энтони, побуждая их идти дальше, – это кафедра литературы. Одно из худших мест после выпуска из Вавилона, как по мне.

– Вам здесь не нравится? – спросил Робин.

Он разделял восторг Виктуар и с радостью провел бы на четвертом этаже всю жизнь.

– Мне? Нет, – хмыкнул Энтони. – Я в башне ради работы с серебром. Я считаю, что сотрудники кафедры литературы слишком потворствуют своим желаниям. Печально, ведь они могли бы стать самыми грозными учеными из всех, потому что именно они владеют подлинным пониманием языков, знают, чем те живут и дышат, как заставляют наше сердце биться, а кожу покрываться мурашками лишь из-за одной фразы. Но здешние ученые слишком поглощены копошением в любимых образах и не задумываются о том, что всю эту жизненную энергию можно сконцентрировать для чего-то более мощного. Разумеется, я о серебре.

На пятом и шестом этажах находились хранилища учебных материалов и справочников – «Грамматики», учебники, книги для чтения, толковые словари и как минимум по четыре разных издания всех опубликованных словарей, по утверждению Энтони, для всех мировых языков.

– Вообще-то, словари лежат по всей башне, но здесь можно найти какой-нибудь тяжелый том из архива, – объяснил Энтони. – Прямо посередине башни, как видите, чтобы при необходимости не пришлось спускаться или подниматься больше чем на четыре этажа.

В центре шестого этажа в стеклянной витрине на алом бархате лежало несколько книг в красных обложках. В мягком освещении кожаные переплеты мерцали, и книги выглядели поистине магическими, скорее колдовскими книгами волшебников, чем простыми справочниками.

– Это «Грамматики», – объяснил Энтони. – Выглядят впечатляюще, но можно потрогать. Они и служат для того, чтобы их читали. Только сначала оботрите пальцы о бархат.

«Грамматики» представляли собой тома разной толщины, но в одинаковых переплетах, расположенные в алфавитном порядке по латинскому названию языка и дате публикации. Некоторые комплекты «Грамматики», в частности европейские языки, занимали целые витрины; другие, в основном восточные языки, имели очень мало томов. Китайская «Грамматика» состояла всего из трех томов; японская и корейская умещались в одном томе. «Грамматика» тагальского, что удивительно, состояла из пяти томов.

– Но это не наша заслуга, – сказал Энтони. – Все переводы выполнены испанцами, вот почему на титульной странице вы видите также фамилию переводчика с испанского на английский. А многие «Грамматики» карибских языков и языков Южной Азии – вон они – до сих пор в работе. До Парижского мира, пока Британская империя не получила во владение соответствующие территории, эти языки не входили в сферу интересов Вавилона. Аналогичным образом «Грамматики» большинства африканских языков – это переводы с немецкого, в основном их делали немецкие миссионеры и филологи, у нас много лет никто не занимался африканскими языками.

Робин не мог удержаться. Он жадно потянулся к «Грамматикам» восточных языков и начал листать. На титульном листе каждого тома аккуратным, убористым почерком были перечислены фамилии ученых, составивших первое издание каждой «Грамматики». Натаниэль Халхед написал «Грамматику» бенгальского, сэр Уильям Джонс – «Грамматику» санскрита. Робин отметил закономерность: все авторы были белыми британцами, а не представителями соответствующих народов.

– Мы только недавно сделали основную работу по восточным языкам, – сказал Энтони. – В этом мы слегка отставали от французов. Сэр Уильям Джонс стал первопроходцем в санскрите, арабском и персидском, которые начал здесь преподавать. «Грамматику» персидского языка он написал в 1771 году, но только он один всерьез занимался этими языками вплоть до 1803 года.

– И что произошло в этом году? – спросил Робин.

– На факультете стал работать Ричард Ловелл, – ответил Энтони. – Я слышал о его талантах к дальневосточным языкам. Он в одиночку создал два тома китайской «Грамматики».

Робин благоговейно протянул руку и взял первый том китайской «Грамматики». Книга оказалась на редкость увесистой, как будто чернила утяжеляли страницы. Он узнал мелкий и аккуратный почерк профессора Ловелла. Масштаб исследований был поразительным. Робин положил книгу, внезапно с беспокойством осознав, что иностранец знает о его родном языке больше, чем он сам.

– А почему они в витринах? – спросила Виктуар. – Не очень-то удобно доставать.

– Потому что это единственные экземпляры в Оксфорде. Есть еще копии в Кембридже, Единбургском университете и министерстве иностранных дел в Лондоне. Они ежегодно дополняются в соответствии с последними полученными данными. Но здесь находятся самые полные и авторитетные сборники знаний о каждом существующем языке. Новые данные вписываются от руки, как вы заметили, потому что слишком дорого печатать всякий раз, когда появляются дополнения, а кроме того, у наших печатных прессов нет подходящих для иностранных языков шрифтов.

– Значит, если Вавилон сгорит, мы потеряем целый год исследований? – спросил Рами.

– Год? Скорее десятилетия. Но этого никогда не случится. – Энтони постучал по столу, и Робин заметил десятки крошечных серебряных пластин. – «Грамматики» охраняются тщательнее, чем принцесса Виктория. Эти книги неподвластны огню и воде, их не может взять человек, не имеющий отношения к институту. Если кто-нибудь попытается украсть или повредить хоть один том, воров ударит такая мощная невидимая сила, что они перестанут что-либо сообщать до прихода полиции.

– И серебро на такое способно? – встревоженно спросил Робин.

– Ну, что-то близкое к этому, – ответил Энтони. – Это просто предположение. Защитные механизмы создал профессор Плейфер, а ему нравится сохранять загадку. Но защита башни в самом деле ошеломляющая. Выглядит Вавилон как обычное оксфордское здание, но если кто-то попытается вломиться сюда, то мигом окажется на улице в луже крови. Я видел такое собственными глазами.

– Серьезная защита для исследовательского института, – сказал Робин.

Его ладони внезапно стали липкими, он вытер их о мантию.

– Еще бы, – отозвался Энтони. – В этих стенах больше серебра, чем в сокровищнице банка Англии.

– Правда? – спросила Летти.

– Разумеется. Вавилон – богатейшее место в стране. Хотите узнать почему?

Они кивнули. Энтони щелкнул пальцами и поманил их за собой вверх по лестнице.

Лишь восьмой этаж Вавилона скрывался за дверями и стенами. Остальные семь представляли собой открытое пространство, не отделенное от лестниц, но на восьмом этаже лестница вела в кирпичный коридор, а тот, в свою очередь, – к тяжелой деревянной двери.

– Преграда для огня, – объяснил Энтони. – На всякий случай. Преграждает путь к остальному зданию, чтобы не повредить «Грамматики», если что-то взорвется.

Он навалился на дверь всем телом и толкнул.

Восьмой этаж больше напоминал мастерскую, чем исследовательскую лабораторию. Ученые стояли, склонившись над верстаками, как механики, орудуя разного рода инструментами для гравировки на серебряных пластинах всех размеров и форм. Помещение было наполнено гулом, свистом и жужжанием. Рядом с окном что-то взорвалось, посыпались искры, сопровождаемые градом ругательств, но никто даже не повернул голову.

Перед конторкой их ожидал дородный седовласый человек. У него было широкое морщинистое лицо, но глаза так сверкали, что ему можно было дать от сорока до шестидесяти. Его черную мантию магистра покрывал такой слой пыли, что она светилась при каждом движении. Когда он энергично говорил, его густые темные брови невероятно выразительно двигались, как будто вот-вот прыгнут с лица.

– Доброе утро, – сказал он. – Я профессор Джером Плейфер, глава факультета. Я немного болтаю на французском и итальянском, но моя первая любовь – немецкий. Благодарю, Энтони, вы свободны. У вас с Вудхаусом уже все готово для поездки на Ямайку?

– Пока нет, – ответил Энтони. – Нужно еще взять учебник по патуа. Я подозреваю, что его снова забрал Гидеон, не расписавшись.

– Что ж, тогда займитесь этим.

Энтони кивнул, коснулся воображаемой шляпы, посмотрев на спутников Робина, и направился обратно к тяжелой двери.

Профессор Плейфер обратился к ним с сияющей улыбкой:

– Ну, вот вы и осмотрели Вавилон. И как у нас дела?

Некоторое время все молчали. Летти, Рами и Виктуар, похоже, были настолько же ошеломлены, как и Робин. На них разом вывалили столько информации, что в результате Робин не чувствовал земли под ногами.

Профессор Плейфер хихикнул.

– Понимаю. В первый день у меня было такое же чувство. Это как войти в зачарованный мир, правда? Как пировать на балу у фей. Как только узнаешь о том, что происходит в башне, обыденный мир перестает казаться интересным.

– Это потрясающе, сэр, – сказала Летти. – Невероятно.

Профессор Плейфер подмигнул ей.

– Это самое чудесное место на земле. – Он откашлялся. – А теперь я расскажу вам одну историю. Простите за излишнюю театральность, но мне хочется как-то отметить знаменательное событие, ведь это ваш первый день в самом важном научном центре в мире. Не возражаете?

Он не нуждался в разрешении, но они все равно кивнули.

– Благодарю. Итак, эту историю мы знаем от Геродота. – Он прошел взад-вперед перед ними, как игрок, отмечающий свою позицию на поле. – Он говорит, что египетский фараон Псамметих однажды заключил соглашение с пиратами Ионического моря, чтобы нанести поражение одиннадцати правителям, предавшим его. После победы над врагами он отдал союзникам большую территорию. Но Псамметих хотел получить гарантию, что ионийцы не обратятся против него, как когда-то прежние союзники. Он хотел предотвратить войны, основанные на непонимании. И поэтому отправил юных египетских мальчиков жить среди ионийцев и учить греческий, чтобы, когда вырастут, они служили переводчиками между двумя народами. Здесь, в Вавилоне, мы черпаем вдохновение от Псамметиха.

Его сверкающий взгляд остановился на каждом новоиспеченном студенте по очереди.

– Перевод с незапамятных времен служил посредником в достижении мира. Перевод делает возможной коммуникацию, а она, в свою очередь, уступает место дипломатии и сотрудничеству между разными народами, приносящим процветание всем. Конечно же, вы уже заметили, что из всех оксфордских колледжей только Вавилон принимает студентов неевропейского происхождения. Больше нигде в стране вы не увидите индусов, мусульман, африканцев и китайцев, которые учатся под одной крышей. Мы принимаем вас не вопреки, а благодаря происхождению. – Профессор Плейфер подчеркнул последнюю фразу, как будто это предмет для огромной гордости. – Из-за своего происхождения вы получили в дар языки, которыми не могут в той же мере овладеть рожденные в Англии. И вы, как и мальчики Псамметиха, расскажете о мировой гармонии и воплотите ее в жизнь.

Он сложил руки перед собой как в молитве.

– Вот так. Кстати, выпускники каждый год смеются надо мной из-за этой речи. Они считают это банальностью. Но, думаю, положение обязывает быть серьезным, вам так не кажется? В конце концов, мы собрались здесь, чтобы познать непознанное, познакомиться с неизвестным. Мы здесь, чтобы творить магию словами.

Робин решил, что это самое приятное, что он когда-либо слышал о своем иностранном происхождении. И хотя от этого рассказа у него засосало под ложечкой, ведь он читал Геродота и помнил, что те египетские мальчики были рабами, его все равно охватил восторг: возможно, инаковость не обречет его вечно жить на обочине, а наоборот, сделает особенным.

После этого профессор Плейфер собрал их за пустым верстаком для демонстрации.

– Так вот, простой обыватель считает работу с серебром равноценной колдовству. – Он закатал рукава до локтей и повысил голос, чтобы его было слышно сквозь грохот. – Они думают, будто сила пластин заключается в самом серебре, будто серебро унаследовало какую-то магическую субстанцию, способную изменить мир.

Он отпер левый ящик стола и вытащил оттуда гладкую серебряную пластину.

– И не могу сказать, что они полностью заблуждаются. В серебре и впрямь есть нечто такое, что делает его идеальным носителем наших идей. Мне нравится думать, что оно благословлено богами – в конце концов, для очистки мы используем ртуть, *mercury*, а Меркурий – быстроногий бог. Меркурий, Гермес. Не значит ли это, что серебро неразрывно связано с герменевтикой? Но давайте отбросим излишнюю романтику. Нет, сила серебряной пластины заключена в словах. А если еще точнее, в том свойстве языка, которое не способны выразить слова, и оно утрачивается, когда мы переключаемся с одного языка на другой. Серебро улавливает утраченное и воплощает его в жизнь.

Он поднял взгляд на их ошарашенные лица.

– У вас есть вопросы. Не волнуйтесь. Вы не начнете работать с серебром до конца третьего года обучения. У вас масса времени, чтобы до этого момента ознакомиться с теорией. А сейчас важно, чтобы вы поняли масштаб того, чем мы здесь занимаемся. – Он потянулся за гравером. – А именно заклинаний.

Он стал гравировать слово на пластине.

– Я покажу вам простейший пример. Эффект будет скромным, посмотрим, почувствуете ли вы его.

Он закончил писать на одной стороне и показал им пластину.

– *Heimlich*. Немецкое слово, означающее «скрытый», «потайной», именно так я перевожу его на английский. Но *heimlich* значит больше, чем просто секреты. Это слово произошло от протогерманского слова, означающего «дом». Сложите эти значения, и что вы получите? Нечто вроде тайного места или того чувства, которое охватывает вас, когда вы находитесь дома, скрывшись от внешнего мира.

Говоря это, он выгравировал слово «потайной» на другой стороне пластины. И стоило ему закончить, как серебро завибрировало.

– Heimlich, – произнес он. – Потайной.

И снова Робин услышал пение, доносившееся непонятно откуда, нечеловеческий голос.

Мир вокруг изменился. Что-то как будто связало их вместе, в воздухе возник какой-то неосязаемый барьер, поглотивший все звуки, и они словно оказались здесь одни, хотя и знали, что вокруг суетятся ученые. Одни. И ограждены от всех опасностей. Это была их башня, их убежище³⁰.

Эта магия не была им чужда. Все они уже видели эффекты серебра, в Англии этого невозможно избежать. Но одно дело – знать о свойствах серебряных пластин, о том, что они лежат в основе функционирования прогрессивного общества. И совсем другое – собственными глазами увидеть, как они меняют реальность, как слова улавливают то, что не опишешь никакими словами, и вызывают сверхъестественный физический эффект.

Виктуар накрыла рот ладонью. Летти тяжело дышала. Рами быстро моргал, словно пытался сдержать слезы.

А Робин, глядя на все еще вибрирующую пластину, ясно понимал, что это стоило всех страданий. Одиночество, побои, долгие, изматывающие часы зубрежки, поглощение языков как горькой микстуры – все ради того, чтобы однажды очутиться здесь.

– И последнее, – сказал профессор Плейфер, провожая их вниз по лестнице. – Нам понадобится ваша кровь.

– Прошу прощения? – отозвалась Летти.

– Ваша кровь. Это не займет много времени.

Профессор Плейфер повел их через вестибюль в маленькую комнатку без окон, скрытую за книжными полками. В ней ничего не было, не считая простого стола и четырех стульев. Профессор пригласил их сесть и шагнул к дальней стене – оказывается, в камне было встроено несколько ящиков. Он выдвинул верхний ящик, в котором в несколько рядов стояли крохотные склянки. На каждой была этикетка с именем ученого или студента, чья кровь там находилась.

– Это для охранной системы, – объяснил профессор Плейфер. – Вавилон пытались ограбить чаще, чем все банки Лондона, вместе взятые. Двери пресекают почти все попытки, но охранной системе нужно как-то отличать ученых от грабителей. Мы пытались делать это по волосам и ногтям, но их слишком просто украсть.

– Кровь тоже можно украсть, – сказал Рами.

– Можно, – согласился профессор Плейфер. – Но в таком случае воры должны быть настроены решительнее.

Он вытащил из нижнего ящика несколько шприцев.

– Будьте добры, закатайте рукава.

Они нехотя подчинились.

– Неужели здесь нет доктора? – спросила Виктуар.

– Не беспокойтесь. – Профессор Плейфер постучал по игле. – Я неплохо с этим справляюсь. Я быстро найду вену. Кто первый?

Робин вызвался первым: ему не хотелось страдать в ожидании, наблюдая за остальными. Рами был следующим, за ним Виктуар, а потом Летти. Вся процедура заняла меньше четверти часа и прошла без происшествий, не считая того, что Летти буквально позеленела к тому моменту, когда игла вышла из ее вены.

– Теперь вам надо хорошенько подкрепиться, – сказал профессор Плейфер. – Лучше всего кровяной пудинг, если найдется.

³⁰ Сравните с другим немецким словом – unheimlich, сверхъестественное.

Четыре новые склянки, промаркированные аккуратным мелким почерком, присоединились к остальным.

– Теперь вы стали частью башни, – сказал профессор Плейфер, закрывая ящики. – Теперь башня знает вас как своих.

Рами поморщился.

– Немного жутковато, как по мне.

– Вовсе нет, – возразил профессор Плейфер. – Вы находитесь в том месте, где творят магию. Внешне оно имеет все атрибуты современного университета, но по сути Вавилон – не что иное, как берлога алхимиков. Правда, в отличие от алхимиков, мы на самом деле нашли способ трансформации вещества. Но не с помощью чего-то материального. А с помощью слова.

Студенты Вавилона питались в буфете рядом с Рэдклиффской библиотекой, вместе с учащимися еще нескольких гуманитарных факультетов. Предполагалось, что кормят там хорошо, но буфет был закрыт до начала завтрашних занятий, поэтому они вернулись обратно в колледж, успев как раз к концу обеда. Горячие блюда уже закончились, но до позднего ужина предлагался чай с легкими закусками. Все нагрузили подносы чашками, чайниками, сахарницами, молочниками и булочками, а потом лавировали между длинными деревянными столами, пока не нашли свободный в углу.

– Так ты из Кантона? – спросила Летти.

Как отметил Робин, она была очень напористой и задавала вопросы, даже самые доброжелательные, властным и строгим тоном.

Робин как раз впился зубами в булочку, сухую и черствую, и ему пришлось глотнуть чая, прежде чем ответить. К этому моменту Летти уже обратила взгляд на Рами.

– А ты из Мадраса? Бомбея?

– Из Калькутты, – добродушно ответил Рами.

– Мой отец жил в Калькутте, – сказала она. – Три года, с 1825 по 1828-й. Быть может, ты его видел.

– Чудесно, – отозвался Рами, намазывая на булочку джем. – Быть может, это он однажды целился в моих сестер из пистолета.

Робин фыркнул, но Летти и бровью не повела.

– Я лишь хотела сказать, что уже встречала индусов.

– Я мусульманин.

– В общем, я лишь хочу сказать...

– И знаешь, – добавил Рами, усердно намазывая булочку маслом, – ужасно раздражает, когда все приравнивают Индию к индуизму. Будто правление мусульман – какое-то отклонение, Великие Моголы – просто захватчики и подлинные традиции – это санскрит и Упанишады. – Он поднес булочку ко рту. – Но ведь ты даже не знаешь значения этих слов, правда?

Отношения не задалось с самого начала. Не все новые знакомые Рами понимали его юмор. Его разглагольствования нужно было воспринимать спокойно, а Летиция Прайс явно не была на это способна.

– Кстати, о Вавилоне, – вмешался Робин, прежде чем Рами успел вернуть что-нибудь еще. – Красивое здание.

Летти бросила на него удивленный взгляд.

– Да, неплохое.

Рами закатил глаза, откашлялся и положил булочку.

Они молча пили чай. Виктуар нервно звякнула ложечкой по чашке. Робин уставился в окно. Рами забарабанил пальцами по столу, но прекратил, когда Летти сердито посмотрела на него.

Виктуар набралась смелости и решила продолжить разговор:

– И как вам здесь? В смысле, в Оксфорде. Мне кажется, мы видели совсем крохотную часть, он такой огромный. Не как Лондон и Париж, но здесь полно потаенных уголков, как вы считаете?

– Он невероятный, – слишком энергично ответил Рами. – Каждое здание великолепно. Первые три дня мы просто бродили вокруг и глазели. Мы видели все достопримечательности – оксфордский музей, сад у собора Христа...

Виктуар выгнула брови.

– И вас повсюду пускали?

– Вообще-то нет. – Рами поставил чашку с чаем. – Помнишь музей Эшмола, Птах...

– Точно, – отозвался Робин. – Там, похоже, были уверены, что мы что-нибудь украдем, нас заставили вывернуть карманы на входе и выходе, как будто не сомневались, что мы украли драгоценность Альфреда³¹.

– А нас и вовсе туда не пустили, – посетовала Виктуар. – Сказали, что девушек не пускают без сопровождения.

Рами фыркнул.

– Это еще почему?

– Наверное, из-за нашей тонкой нервной организации, – сказала Летти. – Чтобы мы не упали в обморок, увидев картины.

– Но цвета и впрямь будоражат, – призналась Виктуар.

– Сцены сражений и обнаженная грудь – это слишком для моих нервов, – заявила Летти, приложив ладонь ко лбу.

– И как же вы поступили? – поинтересовался Рами.

– Вернулись, когда дежурил другой смотритель, и притворились мужчинами. – Виктуар понизила голос. – Простите, мы приехали навестить кузенов, и пока они учатся, нам нечем заняться...

Робин засмеялся.

– Да ну?

– И у нас получилось, – заверила его Виктуар.

– Я тебе не верю.

– Это правда, – улыбнулась Виктуар. Робин заметил, какие у нее огромные и прекрасные глаза, как у лани. Ему нравилось слушать Виктуар: она как будто вытаскивала смех из самых глубин его существа. – Наверное, они решили, что нам по двенадцать лет, но все прекрасно получилось...

– Пока ты не расчувствовалась, – вставила Летти.

– Ну ладно, все получилось, когда мы прошли мимо смотрителя...

– Но потом она увидела Рембрандта и взвизгнула вот так.

Летти пискнула. Виктуар стукнула ее по плечу, но тоже засмеялась.

– Прошу прощения, мисс. – Виктуар опустила подбородок, изображая разгневанного смотрителя. – Вы не должны здесь находиться, вам следует уйти...

– Значит, в итоге все-таки вас выдали нервы...

И этого оказалось достаточно. Лед растаял. В то же мгновение смеялись уже все четверо – быть может, немного громче, чем предполагала шутка, но главное – они смеялись.

– Кто-нибудь еще вас раскрыл? – спросил Рами.

– Нет, похоже, все приняли нас за тощих юнцов, – ответила Летти. – Хотя какой-то тип наорал на Виктуар и велел ей снять мантию.

³¹ Драгоценность Альфреда – одно из самых известных произведений англосаксонского ювелирного искусства, датированное концом IX века. Его предназначение неясно. Изделие связывается с именем короля Альфреда Великого.

– Он пытался стащить ее с меня. – Виктуар опустила взгляд на свои колени. – Летти пришлось стукнуть его зонтиком.

– С нами произошло то же самое, – сказал Рами. – Какие-то пьяные студенты из Баллиола закричали на нас в ночи.

– Им не нравится, когда под мантией скрывается темная кожа.

– Это точно, – подтвердил Рами.

– Сочувствую, – сказала Виктуар. – Они... В смысле, все обошлось?

Робин бросил на Рами предупреждающий взгляд, но в глазах Рами до сих пор сверкало веселье.

– Конечно. – Он обнял Робина за плечи. – Я был готов сломать пару носов, но Робин поступил мудро – бросился бежать со всех ног, как от бешеных собак, и мне не оставалось ничего другого, кроме как погнаться за ним.

– Не люблю драки, – вспыхнул Робин.

– Да уж, – согласился Рами, – ты бы хоть сквозь стену прошел, если бы мог.

– Ты мог бы остаться, – заметил Робин. – Подрался бы с ними в одиночку.

– И оставить тебя одного, в ужасной темноте? – ухмыльнулся Рами. – К тому же ты выглядишь нелепо. Бежал так, словно у тебя переполнен мочевой пузырь и ты не можешь найти место, где облегчиться.

И они снова засмеялись.

Вскоре стало очевидно, что допустимы все темы. Они могут говорить о чем угодно, поделиться тревогами, которые до сих пор держали в себе, признаться, каким подвергались унижениям из-за того, что находятся не на своем месте. Они могли рассказать о себе все, потому что наконец-то нашли людей, для которых все это не было уникальным или смущающим.

Потом они рассказывали о своей учебе до Оксфорда. Вавилон, похоже, помечал своих избранных в юном возрасте. Летти, уроженка южного Брайтона, поражала друзей семьи потрясающей памятью с тех пор, как научилась говорить; один из таких друзей, знакомый с оксфордскими профессорами, предоставил ей репетиторов по французскому, немецкому, латыни и греческому, пока она не стала достаточно взрослой для поступления в университет.

– Хотя у меня чуть все не сорвалось, – призналась Летти, и ее ресницы затрепетали. – Отец сказал, что ни за что не станет оплачивать женское образование, и я так благодарна за стипендию. Пришлось продать несколько браслетов, чтобы оплатить дорогу.

Виктуар, как и Робин с Рами, приехала в Европу с опекуном.

– В Париж, – уточнила она. – Он был француз, но имел знакомства в институте и написал им, когда я выросла. Однако сразу после этого умер, и я долгое время не знала, сумею ли сюда приехать. – Она слегка запнулась. И отпила чаю. – Но я сумела связаться с его знакомыми в Оксфорде, и они все устроили, – туманно объяснила она.

Робин подозревал, что это не вся история, но он тоже овладел искусством скрывать свою боль и не стал напирать.

Их объединяло одно – без Вавилона в этой стране им некуда было бы податься. Их надели привилегиями, о которых они и мечтать не могли, за них платили богатые и могущественные люди с не вполне понятными мотивами, и все это можно было потерять в одно мгновение. Такое шаткое положение придавало смелости и одновременно с этим пугало. Они получили ключи от королевства и не хотели их отдавать.

К тому времени как они закончили пить чай, все четверо почти полюбили друг друга – почти, потому что истинная любовь требует времени и воспоминаний, но это было очень близко к любви с первого взгляда. Еще не настали те дни, когда Рами с гордостью носил нелепые шарфы, кривовато связанные Виктуар, а Робин выучил, сколько времени нужно настаивать чай для Рами, чтобы напиток был готов ровно к тому моменту, когда Рами с неизбежным опозданием придет в буфет с урока арабского; или когда они все понимали, что Летти при-

дет на занятия с пакетом лимонного печенья, потому что пекарня Тейлора по средам продает лимонное печенье. Но в тот день они могли с уверенностью сказать, какими друзьями станут, и им это нравилось.

Позже, когда все пошло наперекосяк и мир раскололся пополам, Робин вспоминал о том дне, как они сидели за столом, и гадал, почему они с такой готовностью и беспечностью друг другу поверили. Почему отказались видеть мириады путей, какими могут навредить друг другу? Почему не остановились поразмыслить о разнице в происхождении и воспитании, которая означала, что они никогда не будут на одной стороне?

Но ответ очевиден: все четверо утонули в этом незнакомом мире и посчитали остальных тем спасательным плотом, уцепившись за который останутся на плаву.

Девушкам не позволялось жить в колледже, вот почему они встретились с Робин и Рами только в день инструктажа. Виктуар и Летти жили в двух милях от университета, в служебном крыле одной из оксфордских школ, где обычно размещались студентки Вавилона. Робин и Рами проводили их домой, как истинные джентльмены, но Робин надеялся, что это не превратится в ежевечерний ритуал, поскольку путь был неблизкий, а в этот час омнибусы уже не ходили.

– И вас не могли поселить где-нибудь поближе? – спросил Рами.

Виктуар покачала головой.

– Во всех колледжах утверждают, что это развратит джентльменов.

– Это несправедливо, – сказал Рами.

Летти бросила на него насмешливый взгляд.

– Еще как.

– Но все не так уж плохо, – заявила Виктуар. – На этой улице есть несколько веселых пабов. Нам нравятся «Четыре всадника», «Крученный корень», и еще есть местечко под названием «Ладьи и пешки», там можно сыграть в шахматы.

– Прости, ты сказала «Крученный корень»? – спросил Робин.

– Это на Харроу-лейн, у моста, – пояснила Виктуар. – Хотя тебе вряд ли понравится. Мы заглянули туда и тут же вышли: внутри страшная грязь. Проведешь пальцем по стакану, а там жирные разводы и слой грязи с палец толщиной.

– Значит, не место для студентов, да?

– Нет, оксфордских студентов там прибьют. Это место для простонародья, а не для красавчиков в мантиях.

Летти указала на стадо пасущихся коров, и Робин заговорил на другую тему. Позже, проводив девушек, он сказал Рами, чтобы возвращался на Мэгпай-лейн один.

– Я совсем забыл, что нужно навестить профессора Ловелла, – сказал он. – Джерико ближе к этой части города, чем к универу. Но все равно путь неблизкий, так что не хочу тебя тащить.

– Я думал, ты ужинаешь с ним только на следующих выходных, – сказал Рами.

– Верно, но я вспомнил, что должен был навестить его до того. – Робин откашлялся – он ужасно себя чувствовал, потому что пришлось соврать Рами. – Миссис Пайпер сказала, что приготовила для меня печенье.

– Благословение небесам! – Как ни удивительно, Рами ничего не заподозрил. – Обед был совершенно несъедобным. Тебе точно не нужна компания?

– Нет, спасибо. День был долгим, и я устал, с удовольствием просто немного пройду в тишине.

– Что ж, понимаю, – добродушно отозвался Рами.

На Вудсток-роуд они расстались. Рами пошел на юг, обратно к колледжу. Робин свернул направо в поисках моста, о котором упоминала Виктуар, толком не понимая, что ищет, не считая воспоминаний о сказанной шепотом фразе.

Но ответ сам его нашел. На полпути по Харроу-лейн он услышал за спиной шаги. Он обернулся через плечо и увидел на узкой дороге темную фигуру.

– Долго ты добирался, – сказал его двойник. – Я тут целый день скрываюсь.

– Кто ты? – спросил Робин. – И как... откуда у тебя мое лицо?

– Не здесь, – ответил двойник. – Паб прямо за углом, пошли туда...

– Отвечай, – потребовал Робин. Только сейчас он ощутил запоздалый страх. Во рту пересохло, сердце бешено стучало. – Кто ты такой?

– Ты Робин Свифт, – сказал тот. – Ты вырос без отца, но с непонятно откуда взявшейся английской нянькой и бесконечным потоком английских книг, а когда появился профессор Ловелл, чтобы увезти тебя в Англию, навсегда попрощался с родиной. Ты думаешь, что профессор – твой отец, но он не признал тебя своим сыном. И ты не сомневаешься, что никогда не признает. Все верно?

Робин потерял дар речи. Он открыл рот и дергал нижней челюстью, как будто жевал, но сказать ему было нечего.

– Пошли, – сказал двойник. – Давай выпьем.

Часть II

Глава 5

«Я равнодушен к резким выражениям, – с язвительным смехом перебил Монкс. – Факт вам известен, и для меня этого достаточно».

Чарльз Диккенс. Оливер Твист

Они нашли столик в дальнем углу «Крученого корня». Двойник Робина заказал два стакана крепкого золотистого эля. Робин осушил половину своего стакана за три отчаянных глотка и почувствовал себя увереннее, хотя смятение никуда не делось.

– Меня зовут Гриффин Ловелл, – сказал двойник.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что они с Робинем все-таки не настолько похожи. Гриффин был на несколько лет старше, и его лицо носило жесткий отпечаток зрелости, который Робин еще не приобрел. Его голос был более низким и напористым. Гриффин был на несколько дюймов выше Робина, но при этом более худым; казалось, он состоит из одних острых граней и углов. Его волосы были темнее, а кожа бледнее. Словно Робин с напечатанной в книге иллюстрации, с увеличенными контрастами света и тени и выбеленными цветами.

Как будто кто-то специально рисовал копию.

– Ловелл, – повторил Робин, пытаясь собраться с духом. – Так ты...

– Он так этого и не признал, – ответил Гриффин. – Ведь и с тобой так же, верно? Ты в курсе, что у него есть жена и дети?

– Что?! – задохнулся Робин.

– Именно так. Мальчик семи и девочка трех лет. Дражайшая Филиппа и малыш Дик. А жену зовут Джоанна. Он держит их в чудесном поместье в Йоркшире. Так он и получил деньги для поездок за границу. У него-то ни гроша за душой, зато жена чудовищно богата. Как мне сказали, пятьсот фунтов в год.

– И она...

– Знает ли она о нас? Ни в коем случае. Хотя вряд ли ее это взволновало бы, даже если бы она узнала, не считая очевидного удара по репутации. В этом браке нет любви. Профессору хотелось получить имение, а ей – возможность похвастаться. Они видятся пару раз в год, а остальное время он живет здесь или в Хампстеде. Самое смешное, что с нами он проводит больше времени, чем с теми детьми. – Гриффин вздернул подбородок. – По крайней мере, с тобой.

– Я что, сплю? – пробормотал Робин.

– А надо бы. Выглядишь ужасно. Выпей.

Робин машинально потянулся за стаканом. Хотя его руки больше не дрожали, голова слегка гудела. От выпивки лучше не стало, но она хотя бы дала возможность чем-то занять руки.

– Не сомневаюсь, что у тебя куча вопросов, – сказал Гриффин. – Я постараюсь на них ответить, но тебе придется набраться терпения. У меня тоже есть вопросы. Как ты себя называешь?

– Робин Свифт, – озадаченно ответил Робин. – Ты сам знаешь.

– Но какое имя ты предпочитаешь?

Робин не совсем понял, что имеет в виду Гриффин.

– В смысле... есть еще мое первое... то есть китайское имя... но никто... я не...

– Ладно, – сказал Гриффин. – Свифт. Милое имя. И откуда ты его взял?

– «Путешествия Гулливера», – признался Робин. Когда он произнес это вслух, прозвучало глупо. Что бы он ни делал, рядом с Гриффином он чувствовал себя ребенком. – Это... это одна из моих любимых книг. Профессор Ловелл велел мне взять любое имя, и это первым пришло мне в голову.

Гриффин скривил губы.

– Значит, он слегка смягчился. Прежде чем мы подписали документы, меня он отвел на перекресток и заявил, что подкидышей часто называют в честь мест, где их бросили. Сказал, что я могу пройтись по городу, пока не найду слово, которое не будет звучать слишком глупо.

– И ты нашел?

– Конечно. Харли. Я просто увидел это слово над лавкой, и мне понравилось, как оно звучит. Как нужно сложить губы, произнося последний слог. Но я не Харли, а Ловелл, так же, как ты не Свифт.

– Так значит, мы...

– Единокровные братья. Привет, братец. Так приятно с тобой познакомиться.

Робин поставил свой стакан.

– А теперь я хочу услышать всю историю.

– Справедливое требование. – Гриффин подался вперед. Настало время ужина, и в «Крученом корне» стало так многолюдно, что гул посетителей заглушал все разговоры, но Гриффин все равно понизил голос до едва слышного шепота, и Робину пришлось напрячь слух. – Есть длинная и короткая версия. Я преступник. Мы с товарищами регулярно крадем из Вавилона серебро, рукописи и инструменты для гравировки и переправляем их из Англии нашим сообщникам по всему миру. Вчера вечером ты совершил государственную измену, и если кто-то об этом узнает, тебя запрут в Ньюгейте на двадцать лет как минимум, но только после того, как будут пытаться, чтобы ты нас выдал.

Все это он произнес очень быстро, не меняя ни тона, ни громкости голоса. А потом откинулся назад с довольным видом.

Робин был способен только сделать еще один большой глоток эля. В висках у него стучало, и, поставив стакан, он сумел вымолвить лишь одно слово:

– Зачем?

– Это просто, – отозвался Гриффин. – Есть люди, которые нуждаются в серебре больше, чем богатые лондонцы.

– Но... То есть кто?

Гриффин ответил не сразу. Он несколько секунд пристально смотрел на Робина, вглядываясь в его лицо, словно в поисках чего-то – какой-то особенной черты или сходства, которые все решат. А потом спросил:

– Почему умерла твоя мать?

– От холеры, – ответил Робин, слегка помедлив. – Была эпидемия...

– Я не спросил как, я спросил почему.

«Я не знаю почему», – хотел ответить Робин, но не стал. Он всегда это знал, только не позволял себе об этом думать. Все это время он запрещал себе задаваться этим вопросом.

«Две недели с хвостиком», – сказала миссис Пайпер. Они пробыли в Китае больше двух недель.

В глазах у него защипало.

– Откуда ты узнал про мою мать?

Гриффин откинулся назад, сцепив ладони за головой.

– Почему бы тебе не допить?

Выйдя на улицу, Гриффин быстро зашагал по Харроу-лейн, забрасывая Робина вопросами.

– Откуда ты?

– Из Кантона.

– А я родился в Макао. Не помню, бывал ли я в Кантоне. Когда он тебя привез?

– В Лондон?

– Нет, придурок, в Манилу. Конечно в Лондон.

Все-таки его брат редкостная свинья, подумал Робин.

– Шесть... нет, семь лет назад.

– Невероятно. – Гриффин без предупреждения свернул налево, на Банбери-роуд, и Робин поспешил за ним. – Неудивительно, что он никогда не приезжал ко мне. У него было кое-что получше, верно?

Робин дернулся, поскользнувшись на мостовой. Восстановив равновесие, он поспешил вслед за Гриффином. Робин никогда прежде не пил эля, только слабое вино за столом миссис Пайпер, от опьянения одеревенел язык и тошнило. Зачем же он столько выпил? Голова кружилась, думать получалось в два раза медленнее, но, конечно, в этом и была цель. Гриффин явно хотел сбить его с толку, оставить без защиты. Робин подозревал, что Гриффину нравится заставить людей врасплох.

– Куда мы идем? – спросил Робин.

– На юг. Потом на запад. Это не важно, просто лучше всего двигаться, чтобы нас не подслушали. – Гриффин свернул на Кантербери-роуд. – Если остановишься, соглядатай может подслушать весь разговор, но пока петляешь туда-сюда, это гораздо сложнее.

– Соглядатай?

– Всегда нужно предполагать, что он есть.

– Может, зайдем в булочную?

– В булочную?

– Я сказал своему другу, что должен увидеться с миссис Пайпер. – Голова у Робина еще кружилась, но воспоминания о лжи всплыли со всей ясностью. – Я не могу вернуться домой с пустыми руками.

– Ладно. – Гриффин повел его по Винчестер-роуд. – Булочная Тейлора подойдет? Все остальное уже закрыто.

Робин нырнул в лавку и быстро выбрал несколько самых простых пирожных: ему не хотелось, чтобы у Рами возникли подозрения, когда они будут проходить мимо стеклянной витрины булочной Тейлора. Холщовую сумку он оставил у себя в комнате и решил просто выбросить магазинную упаковку, когда придет домой, и переложить пирожные в сумку.

Похоже, он заразился паранойей от Гриффина. Ему казалось, будто его пометили, покрыв ярко-алой краской, и даже если он заплатит, назовут вором. Забирая сдачу, он не мог посмотреть булочнику в глаза.

– Короче говоря, – сказал Гриффин, когда Робин вышел. – Ты будешь для нас красть?

– Красть? – Они снова зашагали с безумной скоростью. – В смысле, из Вавилона?

– Ну разумеется. Не отставай.

– Но зачем вам я?

– Потому что ты вхож туда, а мы нет. Твоя кровь хранится в башне, а значит, ты можешь открыть двери, закрытые для нас.

– Но почему... – Язык Робина заплетался от потока вопросов. – Ради чего? Что вы делаете с украденным?

– Я уже сказал. Распределяем. Мы как Робин Гуд. Ха-ха! Робин. Нет? Ну ладно. Мы отправляем серебряные пластины и инструменты для работы с серебром по всему миру, людям, которые в них нуждаются, но им не повезло родиться богатыми англичанами. Людям вроде твоей матери. Видишь ли, Вавилон – потрясающее место, но лишь по той причине, что продает свои словесные пары очень ограниченному числу клиентов. – Гриффин оглянулся

через плечо. Вокруг было пусто, не считая поломойки с ведром на другом конце улицы, но он все равно ускорил шаг. – Так ты с нами?

– Я... Я не знаю. – Робин поморгал. – Я не могу просто... Ну, то есть у меня еще осталась куча вопросов.

Гриффин повел плечами.

– Так спрашивай. Давай.

– Я... Ладно. – Робин попытался выстроить какую-то последовательность из своего смятения. – Кто вы?

– Я – Гриффин Ловелл.

– Нет, все вы.

– Общество Гермеса, – поспешил ответить Гриффин. – Можно просто «Гермес».

– Общество Гермеса. – Робин поворочал это название на языке. – А почему...

– Это просто шутка. Серебро и ртуть, ртуть и Меркурий, Меркурий и Гермес, Гермес и герменевтика. Я уже и не помню, кому пришло в голову это название.

– Это тайное общество? Никто о вас не знает?

– Вавилон определенно знает. У нас... скажем так, довольно напряженные отношения. Но они мало про нас знают, уж точно меньше, чем хотели бы. Мы очень хорошо умеем держаться в тени.

Не настолько, подумал Робин, вспоминая, как они ругались в темноте, в окружении разбросанного по мостовой серебра. Но произнес совсем другое:

– Сколько вас?

– Не могу сказать.

– У вас есть штаб-квартира?

– Да.

– Покажешь мне, где она?

Гриффин засмеялся.

– Исключено.

– Но... Вас же много, – напирал Робин. – Ты как минимум должен представить меня...

– Не могу и не стану, – заявил Гриффин. – Мы же только что познакомились, братец. Ты можешь побежать к Плейферу, как только мы расстанемся.

– Но тогда как... – Робин раздраженно всплеснул руками. – Ты ведь ничего мне не предлагаешь, но очень многого требуешь.

– Да, именно так и функционируют нормальные тайные общества. Я не знаю, что ты за человек, и был бы дураком, рассказав тебе больше.

– Но ты же понимаешь, насколько это все для меня усложняет? – Робин подумал, что Гриффин пытается отмахнуться от его вполне обоснованных опасений. – Я ведь тоже ничего о тебе не знаю. Ты можешь оказаться лжецом, подставить меня...

– В таком случае тебя уже схватили бы. Так что это вряд ли. О чем, по-твоему, мы можем лгать?

– Например, вы используете серебро не для помощи другим людям, – сказал Робин. – Например, общество Гермеса – это мошенники, продающие украденное богачам...

– Я выгляжу богатым?

Робин посмотрел на его тощую фигуру, потрепанный черный сюртук и нечесанные волосы. И вынужден был признать, что общество Гермеса не похоже на схему личного обогащения. Возможно, Гриффин использует украденное серебро для каких-то других тайных целей, но явно не для личной прибыли.

– Я понимаю, что прошу сразу многого, – сказал Гриффин. – Но тебе придется мне довериться. Другого пути нет.

– Я хочу тебе доверять. Но просто... просто это уж слишком, – покачал головой Робин. – Я только что сюда приехал, впервые увидел Вавилон и не знаю ни тебя, ни это место достаточно хорошо, чтобы разобраться в происходящем.

– Тогда зачем ты это сделал? – спросил Гриффин.

– Я... Что?

– Вчера вечером, – покосился на него Гриффин. – Ты помог нам, не задавая вопросов. Даже не колебался. Почему?

– Не знаю, – честно ответил Робин.

Он задавал себе этот вопрос тысячу раз. Почему он активировал ту пластину? Не только из-за того, что вся ситуация – поздний час, лунное сияние – так напоминала сон, что правила и последствия как будто исчезли. Не только из-за того, что при виде своего двойника засомневался в реальности происходящего. Он почувствовал какой-то глубинный порыв, который не мог объяснить.

– Просто мне показалось, что так будет правильно.

– И ты разве не понимал, что помогаешь шайке грабителей?

– Я знал, что вы воры, – ответил Робин. – Просто... Не считал, что вы делаете что-то неправильное.

– На твоём месте я бы доверился своему чутью, – сказал Гриффин. – Поверь мне. Поверь, что мы поступаем правильно.

– В каком смысле правильно? – не унимался Робин. – С твоей точки зрения? Для чего все это?

Гриффин улыбнулся. Особенной, снисходительной улыбкой, и эта маска добродушия не коснулась глаз.

– Вот теперь ты задал верный вопрос.

Они сделали круг и снова оказались на Банбери-роуд. Перед ними стояла стена зелени университетского парка, и у Робина мелькнула надежда, что они срежут на юг к Паркс-роуд, потому что вечер был холодный, но Гриффин повел его на север, ещё дальше от центра города.

– Ты знаешь, для чего в этой стране в основном используют пластины?

– В медицинской практике? – выдвинул предположение Робин.

– Ха! Похвальное предположение. Нет, их используют для украшений гостиных. Да, именно так, в будильниках, которые кукарекают как петухи, в светильниках, которые становятся более яркими или тусклыми по голосовой команде, в меняющих цвет шторах и тому подобном. Потому что это забавно и английская аристократия может себе это позволить, а когда богатый англичанин чего-то хочет, он это получает.

– Ладно. Но просто потому, что Вавилон продает пластины, соответствующие популярным запросам...

– А хочешь узнать, каковы второй и третий по величине источники доходов Вавилона? – прервал его Гриффин.

– От юристов?

– Нет. От закупок армии, как государственной, так и частных. И от работорговцев. Юристы в сравнении с этим приносят гроши.

– Это... это невозможно.

– Но именно так и устроен мир. Давай я нарисую тебе картину, братец. Как ты уже наверняка заметил, Лондон расположен в центре обширной и постоянно растущей империи. Единственный и самый важный фактор, способствующий этому росту, зовется Вавилоном. Вавилон собирает не только серебро, но также иностранные языки и чужеземные таланты, используя их, чтобы творить магию перевода, которая способствует процветанию Англии и только Англии. Львиная доля серебряных пластин всего мира находится в Лондоне. Новейшие и самые мощные пластины написаны на китайском, санскрите и арабском, но в странах, где говорят на этих

языках, не найти и тысячи пластин, да и те лишь в домах богатых и влиятельных. А это неправильно. Это хищничество. Фундаментальная несправедливость.

Гриффин имел привычку подчеркивать каждую фразу взмахом ладони, словно дирижер, раз за разом показывающий одну и ту же ноту.

– Но как такое произошло? – продолжил он. – Как вся сила иностранных языков сосредоточилась в Англии? Это не случайность, а намеренная эксплуатация иностранной культуры и зарубежных ресурсов. Профессора любят делать вид, будто башня – это убежище чистого знания, что она стоит выше будничных забот экономики и торговли, но это не так. Она неразрывно вплетена в ткань колониализма. Она и есть основа колониализма. Задай себе вопрос, почему литературный факультет переводит только на английский, а не с него, или зачем переводчиков посылают за границу. Все в Вавилоне поставлено на службу расширения империи. Только подумай: сэр Хорас Уилсон, первым в истории Оксфорда возглавивший кафедру санскрита, половину времени тратит на обучение христианских миссионеров. Цель всего этого – накапливать серебро. Мы владеем серебром, потому что выманиваем его у других стран путем манипуляций или угроз и заключаем торговые сделки, которые обеспечивают приток денег на родину. И обеспечиваем соблюдение этих торговых сделок с помощью тех самых серебряных пластин с выгравированными в Вавилоне надписями, благодаря которым наши корабли быстрее, солдаты выносливее, а пушки смертоноснее. Это порочный круг наживы, и если какая-то внешняя сила не разорвет его, рано или поздно Британия будет обладать всем мировым богатством. Мы и есть та внешняя сила. Гермес. Мы раздаем серебро людям, сообществам и поселениям, потому что они его заслужили. Мы помогаем восстаниям рабов. Движению сопротивления. Мы берем серебряные пластины, предназначенные для чистки салфеток, и используем их для лечения болезней. – Гриффин замедлил шаг, обернулся и посмотрел Робину в глаза. – Вот для чего все это.

Робин не мог не признать, что это самая убедительная в мире теория. Только, похоже, она затрагивала все, что ему дорого.

– Я... я понял.

– Так почему сомневаешься?

И действительно, почему? Робин попытался разобраться в своем смятении, найти причину для опасений, не сводящуюся к одному лишь страху. Но дело было именно в нем – Робин боялся последствий, боялся разрушить величественную иллюзию Оксфорда, в который ему удалось поступить, хотя Гриффин только что испоганил эту иллюзию, не дав ей в полной мере насладиться.

– Все это так внезапно, – пробормотал Робин. – И мы только что встретились, я многого еще не знаю.

– Этим и отличаются тайные общества, – сказал Гриффин. – Их так легко романтизировать. Тебе кажется, что процесс ухаживания будет долгим – тебя будут обольщать, откроют двери в новый мир, покажут все рычаги и людей, приводящие механизм в действие. Если ты составил впечатление о тайных обществах только по романам и дешевым пьесам, то наверняка ждешь особых ритуалов, паролей и тайных встреч на заброшенных складах. Но все происходит не так, братец. Это не дешевая пьеска. Реальная жизнь запутанна, полна страхов и неопределенности. – Тон Гриффина смягчился. – Тебе следует осознать – то, о чем я прошу, очень опасно. Люди умирают за эти пластины, я сам видел смерть своих друзей из-за них. Вавилон с радостью нас растопчет, и лучше тебе не знать, что происходит с членами общества Гермеса, которые попадают им в руки. Мы существуем только потому, что у нас нет единого центра. Мы не держим всю информацию в одном месте. Поэтому я не могу попросить тебя выделить время, чтобы ее изучить. Я прошу тебя рискнуть только на основании моих доводов.

Робин впервые отметил, что Гриффин уже не так уверен в себе, не такой грозный, несмотря на быструю дробь слов. Он дрожал на пронизывающем осеннем ветру, сунув руки в

карманы и ссутулившись. И заметно нервничал. Он дергался, и ерзал, и всякий раз, закончив предложение, озирался через плечо. Робин был смущен и взбудоражен, а Гриффин напуган.

– Так и должно быть, – настаивал Гриффин. – Минимум информации. Быстрые решения. Я с удовольствием покажу тебе свой мир, обещаю, ведь одному совсем не весело, но факт остается фактом – ты студент Вавилона, и мы знакомы меньше одного дня. Быть может, придет время, и я доверюсь тебе во всем, но лишь когда ты покажешь себя, а у меня не будет других вариантов. А пока я расскажу тебе, чем мы занимаемся и что нам от тебя нужно. Ты к нам присоединишься?

Встреча подходит к концу, понял Робин. Его попросили принять окончательное решение, и, как подозревал Робин, если он откажется, Гриффин просто растворится в ночи, исчезнет из известного Робину Оксфорда, и придется только гадать, не вообразил ли он все эти события.

– Я хочу... Честное слово, хочу, но пока не... Мне просто нужно время подумать. Прошу тебя.

Он знал, что ответ расстроит Гриффина. Но Робин был в ужасе. Его как будто подвели к краю пропасти и велели прыгать без страховки. Он чувствовал себя как семь лет назад, когда профессор Ловелл положил перед ним договор и спокойно попросил подписать, изменив свое будущее. Только тогда у Робина ничего не было, поэтому и терять было нечего. На этот раз у него было все – пища, одежда, кров – и никаких гарантий выживания, если согласится.

– Ладно, даю пять дней, – сказал Гриффин. Выглядел он сердитым, но не стал его бранить. – У тебя пять дней. В саду Мертон-колледжа есть одинокая береза, ты сразу ее заметишь. Если согласен, до субботы нацарапай на ее стволе крест. А если не согласен, то можешь не трудиться.

– Всего пять дней?

– Если к тому времени ты не разберешься, то толку от тебя не будет. – Гриффин хлопнул его по плечу. – Найдешь дорогу домой?

– Я... Вообще-то нет.

Робин не смотрел по сторонам и понятия не имел, где они находятся. Дома остались позади, и вокруг бушевала зелень.

– Мы в Саммертауне. Красивое место, хотя и скучноватое. За этим леском Вудсток. Сверни налево и иди на юг, пока не увидишь знакомые места. Расстанемся здесь. Пять дней.

Гриффин собрался уходить.

– Погоди... А как я тебя найду? – спросил Робин.

Когда расставание стало выглядеть неизбежным, Робин почему-то хотел его оттянуть. Он вдруг испугался, что если Гриффин скроется из вида, то исчезнет навсегда и все это окажется сном.

– Я же сказал – никак. Если на дереве будет крест, я сам тебя найду. Это будет моя страховка на случай, если ты доносчик.

– И что мне делать до этого времени?

– В каком смысле? Ты ведь студент Вавилона. Так и води себя соответственно. Ходи на занятия. Напивайся и устраивай драки. Хотя нет, ты слишком мягкотелый. Не впутывайся в драки.

– Я... Ладно. Хорошо.

– Это все?

Это все? Робин чуть не рассмеялся. У него были тысячи вопросов, хотя вряд ли Гриффин на них ответил бы. Но Робин рискнул задать всего один.

– Он о тебе знает?

– Кто?

– Наш... профессор Ловелл.

– А. – На этот раз Гриффин не отбарабанил ответ немедленно. Теперь он задумался, прежде чем ответить. – Точно не знаю.

Это удивило Робина.

– Не знаешь?

– Я ушел из Вавилона после третьего курса, – тихо произнес Гриффин. – И с самого первого вступил в общество Гермеса, но учился, как и ты. Потом кое-что случилось, и это стало небезопасно, тогда я пустился в бега. И с тех пор я... – Он умолк, а потом откашлялся. – Но это к делу не относится. Тебе нужно знать только одно: не стоит упоминать мое имя за ужином.

– Это и так очевидно.

Гриффин развернулся, помедлил и повернулся обратно.

– И еще кое-что. Где ты живешь?

– Что? В универе... Мы все живем в Университетском колледже.

– Это я знаю. В какой комнате?

Робин покраснел.

– Дом четыре по Мэгпай-лейн, комната семь. Дом с зеленой крышей. Я в самом углу. Окна выходят на часовню Ориела.

– Я знаю, где это. – Солнце давно село. Робин больше не видел лица Гриффина, полу-скрытого в тени. – Раньше это была моя комната.

Глава 6

– Когда я беру слово, оно означает то, что я хочу, не больше и не меньше, – сказал Шалтай презрительно.

– Вопрос в том, подчинится ли оно вам, – сказала Алиса.

– Вопрос в том, кто из нас здесь хозяин, – сказал Шалтай-Болтай.

Льюис Кэрролл. Алиса в Зазеркалье

Ознакомительный курс по теории перевода профессор Плейфер читал утром по вторникам на пятом этаже башни. Едва студенты успели сесть, как он начал говорить, наполнив узкую аудиторию раскатистым голосом человека, привыкшего к публичным выступлениям.

– К этому моменту каждый из вас свободно владеет как минимум тремя языками, что само по себе подвиг. Однако сегодня я постараюсь произвести на вас впечатление уникальной сложностью перевода. Подумайте, как трудно просто сказать слово «здравствуйте». Казалось бы, поздороваться – это так просто! Бонжур. Чао. Нихао. И так далее, и так далее. Но, скажем, мы переводим с итальянского на английский. В итальянском языке *сiao* может использоваться при приветствии или при расставании – оно не указывает ни на то ни на другое, а просто используется по этикету. Оно происходит от венецианского *s-ciào vostro*, что означает что-то вроде «ваш покорный слуга». Но я отвлекаюсь. Дело в том, что, когда мы переводим *сiao* на английский, например, в сцене, когда персонажи расстаются, нужно учесть, что *сiao* было сказано на прощание. Иногда это очевидно из контекста, а иногда нет, и нам приходится добавить в перевод новые слова. Итак, все уже сложно, а мы еще только на этапе приветствия. Первый урок, который усваивает любой хороший переводчик, заключается в том, что между словами или даже понятиями одного языка и другого не существует точного соответствия. Швейцарский филолог Иоганн Брейтингер, утверждавший, что языки – это всего лишь «наборы эквивалентных слов и выражений, которые взаимозаменяемы и полностью соответствуют друг другу по смыслу», страшно ошибался. Язык не похож на математику. И даже математика различается в зависимости от языка³², но к этому мы вернемся позже.

Робин всматривался в лицо профессора Плейфера, пока тот говорил. Он сам толком не знал, что пытается найти. Быть может, отпечаток чего-то недоброго. Жестокого, эгоистичного чудовища, затаившегося внутри, которое нарисовал Гриффин. Но профессор Плейфер выглядел добродушным, улыбчивым ученым, влюбленным в красоту слов. Да, при дневном свете в этой аудитории теория заговора Гриффина казалась смехотворной.

– Язык – это не набор универсальных понятий, – продолжил профессор Плейфер. – Если бы это было так, переводом мог бы заниматься любой – мы бы просто усадили полный класс розовощеких первокурсников за словари и в два счета заполнили полки трудами Будды. Нет, мы должны научиться танцевать между вековой дихотомией, которую разъяснили Цицерон и Иероним: *verbum e verbo* и *sensum e sensu*. Может ли кто-нибудь...

– Слово за словом, – поспешила ответить Летти. – И смысл за смыслом.

– Хорошо, – отозвался профессор Плейфер. – Это и есть дилемма. Брать ли в качестве единицы перевода слова или подчинить точность отдельных слов общему духу текста?

– Я не понимаю, – сказала Летти. – Разве точный перевод отдельных слов не выльется в итоге в столь же точный перевод всего текста?

³² Это правда. Математика тесно вплетена в культуру. Возьмем систему счисления. Не во всех языках десятичная система. Или геометрия – концепцию пространства евклидовой геометрии разделяют не все. Один из величайших интеллектуальных сдвигов в истории связан с переходом от римских цифр к более элегантным арабским, поскольку позиционная система счисления и понятие нуля, означающего ничто, сделали возможными новые формы устного счета. Старые привычки умирают с трудом: в 1299 году во Флоренции торговцам запретили использовать как ноль, так и арабские цифры («Следует писать открыто и полностью по буквам»).

– Так могло бы быть, если бы, как я уже говорил, существовало точное соответствие между словами в каждом языке. Но его нет. Слова *schlecht* и *schlimm* в немецком языке означают «плохой», но как понять, когда использовать то или другое? Когда использовать *fleuve* или *rivière* во французском языке, означающие реки? Как перевести французское *esprit* на английский? Мы должны не просто переводить каждое слово само по себе, а вызвать у читателя чувство, что они органично встраиваются в текст. Но как это сделать, если языки действительно настолько разные? Эти различия нетривиальны – Эразм написал целый трактат о том, почему он перевел греческое *logos* как латинское *sermo* в своем переводе Нового Завета. Дословный перевод совершенно не годится.

– Отринь же путь раба и не цепляйся за слова, – продекламировал Рами.

– Ты благородней будь, найди за словом суть, – закончил цитату профессор Плейфер. – Джон Денхэм. Отлично, мистер Мирза. Как видите, переводчики не просто доносят послание, а переписывают оригинал. В этом и трудность. Переписывать – значит писать, а сочинение всегда отражает личные склонности и мировоззрение автора. В конце концов, не случайно на латыни *translatio* означает как «переводить слова», так и «переводить через что-то». Перевод в буквальном смысле подразумевает перемещение текстов в пространстве, через покоренную территорию, и слова доставляются как пряности из чужих земель. Когда слова переходят из римских дворцов в чайные современной Британии, они меняют смысл. И это мы еще не вышли за рамки лексики. Если бы перевод заключался только в поиске верных тем, верных общих идей, то теоретически мы могли бы в конечном итоге четко выяснить смысл. Но кое-что мешает – синтаксис, грамматика, морфология и орфография, все то, что составляет костяк языка. Рассмотрим стихотворение Генриха Гейне «Ein Fichtenbaum». Оно короткое, и его смысл довольно прост для понимания. Сосна, тоскующая по пальме, олицетворяет томление мужчины по женщине. Однако перевести его на английский оказалось дьявольски сложно, потому что в английском нет категории рода, в отличие от немецкого. Поэтому нет возможности передать противопоставление мужского рода *ein Fichtenbaum* и женского *einer Palme*. Понимаете? Поэтому приходится смириться с неизбежностью искажения. Задача заключается в том, чтобы исказить правильно.

Он похлопал по лежащей на столе книге.

– Вы же все прочитали Тайтлера?

Они кивнули. Накануне им задали прочитать вступительную главу «Принципов перевода» лорда Александра Фрейзера Тайтлера Вудхаусли.

– Значит, вы знаете, что Тайтлер рекомендовал опираться на три базовых принципа. Каких, мисс Деграв?

– Первый – перевод передает полную и точную идею оригинала, – ответила Виктуар. – Второй – перевод отражает стиль и манеру письма оригинала. И третий – перевод должен читаться с легкостью оригинальной композиции.

Она говорила с такой уверенностью, как будто читала книгу. Робин был потрясен, когда обернулся и увидел, что она смотрит в пространство. Рами тоже обладал превосходной памятью, и Робин почувствовал легкое смещение в таком обществе.

– Очень хорошо, – сказал профессор Плейфер. – Это самые базовые принципы. Но что мы понимаем под «стилем и манерой» оригинала? Что значит легкость чтения композиции? Какую аудиторию мы имеем в виду, выставляя эти требования? Все эти вопросы мы рассмотрим в течение этого триместра, эти завораживающие вопросы. – Он скрестил руки на груди. – Позвольте еще раз проявить эмоции при разговоре о нашем тезке, Вавилоне. Да, дражайшие студенты, я не могу не видеть романтизм этого учреждения. Прошу меня простить.

Но тон был совсем не извиняющимся. Профессор Плейфер любил драматизм и мистицизм и наверняка отрепетировал свою речь за многие годы преподавания. Но никто не жаловался. Всем это нравилось.

– Часто утверждают, что самая большая трагедия в Старом Завете – это не изгнание человека из райского сада, а падение Вавилонской башни. Ведь Адам и Ева, пусть и лишенные благодати, по-прежнему могли говорить и понимать язык ангелов. Но когда люди в своей гордыне решили построить путь на небо, Бог посрамил их и лишил взаимопонимания. Он разделил их, запутал и рассеял по земле. В Вавилоне было утеряно не только единство человечества, но и прамировой язык – нечто первозданное и врожденное, понятное и совершенное по форме и содержанию. Библейские ученые называют его адамическим языком. Некоторые считают, что это иврит. А некоторые полагают, что это реальный древний язык, ныне утерянный. Некоторые считают, что это новый, искусственный язык, который мы должны изобрести. А кто-то думает, что эту роль играет французский; и, быть может, им станет английский, когда прекратит заимствовать и трансформироваться.

– Ну, с этим-то все как раз просто, – заявил Рами. – Это сирийский.

– Очень смешно, мистер Мирза.

Робин не понял – может, Рами и впрямь пошутил, но больше никто ничего не сказал. Профессор Плейфер двинулся дальше.

– Однако для меня имеет значение не то, каким был адамический язык, ведь совершенно очевидно, что мы утратили к нему доступ. Мы никогда не заговорим на божественном языке. Но, собирая все мировые языки под этой крышей, весь спектр человеческих фраз, насколько это вообще возможно, мы можем попытаться. Мы никогда не доберемся до небес из мира смертных, но наше разделение небесноконечно. Оттачивая искусство перевода, мы можем достичь того, что человечество утратило в Вавилоне.

Профессор Плейфер вздохнул, тронутый собственной речью. Робину показалось, что в уголках глаз профессора блеснули подлинные слезы.

– Волшебство. – Профессор Плейфер прижал руку к груди. – Мы творим здесь магию. Вам не всегда будет так казаться – в конце концов, сегодняшнее упражнение будет больше похоже на раскладывание белья по полочкам, чем на нечто эфемерное. Но никогда не забывайте, к чему вы стремитесь. Никогда не забывайте, что вы бросаете вызов проклятию, наложенному самим Господом.

Робин поднял руку.

– Значит ли это, что наша цель в том числе сплотить человечество?

Профессор Плейфер вздернул подбородок.

– В каком смысле?

– Я только... – Робин запнулся. Он понял, как глупо это прозвучало, как детская фантазия, а не серьезный вопрос студента. Летти и Виктуар нахмурились, глядя на него, даже Рами поморщился. Робин попробовал еще раз – он знал, о чем хочет спросить, только не мог элегантно составить фразу. – Ну, ведь в Библии Бог разделил человечество. И я задумался: что, если цель перевода – снова объединить его? Может, мы переводим для того, чтобы... к примеру, снова вернуть тот рай на земле, мир между народами?

Профессор Плейфер выглядел ошарашенным. Но его лицо быстро расплылось в сияющей улыбке.

– Ну разумеется! Такова и есть задача империи, и поэтому мы переводим для королевского двора.

По понедельникам, четвергам и пятницам у них были языковые занятия, которые после лекции профессора Плейфера казались надежной, твердой почвой.

Три раза в неделю все четверо занимались латынью, вне зависимости от специализации. На этом этапе все, кто не специализировался на классической литературе, могли забросить греческий. Латынь преподавала профессор Маргарет Крафт, не особо отличавшаяся от профессора Плейфера. Она редко улыбалась и читала лекции без эмоций и по памяти, ни разу

не взглянув на свои записи, хотя перелистывала их по ходу речи, как будто давно запомнила нужное место на странице. Она не спрашивала имен и обращалась к студентам, тыча пальцем, с холодным, резким «вы». Поначалу она казалась совершенно лишенной чувства юмора, но когда Рами прочитал вслух колкость Овидия – *fugiebat enim*, «ибо она бежала», после того как Иов умолял Ио не бежать, разразилась приступом девичьего смеха, от которого стала выглядеть лет на двадцать моложе, как их сверстница и студентка. Однако через мгновение маска вернулась на место.

Робину профессор Крафт не нравилась. Говорила она с неуклюжим, неестественным ритмом, делая неожиданные паузы, из-за чего трудно было следить за ее рассуждениями и два часа занятий тянулись целую вечность. Летти, однако, она приводила в восторг. Та смотрела на профессора Крафт с сияющим восхищением. Когда после занятия они вышли из аудитории, Робин остановился у двери, дожидаясь, пока Летти соберет свои вещи, чтобы всем вместе пойти в буфет. Но вместо этого Летти подошла к столу профессора Крафт.

– Профессор, я могу с вами поговорить?

Профессор Крафт встала.

– Занятие окончено, мисс Прайс.

– Конечно, но я хотела попросить вас уделить минутку, если у вас есть свободное время. Ну, то есть как женщина в Оксфорде... В смысле, здесь нас немного, и я надеялась услышать ваш совет...

Робин понял, что ему не стоит слушать их разговор, и решил поступить как джентльмен, но не успел он выйти на лестницу, как воздух прорезал ледяной голос профессора Крафт:

– В Вавилоне не ущемляют женщин. Просто слишком мало представительниц нашего пола интересуются языками.

– Но вы единственная женщина-профессор в Вавилоне, и мы, то есть все девушки, считаем это потрясающим, вот я и хотела...

– Узнать, как так получилось? Тяжелый труд и прирожденный талант. Вы и так это знаете.

– Для женщин все по-другому, и вы наверняка испытывали...

– Когда я найду подходящую тему для занятий, мы обсудим ее в аудитории, мисс Прайс. Но сегодняшнее занятие окончено. И теперь вы злоупотребляете моим временем.

Робин поспешил повернуть за угол и спуститься по винтовой лестнице, прежде чем его увидит Летти. Когда она села с тарелкой в буфете, Робин увидел, что уголки ее глаз покраснели. Но сделал вид, что ничего не заметил, а Рами с Виктуар тоже промолчали.

В среду днем у Робина был урок китайского, только для него одного. Он почти ожидал увидеть в аудитории профессора Ловелла, но вместо этого его наставником оказался профессор Ананд Чакраварти, потрясающий и сдержанный человек, говорящий по-английски с таким безупречным лондонским акцентом, как будто вырос в Кенсингтоне.

Урок китайского кардинально отличался от латыни. Профессор Чакраварти не читал лекцию и не просил Робина приводить цитаты. Он провел урок в форме разговора. Задавал вопросы, а Робин старался на них ответить, и оба разбирали его ответ.

Начал профессор Чакраварти с таких примитивных вопросов, что Робин поначалу не считал их даже достойными ответа, пока не уловил двойное дно и не осознал, что они лежат за границами его понимания. Что такое слово? Какова наименьшая единица смысла и чем она отличается от слова? Отличается ли слово от иероглифа? В чем китайская речь отлична от китайской письменности?

Это было странное занятие – анализировать и разбирать язык, который Робин вроде бы знал как свои пять пальцев, учиться классифицировать слова по идеограммам и пиктограммам, запоминать кучу новых терминов, в основном связанных с морфологией или орфографией. Он как будто рыл туннель в глубины собственного разума, разламывал слова на части, чтобы понять, как они работают, и это одновременно интриговало и тревожило.

А потом начались трудные вопросы. Какие китайские слова можно проследить до узнаваемых изображений? А какие нельзя? Почему иероглиф «женщина» (#) также является основой для слова «рабство»? И для слова «хороший»?

– Я не знаю, – признался Робин. – А почему? Неужели все женщины хорошие и рабыни?

Профессор Чакраварти пожал плечами.

– Я и сам не знаю. На эти вопросы мы с Ричардом до сих пор пытаемся ответить. Как видите, мы еще далеки от достойного издания китайской «Грамматики». Когда я учил китайский, у меня не было хороших англо-китайских словарей, приходилось пользоваться французскими изданиями – «Грамматиками» Абея-Ремюза и Фурмона. Можете себе представить? Китайский и французский у меня до сих пор ассоциируются с головной болью. Но теперь мы значительно продвинулись вперед.

И тут Робин понял, какое место здесь занимает. Он был не просто студентом, а коллегой, редким носителем языка, способным расширить границы существующих в Вавилоне знаний. «А может, серебряным рудником, который собираются разграбить», – раздался у него в голове голос Гриффина, хотя Робин отмел эту мысль.

По правде говоря, его приводило в восторг то, что он может внести свой вклад в создание «Грамматики». Но ему еще многое предстояло узнать. Вторая половина занятия была посвящена чтению на классическом китайском, которым Робин занимался с профессором Ловеллом, но не систематически. Классический китайский относился к простонародному мандаринскому как латынь к английскому: можно догадаться о сути фразы, но невозможно интуитивно ухватить грамматические правила без усердного чтения. Пунктуация была игрой в угадку. Существительные могли вдруг стать глаголами, когда им этого хотелось. Часто иероглифы имели разные и противоречивые значения, любое из которых предполагало несколько равнозначных интерпретаций: иероглиф #, например, мог означать как «ограничивать», так и «большой, значительный».

В тот день они занимались «Ши-цзин» – «Книгой песен», созданной в настолько далеком от современного Китая контексте, что даже читатели эпохи Хань сочли бы ее написанной на иностранном языке.

– Предлагаю на этом прерваться, – сказал профессор Чакраварти после двадцатиминутного обсуждения иероглифа #, который в большинстве случаев означал отрицание «не» или «нет», но в данном случае, похоже, использовался в качестве похвалы, что никак не пересекалось с тем, что Робин знал об этом слове. – Как я подозреваю, придется оставить этот вопрос открытым.

– Но я не понимаю, – раздраженно сказал Робин. – Почему мы не можем просто узнать? Спросить кого-нибудь? Разве мы не можем поехать в исследовательскую экспедицию в Китай?

– Мы могли. Но все усложнилось, когда император Цин ввел смертную казнь в качестве наказания тем, кто будет учить иностранцев китайскому. – Он похлопал Робина по плечу. – Так что приходится довольствоваться тем, что имеем. Вы – наше сокровище.

– Здесь разве нет никого другого, кто говорит по-китайски? – удивился Робин. – Я что, единственный студент?

На лице профессора Чакраварти появилось странное выражение. Предполагалось, что Робин не знает про Гриффина, как он тут же понял. Вероятно, профессор Ловелл взял со всех других профессоров факультета обещание держать это в тайне, может, Гриффина и вовсе не существовало по официальным документам.

И все же Робин не мог не надавить.

– Я слышал, что был еще один студент, за несколько лет до меня. И тоже с побережья.

– О да, полагаю, был. – Профессор Чакраварти беспокойно забарабанил пальцами по столу. – Приятный юноша, хотя не такой усердный, как вы. Гриффин Харли.

– Был? И что с ним случилось?

– Ну, это печальная история. Он скончался. Перед четвертым курсом. – Профессор Чакраварти потер висок. – Он заболел во время исследовательской экспедиции и так и не вернулся домой. Такое случается сплошь и рядом.

– Да?

– Да, всегда есть определенный... профессиональный риск. Видите ли, приходится много путешествовать. Издержки неизбежны.

– Но я по-прежнему не понимаю, – сказал Робин. – Наверняка есть китайские студенты, которые горят желанием учиться в Англии.

Пальцы профессора Чакраварти забарабанили по дереву быстрее.

– Да, конечно. Но, во-первых, дело в верности государственным интересам. Не дело готовить ученых, которые в любой момент могут сбежать домой, к правительству империи Цин, знаете ли. Во-вторых, Ричард считает, что... в общем, что требуется соответствующее воспитание.

– Как, например, мое?

– Как ваше. А иначе, по мнению Ричарда, у китайцев возникают определенные склонности... – Робин отметил, что профессор Чакраварти часто упоминает профессора Ловелла. – Короче говоря, он не думает, что китайские студенты здесь приживутся.

Низший, нецивилизованный народ.

– Понятно.

– Но к вам это не относится, – поспешил добавить профессор Чакраварти. – Вы получили достойное воспитание и все такое. Вы исключительно трудолюбивы, и не думаю, что возникнут какие-то проблемы.

– Да. – Робин сглотнул комок в горле. – Мне очень повезло.

В субботу, через неделю пребывания в Оксфорде, Робин отправился на север: ужинать со своим опекуном.

Оксфордский дом профессора Ловелла был бледной тенью поместья в Хампстеде. Чуть меньше и всего лишь со скромным садом позади дома и небольшим палисадником вместо обширного массива зелени, однако все равно выглядел гораздо богаче, чем мог позволить профессор на свое жалованье. Перед дверью выстроились в ряд деревья с сочными красными вишнями, хотя осень совсем не сезон для вишен. Робин подозревал, что если нагнется и осмотрит траву у корней, то обнаружит в почве серебряные пластины.

Едва он успел позвонить в звонок, как появилась миссис Пайпер, смахнула листья с его сюртука и повернула туда-сюда, разглядывая тощую фигуру.

– Мальчик мой! Боже милосердный, ты уже так исхудал...

– Еда там ужасна, – сказал он. На лице Робина расплылась широкая улыбка: он и не осознавал, до чего соскучился. – Как вы и говорили. Вчера на ужин была селедка...

– Нет, – охнула она.

– ...холодная говядина...

– Нет!

– ...и черствый хлеб.

– Это бесчеловечно! Но не волнуйся, я наготовила достаточно, чтобы все возместить. – Она похлопала его по щекам. – А как вообще университетская жизнь? Тебе понравилось носить эти широченные черные мантии? Завел друзей?

Робин уже собирался ответить, но тут по лестнице спустился профессор Ловелл.

– Здравствуй, Робин, – сказал он. – Проходи. Миссис Пайпер, его сюртук... – Робин снял сюртук и вручил его миссис Пайпер, которая неодобрительно посмотрела на заляпанные чернилами рукава. – Как продвигается обучение?

– Непросто, как вы и предупреждали. – Заговорив, Робин почувствовал себя старше, а голос как будто огрубел. Он уехал из дома всего неделю назад, но как будто прошла целая вечность, и теперь он стал уже не мальчиком, а юношей. – Однако это приятно. Я многому научился.

– Профессор Чакраварти говорит, что ты внес неплохой вклад в «Граматику».

– Не настолько большой, как мне хотелось бы, – ответил Робин. – Я понятия не имею, для чего существуют некоторые частицы в классическом китайском. Половину времени мы переводим почти наугад.

– Я ощущаю то же самое уже десятилетия. – Профессор Ловелл махнул рукой в сторону столовой. – Пойдем ужинать?

Они как будто вернулись обратно в Хампстед. Длинный стол был накрыт в точности так, как привык Робин, они с профессором Ловеллом сидели на противоположных концах, а справа от Робина висела картина, на этот раз с изображением Темзы, а не Брод-стрит в Оксфорде. Миссис Пайпер налила им вина и, подмигнув Робину, скрылась на кухне.

Профессор Ловелл поднял бокал, глядя на Робина, и выпил.

– Ты занимаешься теорией с Джеромом и латынью с Маргарет, верно?

– Да. Мне нравится. – Робин глотнул вина. – Хотя профессор Крафт читает лекции так, будто находится в пустой аудитории, а профессор Плейфер явно мог бы с успехом выступать на театральных подмостках.

Профессор Ловелл хихикнул. Робин невольно улыбнулся, потому что никогда прежде ему не удавалось рассмешить опекуна.

– Он рассказывал про Псамметиха?

– Да. Все это случилось на самом деле?

– Кто знает, но об этом нам поведал Геродот, – ответил профессор Ловелл. – У Геродота есть еще одна хорошая история, и тоже про Псамметиха. Фараон хотел определить, какой язык лежит в основе всех земных языков, поэтому отдал двух новорожденных на воспитание, строго приказав, чтобы им не позволяли слышать человеческую речь. Через некоторое время младенцы начали что-то лепетать, как все дети. Однажды ребенок протянул ручки к воспитателю и воскликнул: «Бекос!», что на фригийском означает «хлеб». Поэтому Псамметих решил, что фригийцы были первым народом на земле, а фригийский – первый язык. Занятная история, не правда ли?

– Предполагаю, что никто не принял его аргументы, – сказал Робин.

– Нет, благодарение небесам.

– Но могло бы из этого выйти что-то путное? – спросил Робин. – Можем ли мы узнать что-либо из детского лепета?

– Насколько мне известно, нет. Проблема в том, что детей невозможно изолировать от человеческой речи, если воспитывать их как обычных детей. Возможно, было бы любопытно купить ребенка и посмотреть, но... Пожалуй, нет. – Профессор Ловелл наклонил голову. – Хотя любопытная мысль – существование прамирового языка.

– Профессор Плейфер упоминал что-то подобное, – сказал Робин. – Идеальный, природный и неиспорченный язык. Адамический.

Теперь, проведя некоторое время в Вавилоне, Робин говорил с профессором Ловеллом увереннее. У них появилось кое-что общее, они могли разговаривать как коллеги. Ужин уже казался не допросом, а непринужденной беседой двух ученых, исследующих одну и ту же завораживающую область знаний.

– Адамический язык, – скривился профессор Ловелл. – Не понимаю, зачем он забивает ваши головы этой чушью. Очевидно же, что это метафора, но периодически находится какой-нибудь недоучка, который решает открыть адамический язык в протоиндоевропейском или

изобретает собственный, и всякий раз приходится несколько недель сурово втолковывать ему, что он не прав, пока не образумится.

– Вы считаете, что прамирового языка не существует? – спросил Робин.

– Конечно, не существует. Самые набожные христиане считают, что он есть, но если бы Святое слово было прирожденным и однозначным, то споров о его содержании было бы меньше. – Он покачал головой. – Некоторые ученые считают, что адамическим языком может стать английский, поскольку поддерживается достаточной военной мощью, чтобы уверенно вытеснить конкурентов, но тогда следует вспомнить, что всего столетие назад Вольтер заявил, что универсальным языком является французский. Это было, конечно, до Ватерлоо. Вебб и Лейбниц однажды предположили, что китайский язык, возможно, и впрямь когда-то был универсально понятным благодаря своей идеограмматической природе, но Перси опровергает это, утверждая, что китайский произошел от египетских иероглифов. Я хочу лишь сказать, что все это условно. Доминирующие языки могут сохранять силу даже после того, как армии приходят в упадок – португальский, например, который уже давно отжил свое, – но в конечном счете они всегда теряют актуальность. Думаю, существует чистая область смысла – промежуточный язык, где все понятия выражены идеально, к чему мы пока не сумели приблизиться. Когда возникает чувство, что мы поняли все правильно.

– Как у Вольтера, – сказал Робин, расхрабрившись от вина и преисполнившись энтузиазма, когда сумел вспомнить подходящую цитату. – Как он писал в предисловии к своему переводу Шекспира. «Я пытался воспарить вместе с автором – там, где воспарил он».

– Именно так, – согласился профессор Ловелл. – Но как там сказал Фрир? «Мы считаем, что язык перевода должен, насколько это возможно, быть чистым, неосязаемым и невидимым элементом, средой для мысли и чувства, и ничем более». Но ведь все, что мы знаем о мысли и чувстве, выражается посредством языка, верно?

– В этом и заключается сила серебряных пластин? – спросил Робин. Смысл беседы начал от него ускользать, Робин чувствовал, что не готов последовать за профессором Ловеллом в глубины его теорий и нужно поскорее вернуться к материальному, пока он окончательно не заблудился. – Они улавливают этот чистый смысл, размывающийся, когда мы пытаемся определить его с помощью грубого приближения?

Профессор Ловелл кивнул.

– Это наиболее близкое теоретическое объяснение. Но я также думаю, что по мере того как языки развиваются вместе с говорящими на них, усложняются и обогащаются опытом, по мере того как впитывают в себя разные понятия, растут и изменяются, чтобы со временем охватить еще больше, мы подходим к чему-то близкому к этому языку. Становится меньше возможностей для недопонимания. И мы только начинаем разбираться, что это значит для работ с серебром.

– Полагаю, это значит, что романским языкам скоро нечего будет сказать.

Робин пошутил, но профессор Ловелл энергично кивнул.

– Ты совершенно прав. На факультете доминируют французский, итальянский и испанский, но из года в год они приносят все меньше прибыли серебряных дел мастерам. На континенте просто слишком много общения. Слишком много заимствованных слов. Понятия меняются и сближаются по мере того, как французский и испанский языки становятся ближе к английскому, и наоборот. Через десятилетия серебряные пластины с романскими языками, возможно, уже не будут иметь никакого эффекта. Нет, если мы хотим двигаться дальше, то должны обратить взор на Восток. Нам нужны языки, на которых не говорят в Европе.

– Вот почему вы занимаетесь китайским.

– Именно так, – кивнул профессор Ловелл. – Я совершенно уверен, что за Китаем будущее.

– И поэтому профессор Чакраварти пытается набрать новых учеников с разными языками?

– До тебя уже донесли сплетни о политике нашего факультета? – Профессор Ловелл хохотнул. – Да, в этом году многие негодуют, потому что мы взяли только одного студента на классическое отделение, и то женщину. Но так и должно быть. Нынешним выпускникам будет трудно найти работу.

– Если уж мы заговорили о многообразии языков, хочу спросить... – Робин откашлялся. – Куда отправляют все эти серебряные пластины? В смысле, кто их покупает?

Профессор Ловелл окинул его удивленным взглядом.

– Кто может себе это позволить, разумеется.

– Но Британия – единственное место, где я повсюду вижу серебряные пластины, – сказал Робин. – Они не настолько популярны в Кантоне или, как я слышал, в Калькутте. И это меня удивляет. Кажется немного странным, что ими пользуются только британцы, хотя основные компоненты для их работы вносят китайцы и индийцы.

– Это же простая экономика, – сказал профессор Ловелл. – Чтобы купить наш продукт, требуется немало денег. И так уж получилось, что британцы могут позволить себе покупку. Мы заключаем сделки и с торговцами из Индии и Китая, но они часто неспособны оплатить экспортные пошлины.

– Но здесь серебряные пластины есть даже в больницах и богадельнях, – возразил Робин. – У нас есть пластины, помогающие людям, которые больше всего в них нуждаются. Больше нигде в мире такого нет.

Он знал, что затеял опасную игру. Но ему нужна была ясность. Не получив четкого подтверждения, он не мог представить профессора Ловелла и его коллег своими врагами, не мог согласиться с ужасной оценкой, которую дал Вавилону Гриффин.

– Что ж, мы не можем тратить ресурсы на исследования ради легкомысленных целей, – усмехнулся профессор Ловелл.

Робин решил прибегнуть к другого рода аргументам.

– Просто... Мне кажется, должен происходить своего рода обмен. – Он сожалел о том, что так много выпил. Сейчас он чувствовал себя растерянным и уязвимым. Слишком страстным для интеллектуального спора. – Мы пользуемся их языками, их образом мыслей и описания мира. И взамен должны что-то отдавать.

– Но язык – это не товар вроде чая или шелка, который можно купить за деньги, – возразил профессор Ловелл. – Язык – бесконечный ресурс. И если мы выучим его и пользуемся, разве мы кого-то обкрадываем?

В этом была логика, но вывод беспокоил Робина. Уж конечно, все не так просто, наверняка под этим кроется принуждение или эксплуатация. Но он не мог сформулировать свои возражения, не смог определить, где изъян в этих аргументах.

– Император Цин обладает одними из самых богатых запасов серебра в мире, – сказал профессор Ловелл. – У него много ученых. Есть даже лингвисты, понимающие английский. Так почему же он не заполнит свой дворец серебряными пластинами? Почему у китайского, несмотря на все богатство этого языка, нет собственной грамматики?

– Может быть, у них нет ресурсов, чтобы начать, – предположил Робин.

– Так с какой стати нам помогать им?

– Но дело же не в этом, а в том, что они нуждаются в серебре, так почему Вавилон не пошлет ученых за границу по обмену? Почему мы не можем научить их, как это делается?

– Все государства охраняют свои самые ценные ресурсы.

– А может, охраняют знания, которые должны принадлежать всем, – сказал Робин. – Потому что если язык свободен, если знания свободны, почему все «Граматики» лежат в

башне под замком? Почему мы даже не приглашаем иностранных ученых и не посылаем ученых открывать центры перевода по всему миру?

– Потому что Королевский институт перевода служит интересам Короны.

– Это совершенно несправедливо.

– Вот как ты думаешь? – В голос профессора Ловелла закалились ледяные нотки. – Робин Свифт, ты считаешь, что мы занимаемся несправедливым делом?

– Я лишь хочу разобраться, почему серебро не могло спасти мою мать, – сказал Робин. Повисла пауза.

– Что ж, мне жаль твою мать. – Профессор Ловелл взял нож и начал резать бифштекс. Он выглядел взволнованным и расстроенным. – Но азиатская холера распространилась в результате плохой гигиенической обстановки в Кантоне, а не из-за несправедливого распределения пластин. И в любом случае ни одна серебряная пластина не способна воскресить мертвых...

– И это все объяснения? – Робин поставил бокал. Он сильно опьянел и потому был настроен воинственно. – У вас же были пластины, их легко сделать, вы сами говорили... Так почему же...

– Бога ради! – рявкнул профессор Ловелл. – Она была всего лишь женщиной.

Тренькнул дверной звонок. Робин вздрогнул, его вилка клацнула по тарелке и свалилась на пол. Он смущенно подобрал ее. Из прихожей донесся голос миссис Пайпер.

– О, вот так сюрприз! Они сейчас ужинают, я вас проведу...

И в столовую вошел привлекательный и элегантно одетый блондин с пачкой книг под мышкой.

– Стерлинг! – Профессор Ловелл отложил нож и встал, чтобы поприветствовать незнакомца. – Я думал, ты зайдешь позже.

– Закончил дела в Лондоне раньше, чем ожидал. – Стерлинг перевел взгляд на Робина и тут же застыл. – Добрый вечер.

– Здравствуйте, – смущенно ответил Робин. Он понял, что это знаменитый Стерлинг Джонс. Племянник Уильяма Джонса, звезда факультета. – Приятно познакомиться.

Стерлинг не ответил, лишь надолго задержал на нем взгляд. Его губы странно дернулись, хотя Робин не понял, что это означает.

– Бог ты мой!

Профессор Ловелл покашлял.

– Стерлинг...

Стерлинг смотрел на Робина еще несколько секунд, а потом отвернулся.

– В любом случае добро пожаловать, – сказал он слегка запоздало, поскольку уже повернулся к Робину спиной, и слова прозвучали неловко и принужденно. Он положил книги на стол. – Ты был прав, Дик, ключ в словаре Риччи. Мы не разобрались в происходящем, когда пользовались португальским. Теперь я могу собрать всю цепочку. Если соединить символы, которые я отметил, вот здесь и здесь...

Профессор Ловелл полистал страницы.

– Здесь размыто водой. Надеюсь, ты не заплатил ему полную...

– Я ничего не заплатил, Дик, я же не дурак.

– Ну, после Макао...

И они начали пылкий разговор, совершенно позабыв о Робине.

Он пьяно смотрел на них, чувствуя себя не в своей тарелке. Его щеки горели. Он не доел, но продолжать ужин сейчас казалось как-то неудобно. Кроме того, у него пропал аппетит. Прежняя уверенность исчезла. Он снова почувствовал себя глупым мальчишкой, над которым смеялись и от которого отмахивались похожие на ворон посетители в гостиной профессора Ловелла.

И он задумался над противоречием: ведь он их презирает, зная, что от них не стоит ждать ничего хорошего, но все же хочет, чтобы они уважали его и приняли в свои ряды. Его накрыла странная смесь эмоций. И он не имел ни малейшего представления, как в них разобраться.

«Но ведь мы не закончили, – хотелось ему сказать отцу. – Мы говорили о моей матери».

Грудь сдавило, сердце казалось зверем в клетке, стремящимся вырваться наружу. И это было удивительно. Ведь ничего необычного не произошло. Профессор Ловелл никогда не обращал внимания на чувства Робина, не пытался утешить, только резко менял тему и отгораживался холодной, равнодушной стеной, приуменьшал боль Робина до такой степени, что казалось несерьезным вообще о ней говорить. Робин уже привык к этому.

Только сейчас, быть может, из-за вина или так давно копившегося напряжения, что оно достигло критической точки, Робину хотелось закричать. Расплакаться. Пнуть стену. Сделать что угодно, лишь бы заставить отца посмотреть ему в лицо.

– Ах да, Робин, – вскинул голову профессор Ловелл. – Передай миссис Пайпер, что мы хотим выпить кофе.

Робин схватил сюртук и выбежал из комнаты.

Он не свернул с Хай-стрит на Мэппай-лейн.

Он пошел дальше, к Мертон-колледжу. Поздно вечером сад выглядел призрачным, искаженным, а из-за железных ворот, запертых на щеколду, тянулись, словно пальцы, черные ветви. Робин поковырялся в замке, но в итоге пролез между прутьями решетки. Он прошел несколько шагов по саду и вдруг сообразил, что понятия не имеет, как выглядит береза.

Он отошел назад и огляделся, чувствуя себя довольно глупо. И тут взгляд привлекло белое пятно – светлое дерево, окруженное кустами шелковицы, подстриженными так, что они слегка изгибались вверх, словно в знак преклонения. Из ствола белого дерева торчала выпуклость; в лунном свете она выглядела как лысая голова.

Или хрустальный шар. Почему бы и нет?

Робин представил, как его брат, похожий на ворона в своем развевающемся черном пальто, лунной ночью проводит по белой коре пальцами. Гриффину понравился бы такой спектакль.

Робин удивился, что в груди словно сжалась раскаленная пружина. Долгая отрезвляющая прогулка не умерила его гнев. Он по-прежнему был готов закричать. Неужели ужин с отцом так его разозлил? Неужели это и есть то праведное негодование, о котором говорил Гриффин? Но он ощущал не просто революционный пламя. В его сердце угнездились не решимость, а сомнения, негодование и глубокое замешательство.

Он ненавидел Оксфорд. И любил его. Он проклинал его за то, как здесь с ним обходились. Но все равно хотел стать здесь своим, потому что было так приятно ощущать себя его частью, разговаривать с профессорами на равных, включиться с большой игрой.

В голову закралась одна неприятная мыслишка: ты просто маленький мальчик с болью в сердце, вот тебе и хочется, чтобы все уделяли тебе больше внимания. Но Робин отогнал ее прочь. Уж конечно, он не настолько мелочен, он ополчился на отца не потому, что чувствовал себя отвергнутым.

Он видел и слышал достаточно. И понял, что лежит в основе Вавилона, он знал, что может доверять своему чутью.

Робин провел пальцами по дереву. Ногтями тут ничего не сделаешь. В идеале нужен нож, но у Робина не было ножа. Наконец он вытащил из кармана перьевую ручку и вонзил перо в выпуклость. Дерево поддалось. Робин несколько раз с силой царапнул по коре, чтобы крест было хорошо видно. Пальцы болели, а перо было безнадежно испорчено, но он оставил отметину.

Глава 7

Quot linguas quis callet, tot homines valet.

Сколько языков кто-нибудь знает, столько же раз он человек.

Карл V

В понедельник Робин вернулся в свою комнату после занятий и обнаружил засунутую под подоконник записку. Он тут же схватил ее. С колотящимся сердцем он захлопнул дверь, сел на пол и прищурился, пытаясь разобрать убогий почерк Гриффина.

Записка была на китайском. Робин озадаченно прочитал ее дважды, потом задом наперед и еще раз в нормальном порядке. Гриффин как будто написал иероглифы совершенно произвольно, они не складывались в осмысленные фразы, из них вообще нельзя было составить фраз – хотя присутствовали знаки препинания, иероглифы были расставлены без учета грамматики и синтаксиса. Несомненно, это был шифр, но Гриффин не предоставил Робину ключа, и Робин не мог вспомнить никаких литературных аллюзий или тонких намеков, которые бросил Гриффин, чтобы расшифровать эту бессмыслицу.

И тут он сообразил, что все понял неправильно. Это не китайский. Гриффин использовал китайские иероглифы, чтобы передать слова на другом языке, видимо английском. Робин вырвал из дневника лист бумаги, положил его рядом с запиской Гриффина и записал транскрипцию каждого иероглифа. Над некоторыми словами пришлось поразмыслить, поскольку написание китайских слогов очень отличалось от английских, но, в конце концов выявив общую схему транскрипции (например, *tè* всегда означало *the*, *ü* читалось как «oo»), Робин разгадал код.

В ближайшую дождливую ночь. Открой дверь баини точно в полночь, подожди в вестибюле, а через пять минут возвращайся обратно. Ни с кем не говори. Иди прямо домой.

Не отклоняйся от моих указаний. Запомни их наизусть и сожги записку.

Резко, прямо и малоинформативно – вполне в духе Гриффина. В Оксфорде непрерывно лил дождь. Ближайшая дождливая ночь будет завтра.

Робин снова и снова перечитывал записку, пока не запомнил наизусть все подробности, а потом бросил и оригинал, и свою расшифровку в камин и напряженно всматривался в огонь, пока все клочки бумаги до единого не съезжились и превратились в пепел.

В среду лило как из ведра. Во второй половине дня стоял туман, и Робин с нарастающим страхом смотрел на темнеющее небо. Когда в шесть вечера он ушел из кабинета профессора Чакраварти, мостовая посерела от мелкой мороси. К тому времени как он добрался до Мэгпай-лейн, дождь забарабанил крупными каплями.

Робин заперся у себя в комнате, положил на стол книгу на латыни, которую ему следовало прочитать, и попытался хотя бы посмотреть на страницы, пока не наступит указанное время.

В половине двенадцатого дождь превратился в ливень. От одного его звука становилось холодно, даже в отсутствие злого ветра, снега или града капли ударялись о мостовую с такой силой, словно кусочки льда о кожу. Теперь Робин увидел смысл в указаниях Гриффина – в такую ночь ни зги не видно, а если что и увидишь, разглядывать не станешь. Под таким дождем ходишь, пригнув голову и опустив плечи, не замечая ничего вокруг, пока не доберешься до тепла.

Без четверти двенадцать Робин схватил пальто и вышел в коридор.

– Куда это ты?

Он замер. Он думал, что Рами спит.

– Забыл кое-что в библиотеке, – прошептал он.

Рами вскинул голову.

– Опять?

– Наверное, это наше проклятие, – прошептал Робин, пытаясь сохранять хладнокровный вид.

– Льет как из ведра. Заберешь завтра, – нахмурился Рами. – А что ты забыл?

Робин чуть не сказал «книги для чтения», но это было бы неправильно, поскольку, как предполагалось, он читал их весь вечер.

– Мой дневник. Если он останется там, я не засну, слишком нервничаю, что кто-то увидит мои записи...

– И что там, любовное письмо?

– Нет, просто... просто я нервничаю.

Либо он оказался превосходным лжецом, либо Рами был слишком сонным, чтобы встретиться.

– Разбуди меня утром, – сказал он, зевая. – Я всю ночь буду сидеть над Драйденом, и мне это не нравится.

– Хорошо, – пообещал Робин и поспешил к двери.

Беспощадный дождь превратил десятиминутный путь по Хай-стрит в вечность. Вдали теплой свечой сиял Вавилон, каждый этаж был освещен как в разгар дня, хотя за окнами не было видно силуэтов. Ученые Вавилона работали круглые сутки, но большинство в девять или десять часов уходило с книгами домой, а если кто-то задерживался в здании за полночь, то уже не покидал его до утра.

Дойдя до зеленой лужайки, Робин остановился и осмотрелся. Но никого не увидел. Записка Гриффина была туманной, Робин не понял – стоит ли ему подождать, когда появится кто-нибудь из «Гермеса», или просто идти дальше и точно следовать указаниям.

«Не отклоняйся от моих указаний».

Зазвенел полуночный колокол. Запыхавшись, Робин поспешил к входу. Во рту у него пересохло. Когда он добрался до каменных ступеней, из тьмы появились два человека в черном. Из-за дождя лиц он не различил.

– Давай, – прошептал один из них. – Быстрее.

Робин шагнул к двери.

– Робин Свифт, – произнес он мягко, но четко.

Охранная система узнала его голос. Щелкнул замок.

Робин открыл дверь и на миг замер на пороге, чтобы в башню успели проскользнуть еще два человека. Он так и не увидел их лиц. Они устремились к лестнице, словно призраки: быстро и бесшумно. Робин дрожал в вестибюле, и капли дождя стекали по его лбу. Он смотрел на часы, следя за тикающими секундами, пока тянулись пять минут.

Все оказалось так просто. Когда пришло время, Робин развернулся и шагнул к двери. Он почувствовал слабый хлопок по спине, но больше ничего – ни шепота, ни клацанья серебряных пластин. Агентов «Гермеса» поглотила темнота. Через несколько секунд стало казаться, будто их и вовсе не было.

Робин пошел по Мэгпай-лейн. Его трясло, а голова кружилась от осознания, какой отчаянно дерзкий поступок он совершил.

Спал он плохо. Все ворочался в постели в кошмарном бреду, так что простыни промокли от пота. В полудреме его терзали видения: в дверь врывались полицейские и тащили его в тюрьму, объявив, что они все видели и все знают. Он заснул лишь на рассвете, настолько измотанный, что пропустил утренний звон колоколов. Робин проснулся, лишь когда в дверь постучал уборщик с вопросом, не подмести ли сегодня пол.

– А? Да, простите, дайте мне минутку, и я уйду.

Он побрызгал лицо водой, оделся и метнулся к двери. Его курс должен был собраться в аудитории на пятом этаже, чтобы перед занятиями сравнить свои переводы, и он ужасно опаздывал.

– Вот и ты, наконец, – сказал Рами, когда он пришел. Они с Летти и Виктуар сидели за квадратным столом. – Прости, что ушел без тебя, но я подумал, что ты уже тут. Я дважды постучал, но ты не ответил.

– Ничего страшного. – Робин сел. – Я плохо спал, наверное, из-за грома.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – озабоченно спросила Виктуар. – Ты какой-то... – Она махнула рукой в туманном жесте. – Бледный.

– Это все кошмары, – ответил он. – Иногда бывает.

Как только он это произнес, объяснение показалось ему глупым, но Виктуар сочувственно похлопала его по руке.

– Конечно.

– Ну что, начнем? – резко спросила Летти. – Пока мы только возились со словарем, потому что Рами не позволил начать без тебя.

Робин быстро пролистал страницы, пока не нашел заданного вчера вечером Овидия.

– Прости... Да, конечно.

Он опасался, что не высидит до конца. Но каким-то образом теплые солнечные лучи на холодном дереве, скрип пера с чернилами по бумаге и четкий и ясный голос Летти помогли его измученному разуму сосредоточиться, и самой насущной проблемой начала казаться латынь, а не предстоящее исключение из Оксфорда.

Встреча прошла бодрее, чем ожидалось. Робин, привыкший читать свои переводы вслух мистеру Честеру, который поправлял его по ходу дела, не ожидал таких пылких споров о той или иной фразе, пунктуации или допустимости повторов. Быстро стало очевидно, что у каждого из них совершенно разные стили перевода.

Летти, оказавшаяся приверженцем грамматических структур, максимально точно придерживалась оригинала и могла закрыть глаза даже на самые неуклюжие выражения, в то время как Рами, ее полная противоположность, всегда был готов отказаться от точности ради красивых фраз, которые, по его мнению, лучше передают суть, даже если приходилось использовать совершенно другие грамматические конструкции. Виктуар, похоже, была разочарована ограничениями английского языка. «Он такой неуклюжий, французский подошел бы лучше», – заявила она, и Летти всегда горячо с ней соглашалась, а Рами фыркал, и тогда они забросили Овидия, чтобы повторить тему Наполеоновских войн.

– Тебе уже лучше? – спросил Рами у Робина, когда они уже собирались разойтись.

Ему и впрямь было лучше. Так приятно было погрузиться в прибежище мертвого языка, сражаться на войне риторики, итог которой на него не повлиял бы. Его поразило, насколько обыденно прошел остаток дня, насколько спокойно Робин сидел вместе с остальными на лекции профессора Плейфера и делал вид, что его занимает только Тайтлер. При свете дня ночные подвиги казались далеким сном. Ощутимым и прочным был один лишь Оксфорд, учеба, профессора, свежееиспеченные булочки и топлёные сливки.

И все же он не мог избавиться от затаенного страха, что все это – жестокая шутка и в любую минуту занавес откроется перед разгадкой шарады. Ведь не может же такого быть, чтобы все сошло ему с рук без последствий. Как он вообще может жить после подобного акта предательства, кражи из самого Вавилона, которому он в буквальном смысле отдал свою кровь?

Ближе к концу дня его охватило сильнейшее беспокойство. То, что вчера вечером казалось такой захватывающей, праведной миссией, теперь выглядело невероятной глупостью. Робин не мог сосредоточиться на латыни; профессору Крафт пришлось щелкнуть пальцами у

него перед глазами, прежде чем он понял, что она уже три раза просила его прочитать строку. В самых ярких подробностях он воображал ужасные сцены: как констебли ворвутся в дом, покажут на него пальцем и крикнут: «Держи вора»; как однокурсники ошеломленно уставятся на него; а профессор Ловелл, который почему-то был одновременно и прокурором, и судьей, хладнокровно приговорит Робина к петле. Робин представил, как холодно и методично опускается каминная кочерга, снова и снова, дробя каждую косточку.

Но видение осталось видением. Никто не пришел его арестовывать. Медленно и спокойно тянулись занятия, и никто их не прервал. Его ужас ослабел. К тому времени когда Робин с однокурсниками собрались ужинать, ему стало удивительно легко притворяться, что прошлой ночи никогда не было. А когда они сидели за столом, ели холодный картофель с бифштексом, такой жесткий, что приходилось прикладывать немислимые усилия, пытаясь откусить от него кусочек, и смеялись над тем, как профессор Крафт раздраженно исправляла цветистые переводы Рами, все это действительно казалось лишь далеким воспоминанием.

Когда вечером он вернулся домой, за подоконником ожидало новое послание. Робин развернул его дрожащими руками. Нацарапанная записка была очень короткой, и на этот раз Робин расшифровал ее в уме.

Ожидай дальнейших указаний.

Собственное разочарование привело Робина в смятение. Разве он целый день не жалел, что впутался в этот кошмар? Он тут же вообразил насмешливый голос Гриффина: «Что, хочешь, чтобы тебя похлопали по спине? Дали печеньку за хорошо сделанную работу?»

Он с удивлением обнаружил, что рассчитывает на продолжение. Но понятия не имел, когда снова услышит что-то от Гриффина. Тот предупредил Робина, что их общение будет несчастным: может пройти целый триместр, пока он снова не объявится. Робина позовут, когда он опять понадобится, но не раньше. На следующий вечер Робин не обнаружил записки, как и через день.

Шли дни, потом недели.

«Ты ведь студент Вавилонa, – сказал ему Гриффин. – Так и веди себя соответственно».

И оказалось, что это очень легко. По мере того как воспоминания о Гриффине и «Гермесе» блекли в памяти, скрываясь в темноте и кошмарах, жизнь в Оксфорде и Вавилоне расцветала яркими, ослепительными красками.

Робина ошеломило, как быстро он полюбил это место и этих людей. Он даже не заметил, как это произошло. В первый триместр он вертелся как белка в колесе, ошеломленный и измотанный; занятия и домашние задания превратились в повторяющуюся череду усердного чтения допоздна, на этом фоне сокурсники стали единственным источником радости и утешения. Девушки, благословение Богу, быстро забыли о первом впечатлении, которое произвели на них Робин и Рами. Робин обнаружил, что они с Виктуар одинаково любят литературу – от готических ужасов до романов, и с большим удовольствием обменивались книгами и обсуждали последнюю партию бульварного чтения, привезенную из Лондона. А Летти, убедившись, что молодые люди достаточно умны, чтобы учиться в Оксфорде, стала гораздо терпимее. Оказалось, в силу воспитания она обладала и язвительным остроумием, и тонким пониманием британской классовой структуры, что делало ее на редкость интересной собеседницей, когда ее шутки не были направлены ни на кого из них.

– Колин из тех прикормленных представителей среднего класса, которые любят притворяться, будто у них есть связи, потому что его семья знает репетитора по математике из Кембриджа, – заявила она после визита на Мэгпай-лейн. – Если он хочет стать юристом, то мог бы просто поработать в суде, но он здесь ради престижа и связей, только не настолько обаятелен, чтобы их приобрести. Он прямо как мокрое полотенце, влажное и липкое.

Она тут же изобразила, как Колин, выпучив глаза, приветствует ее с излишним вниманием, и все засмеялись.

Рами, Виктуар и Летти расцветили жизнь Робина, стали его единственным регулярным контактом с миром за пределами занятий. Они нуждались друг в друге, потому что у них больше никого не было. Старшекурсники Вавилона были агрессивны и замкнуты на себе; слишком заняты, пугающе талантливы и грандиозны. Через две недели после начала триместра Летти смело спросила у аспиранта по имени Габриэль, может ли она присоединиться к французскому читательскому клубу, но ее отвергли с особым презрением, на которое способны только французы. Робин пытался подружиться с японской студенткой третьего курса по имени Илзе Дэдзима³³, которая говорила со слабым голландским акцентом. Они часто пересекались, входя и выходя из кабинета профессора Чакраварти, но в те несколько раз, когда Робин пытался с ней поздороваться, она так скривилась, будто он был грязью на ее туфлях.

Они пытались подружиться и с второкурсниками, пятью белыми юношами, живущими напротив, на Мертон-стрит. Но все сразу же пошло наперекосяк, когда один из них, по имени Филип Райт, сказал Робину за ужином в буфете, что первый курс такой интернациональный лишь из-за политики факультета.

– Совет факультета постоянно спорит о том, каким языкам отдать предпочтение – европейским или другим... более экзотическим. Чакраварти и Ловелл уже много лет поднимают шум по поводу разнообразия студенческого состава. Им не понравилось, что на нашем курсе все изучают классические языки. Полагаю, с вами они переусердствовали.

Робин попытался ответить вежливо:

– Не думаю, что это так уж плохо.

– Что ж, само по себе не так уж плохо, но это означает, что места отбираются у других квалифицированных кандидатов, сдавших вступительные экзамены.

– Я не сдавал никаких вступительных экзаменов, – сказал Робин.

– Вот именно.

Филип фыркнул и за весь вечер больше не сказал Робину ни слова.

И поэтому Рами, Летти и Виктуар стали постоянными собеседниками Робина, и он начал смотреть на Оксфорд их глазами. Рами ужасно нравился пурпурный шарф в витрине «Ид и Рейвенскрофт»; Летти глупо смеялась над пучеглазым юношей, сидящим перед кофейней «Королевский переулок» с книгой сонетов; Виктуар была страшно рада, что в «Кладовых и саду» только что появилась новая партия булочек, но поскольку застряла на уроке французского до полудня, Робин просто обязан был купить ей булочку и носить в кармане, пока не закончится урок. Даже материалы для чтения стали казаться более увлекательными, когда он начал рассматривать их как исходный материал для интересных заметок, сердитых или смешных, которыми позже можно поделиться с товарищами.

Не обходилось и без размолвок. Они бесконечно препирались, как это свойственно талантливым молодым людям с раздутым самомнением и разными взглядами. Робин и Виктуар долго спорили по поводу превосходства английской или французской литературы, при этом оба яростно отстаивали свои страны.

Виктуар настаивала, что лучшие философы Англии не могут сравниться с Вольтером или Дидро, и Робин согласился бы с ней, если бы только она не продолжала насмехаться над переводами, которые он брал в Бодлианской библиотеке, на том основании, что «они ничто по сравнению с оригиналом, с таким же успехом можно вообще не читать». Виктуар и Летти, хотя обычно были довольно близки, казалось, вечно ссорились по поводу денег и того, действительно ли Летти можно счесть бедной только потому, что отец не выделил ей содержа-

³³ Как и Робин, в Англии Илзе называли не именем, данным при рождении. Ее новое имя представляло собой сочетание произвольного английского имени (Илзе) и острова, с которого она приехала (Дэдзима).

ния³⁴. А чаще всего ссорились Летти и Рами, в основном из-за утверждения Рами, что Летти никогда не бывала в колониях и поэтому не должна рассуждать о преимуществах британского присутствия в Индии.

– Но я кое-что знаю об Индии, – напирала Летти. – Я читала разные статьи, читала «Письма индийского раджи» в переводе Хэмилтон.

– Вот как? – говорил Рами. – Ту самую книгу, в которой Индия – это чудесная страна индусов, а правят ей тираны, мусульманские захватчики?

На этом этапе Летти занимала оборону и становилась сердитой и раздражительной до следующего дня. Но это была не совсем ее вина. Рами был явно настроен ее спровоцировать, развенчать каждое ее утверждение. Гордая, правильная Летти с вечно поджатыми губами олицетворяла все, что Рами презирал в англичанах, и Робин подозревал, что тот не успокоится, пока не заставит Летти изменить своей стране.

И все же ссоры их не разъединяли. Скорее наоборот, сплачивали, оттачивали точку зрения и определяли, каким образом они все вместе соединятся в пазле своего курса. Все время они проводили вместе. По выходным сидели за дальним уличным столиком в кафе «Кладовые и сад», расспрашивая Летти о странностях английского языка, поскольку лишь она знала его с рождения. «Что такое солонина? – спрашивал Робин. – Есть баранина, телятина, а это какое животное?» «А кто такой «кидала»? – спросила Виктуар о слове, которое увидела в недавнем бульварном детективе. – И ради бога, Летиция, объясни, что значит «сиделец»?»

Однажды Рами пожаловался на ужасную еду в столовой, отчего он заметно похудел (и это была правда; университетские кухни предлагали постоянное чередование жесткого вареного мяса, несоленых жареных овощей и неотличимых друг от друга котлет, а иногда непонятные и несъедобные блюда с такими названиями, как «Индийские маринады», «Черепаша в западно-индийском соусе» и «Китайское чило»³⁵, очень малое число из них были халяльными). Они прокрались на кухню и соорудили блюдо из нута, картофеля и специй, которые Рами тайком набрал на рынках Оксфорда. В результате получилось комковатое алое рагу, такое острое, что казалось, будто получил удар в нос. Рами отказался признать поражение; вместо этого он объявил это происшествие еще одним доказательством своего тезиса о том, что с британцами что-то не так, поскольку, если бы они смогли достать настоящую куркуму и семена горчицы, блюдо было бы намного вкуснее.

– В Лондоне есть индийские рестораны, – возразила Летти. – На Пикадилли можно заказать карри с рисом...

– Только если хочешь получить пресное месиво, – фыркнул Рами. – Доедай свой нут.

Летти с несчастным видом засопела и отказалась делать еще хоть один глоток. Робин и Виктуар стойчески засовывали полные ложки в рот. Рами обозвал всех трусами: по его словам, в Калькутте даже младенцы едят острый перец не моргнув глазом. Хотя даже он с трудом доел огненно-красную массу со своей тарелки.

Робин не осознавал, что получил то, что так долго искал, пока однажды вечером в середине триместра они не оказались в пансионе Виктуар. Ее жилье было больше, чем у остальных, потому что никто не хотел делить с ней комнаты, а значит, у нее имелась не только спальня, но и собственная ванная, и просторная гостиная, где они собирались, чтобы закончить домашнее задание после закрытия Бодлианской библиотеки в девять часов. В тот вечер они играли в карты, а не занимались, потому что профессор Крафт уехала в Лондон на конференцию и у них выдался свободный вечер. Но карты вскоре были забыты, потому что комнату внезапно

³⁴ Мальчики в эти разговоры не вмешивались. Рами считал, что Летти справедливо отмечала – как женщина, она не имеет права унаследовать поместье Прайсов. Робин же полагал, что она не может называть себя «нищей», получая, как и остальные, достаточно большую стипендию, чтобы ходить по ресторанам, когда вздумается.

³⁵ Баранина, тушенная с луком, горошком и салатом, подается с рисом. Ученые считают, что «китайское» в названии намекает на восточное происхождение, но значение термина «чило» остается загадкой.

наполнил сильный аромат спелых груш, и никто не мог понять, откуда он, потому что они не ели груш, а Виктоар клялась, что в комнате их нет.

Потом Виктоар покатывалась со смеху, потому что Летти продолжала кричать: «Где груши? Где они, Виктоар? Где груши?» Рами пошутил про испанскую инквизицию, и Летти, подыгрывая ему, приказала Виктоар вывернуть все карманы пальто, доказав, что ни в одном из них не спрятана груша. Виктоар повиновалась, но ничего не нашла, что вызвало очередные истерические крики. А Робин сидел за столом, наблюдал за ними и улыбался, ожидая возобновления карточной игры, пока не понял, что этого не произойдет: все слишком много смеются, и, кроме того, карты Рами валяются на полу лицевой стороной вверх, и продолжать бессмысленно.

Тут он моргнул, неожиданно поняв, что означают эти самые обыденные и самые необычные мгновения – за несколько недель его однокурсники стали тем, чего он так и не нашел в Хампстед, чего, как он думал, у него больше никогда не будет после Кантона: кругом людей, которых он любил так сильно, что у него щемило в груди при мысли о них.

Они стали семьей.

И тогда его охватило чувство вины из-за того, что он так сильно их любит, любит Оксфорд.

Робину страшно нравилось здесь жить. Несмотря на ежедневные оскорбления, которые приходилось терпеть, прогулки по окрестностям приводили его в восторг. В отличие от Гриффина он не мог возненавидеть Оксфорд, не мог постоянно культивировать в себе подозрительность и готовность к бунту.

Но разве он не имеет права быть счастливым? Прежде он никогда не ощущал такого тепла в груди, никогда так не ждал утреннего пробуждения. Вавилон, друзья и Оксфорд словно отперли что-то внутри него, какое-то солнечное место, он никогда не думал, что будет чувствовать такое. Мир вокруг стал светлее.

Он был ребенком, изголодавшимся по любви, которую теперь имел в достатке. Так что же плохого в том, чтобы держаться за нее?

Он не был готов посвятить себя «Гермесу». Скорее он был готов убить за любого своего однокурсника.

Позже Робина поразило, что ему никогда не приходило в голову рассказать кому-либо из них о «Гермесе». Ведь к концу осеннего триместра он мог доверить каждому из них жизнь и не сомневался, что, если бы он упал в ледяные воды реки, любой из друзей нырнул бы вслед, чтобы спасти его. Но Гриффин и «Гермес» словно вышли из ночных кошмаров и теней, а однокурсники олицетворяли тепло, солнце и смех, и он просто не мог представить, как свести их вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.